

Андрей Белый

и Наташа Тургенева

Мужай Наташа,
но... Не уступ
вляю за писем
виара (оттаско
за него по дру
рай, бей, но
ль за то — пра

.....

Андрей Белый и Наташа Тургенева

РО М А Н В П И С Ь М А Х

МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА ГЕТЕАНУМА (ДОРНАХ)

Составление, вступительная статья,
подготовка текста и примечания
ТОМАСА БАЙЕРА и МОНИКИ СПИВАК

.....

МО С К В А • Р У Т Е Н И Я • 2 0 2 0

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке

Департамента средств массовой информации

и рекламы города Москвы

Ответственный редактор **МАКСИМ АМЕЛИН**
Редакторы **ТАТЬЯНА ТИМАКОВА, ОЛЬГА ПОНИЗОВА**
Макет и верстка: **СТАНИСЛАВ ВАЛИШИН**

Б43 Андрей Белый и Наташа Тургенева: Роман в письмах / Сост., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т. Байера и М. Спивак. — М.: Рутения, 2020. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-6043658-8-5

Неизвестная история несчастливой влюбленности Андрея Белого в Наташу Тургеневу, сестру его жены, реконструируется по письмам, обнаруженным в Дорнахе (Швейцария) — в Архиве Гетеанума (Dokumentation am Goetheanum-Archiv), в фонде Н. А. Тургеневой. Послесловием к этому сюжету служит пространное послание Белого к М. Я. Сиверс (Штейнер) от 13 января 1916 г. с подробным разъяснением его взглядов на проблему «любви из свободы» и детальным анализом отношений с Асей и Наташей (хранится в Дорнахе, в архиве «Наследие Р. Штейнера» — Rudolf Steiner Nachlassverwaltung). «Роману в письмах» посвящена первая часть книги. Во второй части даются письма других корреспондентов Н. А. Тургеневой 1916—1917 гг. (А. А. Тургеневой, Э. К. Метнера, М. В. Сабашниковой), также связанных с Белым отношениями любви, дружбы или вражды. Писатель прямо или косвенно является и одним из героев этого блока эпистолярных материалов из Архива Гетеанума.

Издание снабжено научным комментарием и уникальными иллюстрациями, представленными Мемориальной квартирой Андрея Белого (филиал Государственного музея А. С. Пушкина), «Архивом Гетеанума», Государственным литературно-мемориальным музеем Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и Государственным Дарвиновским музеем.

- © Т. Байер, М. Спивак, 2020
- © Архив Гетеанума (Dokumentation am Goetheanum-Archiv), автографы, илл., 2020
- © Государственный музей А.С. Пушкина, илл., 2020
- © Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, илл., 2020
- © Государственный Дарвиновский музей, илл., 2020
- © Рутения, 2020

Подписано в печать 30.09.2020. Формат 84×108/32. Гарнитура Школяр.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 12 п. л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано по заказу ИП Арсеньев Н.А. в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А, www.pareto-print.ru

Содержание

<i>Моника Спивак, Томас Байер. Между Асей и Наташей: сестры Тургеневы в судьбе Андрея Белого</i>	7
«Что есть любовь?» Переписка Андрея Белого и Наташи Тургеневой (1913—1917)	91
ПРИЛОЖЕНИЕ	
«Осколки Единой Любви» Письмо Андрея Белого М. Я. Сиверс (13 января 1916)	241
«Между нами есть самая настоящая связь» Письма Э. К. Метнера Наташе Тургеневой (1916, 1917)	283
«Ася — больна и лечится в Локарно» Письма Аси Тургеневой Наташе Тургеневой (1917)	323
«Довольно чертей и толстых и тонких» Письмо М. В. Сабашниковой Наташе Тургеневой (1917)	365
<i>Условные сокращения</i>	378
<i>Указатель имен</i>	380

Между Асей и Наташей

СЕСТРЫ ТУРГЕНЕВЫ В СУДЬБЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Выражаем благодарность за помощь в подготовке книги, за предоставление автографов и иллюстративного материала Иоганнесу Нило (Johannes Nilo), который был директором Архива Гетеанума в начале нашей работы, и Анне Паули (Anna Pauli), сменившей его на этом посту. Благодарим за ценные консультации Магнуса Юнггрена, замечательного шведского филолога и нашего большого друга. Благодарим Государственный музей А. С. Пушкина (особенно Елену Викторовну Наседкину), Государственный литературно-мемориальный музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (особенно Нину Ивановну Попову и Елену Ивановну Арефьеву), Государственный Дарвиновский музей (особенно Анну Иосифовну Клюкину и Анну Николаевну Курзаеву), Константина Марковича Азадовского и Екатерину Савченко за уникальные фотографии, ставшие украшением книги.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) и его первая жена Анна Алексеевна Тургенева (1890—1966) — все звали ее Асей — приняли решение связать свою жизнь с антропософией (учением, созданным Рудольфом Штейнером (1861—1925)¹, австрийским философом и мистиком), в 1912—1913 гг., а вскоре получили приглашение приехать в Дорнах, небольшое швейцарское местечко, где последователи Штейнера под его руководством возводили величественное «Иоанново здание» (Гетеанум), антропософский центр и школу свободной духовной науки. В 1914 г. Белый и Ася примкнули к группе строителей. Вслед за четой Бугаевых к антропософии приобщились старшая сестра Аси — Наталья Алексеевна Тургенева (Поццо; 1886—1942) и ее муж Александр Михайлович Поццо (1882—1941). Они также переехали в Дорнах.

Белый прожил в Дорнахе совсем немного — с 1914 по 1916 г. Но эти два года вместили и духовные взлеты, и падения. Глубочайшим из падений Белый считал вспыхнувшую в нем страсть к свояченице Наташе. Эта коллизия была, с одной стороны, подготовлена, даже спровоцирована охлаждением в отношениях Белого с Асей. С другой — именно это «падение», скорее всего, повлек-

¹ Современное написание (и произношение) фамилии создателя антропософии — «Штайнер» (Steiner). Мы, однако, здесь и далее следуем Андрею Белому и традиции начала XX в.

до за собой окончательный разрыв с Асей, женщиной, которую он любил больше всех на свете.

История с Наташей была для Белого не интрижкой, не проходным эпизодом, а поворотным событием жизни, точкой «слома»:

Линия слома путей разительна: она проходит сквозь все интимнейшее во мне; и даже отношения с ближайшим в то время человеком, с Асей, не могут переступить за порог роковой черты, делящей цельное четырех-летие, в свою очередь, на две части; отношения с Асей не по нашей воле *остывают* в 1914, 1915 годах; портятся еще более в письмах, агонируя весь период <с> 1916 до 1921 года, до удара встречи (конец 1921) и удара последнего разрыва (1922 год).

В этом разрыве, в замысле судьбы, разведшей меня и Асю, играла большую роль Наташа Поццо, и, конечно, она вырастает на моем горизонте *очень* в 1914, в 1915 годах; свершив свою «роль», подугасает в 1916, чтобы в последующей жизни от времени до времени просовываться, как, ну, «хорошая знакомая»².

Этот сюжет нашел отражение в знаменитых автобиографических схемах Белого, составленных *post factum* в 1927 г. — в «Линии жизни» и деталях к ней³. На большом

² Белый — Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 499 (Письмо от 1—3 марта 1927 г.).

³ Этот материал (копии рукой К. Н. Бугаевой) экспонируется в Мемориальной квартире Андрея Белого (филиал Государственного музея А. С. Пушкина). См. комментированное издание: *Белый А. Линия жизни / Отв. ред. М. Л. Спивак; сост. И. Б. Делекторская,*

панно отмечена близость с Асей, начинающаяся с 1909 г. и заканчивающаяся в 1919 г., за несколько лет до окончательного их расставания в 1922 г. Если следовать концепции Белого, то в 1922 г. в Берлине же произошло только внешнее оформление разрыва, случившегося ранее, а в 1919 г., в январе, холодность и равнодушие Аси проявились в письмах, оскорбивших и ранивших писателя.

Любовные письма Андрея Белого к Наташе, недавно обнаруженные в Дорнахе в Архиве Гетеанума (Documentation am Goetheanum-Archiv⁴), составляют ядро настоящего издания⁵. В этой связи представляется важным проследить историю их взаимоотношений и тот фон, на котором эти отношения развивались.

Период значимых отношений с Наташей начинается тогда же, когда и с Асей, в том же 1909 г. и заканчивается 1916 г., отъездом Белого из Дорнаха в Россию. Контакт с Наташей окрашен черным, что, учитывая символическое значение цвета в системе Белого, означает ее негативную роль в его судьбе.

На детали к «Линии жизни», озаглавленной «Кульминационный пункт жизни», подробно прорисован период жизни при Штейнере. На этой схеме отчетливо видно, что с появлением в дорнахской жизни Белого Наташи связан срыв мистического пути, духовное падение.

Е. В. Наседкина, М. Л. Спивак. М.: [Гос. музей А. С. Пушкина], 2010. См. воспроизведение анализируемых далее фрагментов и деталей «Линии жизни» на вклейке 1.

⁴ Полное название Archiv-Bibliothek-Kunstsammlung, Goetheanum Dokumentation.

⁵ В переводе на немецкий язык (переводчик Christoph Hellmundt) публикуемые нами письма Андрея Белого к Н. А. Тургеневой (Поццо) напечатаны в кн.: *Andrej Belyj. Dornacher Briefe Natascha Pozzo. 1913 bis 1917 / Hrsg. J. Nilo. [Dornach:] Verlag am Goetheanum, 2019.*

Три раза появляется на схеме имя Наташи, и все три раза линия жизни резко идет вниз. Особенно силен этот обрыв в августе 1914 г. Симптоматично, что роль Наташи в своей жизни — вероятно, по разрушительности и катастрофичности — Белый фактически уравнивает с мировой войной, поставившей Европу на край гибели.

На третьей детали — «Невидимые силы» — Белый дал проекцию своей жизни с точки зрения воздействия сил света и сил тьмы. Ася появляется в ней в 1909 году — как светлый ангел. В темную фазу она перемещается в 1922 г., когда бросает Белого. Наташа же оказывается актуальна в 1914—1916 гг. и дается однозначно как персонаж демонический, посланный Белому на погибель темными оккультными силами.

Дорнахская драма, одновременно и психологическая, и мистическая, стала фактом не только личной биографии писателя, но и его биографии творческой: нашла отражение в повести «Записки чудака» и романе «Москва» и др.

До недавней поры о том, что происходило с Белым и близкими ему людьми в Дорнахе, можно было догадываться лишь по художественным и мемуарным отражениям, отделенным от этих событий годами. Но обнаруженные недавно в архиве Гетеанума письма Белого к Наташе этого периода позволяют услышать его взволнованный голос проследить историю и психологию страсти практически в режиме реального времени.

* * *

История знакомства и отношений Белого с сестрами Тургеневыми реконструируется по большей части по его мемуарным текстам, которые были написаны уже по-

сле того, как страсть к Наташе утихла и отчасти зарубцевалась рана, полученная в результате разрыва с Асей. Несмотря на некоторую тенденциозность в освещении событий прошлого, более полного и авторитетного источника нет. По понятным причинам Асе Белый уделяет значительно большее внимание. Однако поразительно, что Наташа с самого начала прочно закрепилась в его сознании, часто представляя не просто сестрой-родней возлюбленной и жены, а ее двойником. Третья сестра — Татьяна Тургенева (1896—1966) была существенно младше Наташи и Аси, не увлекалась ни мистикой, ни антропософией и в жизни Белого занимала значительно меньшее место (она стала женой Сергея Соловьева, племянника философа и друга Белого).

О сестрах Тургеневых шла своя отдельная легенда, — вспоминала М. И. Цветаева. — Двоюродные внуки Тургенева, в одну влюблен поэт Сережа Соловьев, племянник Владимира, в другую — Андрей Белый, в третью, пока, никто, потому что двенадцать лет, но скоро влюбятся все. Первая Наташа, вторая Ася, третья Таня. Говорю — легенда, ибо при знакомстве оказалось, что Наташа — уже замужем, что Таня пока что самая обыкновенная гимназистка, а что в Асю — и Андрей Белый, и Сережа Соловьев⁶.

Несмотря на некоторые фактические неточности, Цветаева отразила главное: появление в Москве юных род-

.....
⁶ Цветаева М. И. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым) // Смерть Андрея Белого (1880—1934): Сб. статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 563.

ственниц великого писателя стало событием, если не определившим, то существенно повлиявшим на развитие русского символизма и на судьбы его представителей.

Родство с классиком отечественной словесности у сестер Тургеневых несомненное, хотя и весьма отделенное. Отец Ивана Сергеевича Тургенева Сергей Николаевич (1793—1834) и их прадед Алексей Николаевич (1792—1849) были родными братьями, их отец — Алексей Николаевич Тургенев (1862—1906), полный тезка прадеда, — внучатым племянником писателя, а сами они, таким образом, могут считаться всего лишь правнучатыми племянницами.

Однако «тургеневская порода» сестер Тургеневых, и прежде всего Аси (благодаря ее имени, отсылающему к названию известной повести), остро осознавалась современниками и особенно Белым, выведившим из наследственности особенности их характера. Алексей Николаевич Тургенев⁷ фигурирует в мемуарах Белого как разорившийся аристократ-помещик, придерживающийся левых, даже революционных, эсеровских убеждений, а его драматичная биография представлена как пересказ семейных (видимо, дочерних) преданий:

<...> в нем разыграли предки-декабристы: он произнес на сельскохозяйственном съезде эсерскую речь; полиция точила на него зубы; скоро в его квартире стали

.....

⁷ Белый не был с ним знаком, но знал его вторую жену Варвару Сергеевну Рукавишникову. Ср.: «<...> с Варей <...> я был знаком; она стала женою Тургенева, помещика-эсера, отца Аси, с которой позднее я сблизился <...>» (Белый А. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. С. 199).

приготавливать бомбы, которые раз в фартуке протащили мимо шпиков нянюшка Ариша и третья дочурка, Таня; Тургенев умер от разрыва сердца, спасшего его от каторги; полиция, явившаяся его арестовать, наткнулась на прах⁸.

Отцовское тургеневское начало в Наташе и Асе сочеталось с бакунинским, материнским. Белый подчеркивал, что в С. Н. Тургеневой, дочери Николая Бакунина, «была смесь аристократизма с нигилизмом», что «ее кровь прорабатывала анархиста „Мишеля“ Бакунина, его брата, розенкрейцера, Павла, Муравьева-Апостола, Муравьева-Вешателя, Муравьева-Амурского и Чернышевых, потомков Петра Великого <...>»⁹.

Брак А. Н. Тургенева с С. Н. Бакуниной оказался не очень счастливым. В начале 1900-х Софья Николаевна бросает супруга и выходит замуж повторно — за лесничего Владимира Константиновича Кампиони. Вместе с четырьмя детьми (три дочери и сын Михаил) она переезжает в его имение Боголюбьи под Луцком.

Впоследствии Белый дурные стороны характера Аси объяснит семейными неурядицами:

Ненормальна была ее жизнь; мало что читавшая и даже невежественная в проблемах культуры, далекая от всякой общественности, она росла в обстановке развала большого имения и впадения в нищету аристократа-помещика А. Н. Тургенева, ее отца, имевшего родственников от камергеров до... бунтарей; соедините традиции

.....

⁸ Белый А. Между двух революций. С. 53.

⁹ Там же. С. 52.

декабристов с анархизмом Бакунина (мать Аси — дочь одного из братьев Бакунина), Муравьевых от «левых» до «вешателя», Чернышовых и прочей когда-то знати, и вы получите дикий хаос воззрений деклассированного дворянства; вот чем надыхалась в деревне она; природная восприимчивость, соединенная с болезненной чуткостью, не могла заменить ей сознания и знаний <...>¹⁰.

Нечто «чрезвычайно болезненное»¹¹ будет подчеркивать Белый и в характеристике Асиной сестры: «Наташа казалась — болезненной <...>»¹².

Выпад в адрес «деклассированного дворянства» можно, вероятно, рассматривать как уступку советской идеологии (мемуары писались в середине 1920-х — начале 1930-х). Но несомненной была душевная травма дочерей, полученная в результате развода родителей. Белый писал, что «разрыв матери с горячо любимым отцом (Тургеневым), не перенесшим этого и умершим от разрыва сердца», стал для Аси «незаживающей раной»: «у нее не было дома; она ненавидела Луцк; будущее ей казалось пропастью, разверстой у ног <...>»¹³. То же самое еще в большей степени относилось к старшей сестре: «<...> девочки, Наташа и Ася, несмотря на нежную заботливость отчима, не пожелали жить с матерью <...>»¹⁴ и переехали в Москву, к тетке по материнской линии, камерной певице Марии Алексеевне Олениной-д'Альгейм

¹⁰ Белый А. Между двух революций. С. 423.

¹¹ Там же. С. 425.

¹² Там же. С. 326.

¹³ Там же. С. 356.

¹⁴ Там же. С. 356.

(1869—1970). Вместе с мужем французом Пьером (Петром Ивановичем) д'Альгеймом (1962—1922) они организовали знаменитый «Дом песни» (1908), ставший центром притяжения для молодежи символистской ориентации и местом знакомства этой молодежи с Наташей, Асей, Таней.

Первая, самая ранняя встреча Белого с Наташей и Асей произошла летом 1894 г., на балтийском курорте Либава (Лиепая; Латвия), когда Боре Бугаеву шел только четырнадцатый год, а девочкам было соответственно восемь лет и четыре года:

Июль. В июле мы с мамой <...> едем в Либаву.

Июль—август. Либава: скучнейше провожу время здесь. Море не произвело особенно сильного впечатления. Запомнился пляж, курзал; запомнились две маленькие девочки на пляже (впоследствии я с этими девочками познакомился в Москве; они оказались: Асей и Наташей Тургеневыми)¹⁵.

Следующая встреча, уже настоящая, случилась через десять лет, в 1905 г., когда Боря Бугаев стал уже Андреем Белым, известным писателем, а Ася с Наташей выросли в весьма своеобразных, но очень привлекательных девушек. Он вспоминал:

.....
¹⁵ Белый А. Материал к биографии / Подгот. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т. В. Павловой; коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада // Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад (Литературное наследство. Т. 105). М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 39.

В те дни я присутствовал на концерте д'Альгейма; мы в гостинице (кажется, в «Дрездене») сошлись у артистки; здесь я познакомился с Асей Тургеневой и с Наташей Тургеневой; помню, — они мне понравились; с Асей — соединил меня жизненный путь; это было позднее уже.

В этот вечер читали стихи мы: С. М. Соловьев сперва; я — вслед за ним; Ася слушала с нескрываемою усмешкой, как я распеваю стихи; Петр Иванович теоретизировал по этому поводу; Марья же Алексеевна не произносила ни слова. Был А. С. Петровский; мы с ним возвращались по темным, метелью всклокоченным улицам; и говорили о том, как нас тянет к д'Альгеймам <...>¹⁶.

Описанный вечер можно, вероятно, датировать 29 ноября 1905 г.¹⁷ Любопытно, что он запомнился и Асе, о чем она упомянула в статье «Андрей Белый и Рудольф Штейнер», опубликованной в 1968 г. (то есть посмертно) в парижском журнале «Мосты»:

Осенью 1905 года <...> в Москве, у моей тети Марии Алексеевны Олениной-д'Альгейм, Андрей Белый читал, вернее, пел и пел все выше свои стихи:

А поезд летит и летит и летит...

.....
¹⁶ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А. В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. С. 179. Алексей Сергеевич Петровский (1881—1858) — близкий друг Андрея Белого со студенческих времен, переводчик, редактор, сотрудник библиотеки Румянцевского музея, впоследствии антропософ; Сергей Михайлович Соловьев (1885—1942) — близкий друг Андрея Белого, племянник В. С. Соловьева, поэт, впоследствии священник; первый муж Т. А. Тургеневой, сестры Аси и Наташи Тургеневых.

¹⁷ Датировка дается в примеч. А. В. Лаврова. Там же. С. 876.

Крылатый поезд уже скрывался за облаками, и можно понять, что пятнадцатилетней девочке, выросшей в деревне, на Пушкине, пришлось спастись за спиной матери, чтобы скрыть неудержимый смех¹⁸.

Однако если в памяти Аси этот эпизод остался как исключительно комический, то Белый уже в то время почувствовал к новым знакомым интерес («они мне понравились»). В этом Белый и его друзья, познакомившиеся, судя по контексту, с Асей и Наташей чуть раньше, были единомышленны: «<...> мы все (я, Петровский, С. М. Соловьев, А. М. Поццо) немного в те дни увлекались Тургеневыми»¹⁹. Единомышленным было и желание продолжить общение («Мы решили на днях опять встретиться у д'Альгеймов с Тургеневыми»²⁰). Осуществить это намерение в те дни у Белого не получилось. На следующий день он поехал в Петербург разбираться в сложном клубке взаимоотношений с Л. Д. Блок (Менделеевой) и А. А. Блоком²¹.

Если в берлинской редакции «Начала века» (1923) говорится лишь об одной встрече 29 ноября, то в более поздней книге «Между двух революций» — про «дружеские беседы за чаем в гостиной д'Альгеймов», где в 1905 г. собиралась самая разнообразная публика и куда Белого «привлекали и родственницы певицы, Тургеневы»²². Именно тогда у Белого сформировалось цельное представление о семье Тургеневых-Бакуниных-Кам-

.....
¹⁸ Мосты. 1968. № 13/14. С. 238.

¹⁹ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 179.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 147.

²² Белый А. Между двух революций. С. 52.

пиони и о матери, с которой писатель впоследствии был дружен, и о ее старших дочерях:

<...> Софья Николаевна Тургенева (впоследствии Кампиони) <...> очень мне нравилась; мне нравились ее дочки, Наташа и Ася, девочки шестнадцати и пятнадцати лет — по прозвищу «ангелята»; ими увлекались; мамашу их называли с Сережей мы «старым ангелом» <...>.

Софья Николаевна интриговала способностью «на какое угодно» безумие, самопожертвование, на просто «гаф»; нравилось сочетание острого ума со встряхом полуседых волос; «сединой в волосах при бесе в ребре» — гордилась она <...>. Семейство Тургеневых отмечалось остротой тонкого вкуса и наследственным бунтарством; девочки эпатировали «буржуа» <...>²³.

«Девочки» видятся в то время Белому одновременно и бунтарками, и «ангелятами», да к тому же воспринимаются сквозь призму идеальных и гармоничных образов итальянской живописи эпохи Возрождения: его мечта — «ходить к д'Альгеймам, прислушиваться к пению Олениной и успокаивать взор на копиях с Боттичелли, с Филиппо Липпи: на Наташе и Асе»²⁴.

Однако внешняя гармония ставится под сомнение намеками на внутреннюю противоречивость и даже опасность «ангелят», намеками, выраженными опять-таки с помощью апелляции к образам и штампам мировой культуры:

.....
²³ Белый А. Между двух революций. С. 53.

²⁴ Там же.

<...> хотя глазки Наташи серафически расширились, однако она уж задумывалась над проблемой Раскольникова («убить или не убить»); одновременно: читала святую Терезу и Ангела Силезского; нравились миндалевидные, безбровые глаза Аси; в ее улыбке слилась Джиоконда с младенцем²⁵.

Новую значимую встречу, ознаменовавшую начало тесной дружбы с Наташей и сближение с Асей, Белый отнесет к весне 1909 г. Но судя по немногим проскальзывающим в мемуарах и автобиографических сводах упоминаниям, между 1905 и 1909 гг. были и другие контакты. Более частые — с Наташей. В «Материале к биографии» в записи об октябре 1908 г. Белый отмечает встречи с ней как явление уже вполне будничное, не выделяет ее из перечня других знакомых:

Постоянно бываю у д'Альгеймов. Вижусь там со Шпеттом, Лурье, Брюсовым, С. Л. Толстым, Тарасевичами, Рачинскими, Петровскими, Н. А. Тургеневой, Поццо, Руквишниковой и др.²⁶

Встреч с Наташей, думается, было больше, чем с Асей, ведь Наташа жила в Москве, при д'Альгеймах, а Ася бывала в Москве лишь наездами, так как П. И. д'Альгейм отправил ее учиться в Бельгию, в Брюссель, к известному граверу Мишелю Огюсту Дансу, где она проводила большую часть времени. Однако и с ней Белый смог увидеться в декабре 1907 г., когда состоялась «публ<ичная>

.....
²⁵ Там же.

²⁶ Белый А. Материал к биографии. С. 120.

лекция в Полит<ехническом> Музее» на тему „Фридрих Ницше“» и «встреча на ней с Асей и <Э. К.> Метнером»²⁷. В мемуарах «Между двух революций» говорится, что «встреча с Асей в тот вечер не зацепилась за сознание; а встреча с Метнером переполнила радостью»²⁸. Однако в берлинской редакции «Начала века» она описана подробно и, можно сказать, любовно:

<...> мы встретились с Асей Тургеневой. Ася явилась в Москву ненадолго из Бельгии, где она обучалась гравюре у Данса, известнейшего гравера, составившего себе имя вживанием в типы старинной гравюры; до сей поры Ася мне помнилась девочкой; увидел я барышню; помнил ее вовсе стрижкой; теперь поразили меня предлиннейшие локоны, светло-каштановые, ниспадавшие танцевавшими кольцами ей на покатые плечи и обвивавшие очень худое и розовое ее личико, продолговатое в стиле Бёрн-Джонса; и бирюзистыми становились порой ее камушки глаз, бледносерых и отдающихся взгляду ответному зеленоватыми искрами: строгое напряжение взгляда противоречило фейной и детской улыбке, улыбке — которой опять-таки противоречили вздоги совсем леонардовского любопытства, вполне вынимающей из души ее тайны; в кокетливой, розовой, шелковой кофточке прокачалась она колокольчиком

²⁷ Белый А. Ракурс к дневнику / Подгот. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т. В. Павловой; коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада // Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад (Литературное наследство. Т. 105). М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 377.

²⁸ Белый А. Между двух революций. С. 306.

розовым околос; с ней был Петровский; она улыбалась и показала ребенкины зубы; и подала не то чопорно, а не то прешутливо свои удлинненные, тонкие пальчики лилейки-ручки:

— «А вы не хотите и знать меня?»

Я удивился:

— «Но как вы попали сюда?»

И метнула пушистыми локонами, ей призакрывшими весь подбородок; из локонов розовый рот улыбнулся; но к изумлению моему вдруг достала она портсигарик:

— «А почему бы и нет? Дайте спичку...»

И — прикурила:

— «А вы не скучали?»

Она мне пустила в нос синий дымок:

— «Как видите, — нет...»

Мне она очень-очень понравилась <...>²⁹.

Далее общение перенеслось в неформальную обстановку, так как Петровский «силой повлек в синесерую артистическую квартиру д'Альгеймов, чтоб там показать Асю мне <...>»:

<...> вся обвисшая пепельными кудрями своими, сидела с ногами калачиком на премягкой софе, горбясь, мягко поблескивая из-под локонов ясными глазками, напоминающая опять-таки розовый колокольчик какой-то, прислушиваясь к тирадам д'Альгейма; и пальчиками протягиваясь к янтарному винограду.

Через несколько дней она спешно уехала в Брюссель³⁰.

²⁹ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 423.

³⁰ Там же.

В Москве Ася в то время уже воспринималась как художница, хоть и начинающая, но подающая большие надежды:

А. С. Петровский, придя ко мне вскоре, рассказывал с разгоревшимися глазами об Асе, о старом учителе, Дансе, который держал Асю в строгости, Асина жизнь мне представилась средневековою какою-то:

— «Понимаешь ли, Боря, — прекраснейше гравирует: ведь вот — она сделала быстрые, удивительные узоры».

Не мог нахвалиться он ей <...>³¹.

Действительно, издательство «Мусaget» вскоре закажет Асе обложки для сборника стихотворений Эллина «Stigmata» и для знаменитой «Антологии» издательства «Мусaget» (обе — М., 1911). Предполагалось, что она будет оформлять и книгу стихов Марины Цветаевой³².

О встрече в тот день с Наташей вроде бы не сообщается. Однако она все равно незримо присутствует в ме-

.....

³¹ Там же.

³² См.: «Каким чудом осуществилось наше сближение? Кто настоял? Думаю — никто, а нечто: простой голый факт, та срочная деловая необходимость, служащая нам несравненно больше чужой доброй воли и нашего собственного страстного желания, когда нужно — горы сводящая! В данном случае предполагавшееся издание „Мусagetом“ моей второй книги и поручение Асе для нее обложки» (Цветаева М. И. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым). С. 564.

Намерение не осуществилось; в издательстве «Мусaget» книга Цветаевой не вышла. Второй ее сборник «Волшебный фонарь» вышел в 1912 г. в издательстве «Оле-Лукойе» без художественной обложки. По свидетельству М. Л. Слонима, Цветаева говорила ему, что Ася Тургенева делала обложку для третьего сборника «Из двух книг» (М.: Оле-Лукойе, 1913). См.: Слоним М. О Марине Цветаевой: Из воспоминаний // Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992. С. 311.

муарах — в пересказе слов Петровского, который «питал неизменную слабость ко всем сестрам Тургеневым» и, очевидно, на тот момент имел большой опыт общения с ними:

— «Понимаешь ли, — каждая из сестер в своем роде единственная; Наташа — большой человек; ух какой человек; в ней лежат непочатые силы приподнятой мистики; Ася же — умница, более рационалистка, все напускающая на себя скептицизм и усталость; но у нее поразительная художественность, вкус и такт <...>»³³.

Год 1909-й можно считать поворотным в истории отношений Белого с сестрами Тургеневыми, прежде всего, конечно, с Асей.

В марте Белый приехал из Киева, где выступал с лекциями, и «в первые дни по приезде в Москву натолкнулся на Асю Тургеневу, вернувшуюся из Брюсселя <...>»:

<...> встретились на выставке; подивился: какая-то девочка, с серопепельными кудрями, с глазами, глядящими в душу, с улыбкой ребенка, — казалась знакомой, как будто мы встретились после разлуки: и — веяло вновь андерсеновской сказкой от тоненькой, бледненькой барышни в стиле Бёрн-Джонса; стояли под чьей-то мазней; объясняла мне линии; думалось — «как с ней уютно: как все понимает... В молоденькой девочке — мудрое что-то».

И встретились снова у Метнеров (Ася, Наташа Тургеневы проживали в том доме, где — Метнеры).

.....

³³ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 423.

Вновь показалось:

— «Она ведь и есть та заря, о которой писал в предисловии к „Урне“»³⁴.

Далее было приглашение Аси позировать ей для портрета, ставшее поводом к сближению³⁵. Правда, история создания этого знаменитого портрета Белый и Ася видели немного по-разному. Согласно воспоминаниям А. А. Тургеневой, ее квалификация гравера и дала повод для первого разговора с Андреем Белым, через четыре года после встречи в 1905 г.: «Мне поручили нарисовать его портрет»³⁶.

Белый, однако, об этом поручении ничего не знал (да и сейчас неизвестно, для чего этот портрет мог предназначаться) и, видимо, до конца жизни пребывал в уверенности, что Ася решила сделать его портрет по собственной инициативе, так как ему симпатизировала. В мемуарах «Между двух революций» этот эпизод описан следующим образом:

Я помню, как раз затрещал телефон; подхожу: голос Аси Тургеневой:

— «Вы согласились бы мне позировать для рисунка, который переведу я в гравюру? Но предупреждаю: для этого вам придется бывать у д'Альгеймов с утра — каждый день».

.....

³⁴ Там же. С. 584.

³⁵ В «Материале к биографии» (С. 122) Белый датирует работу над портретом мартом 1909 г., в «Ракурсе к дневнику» (С. 384) — апрелем 1909 г.

³⁶ Тургенева А. А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1968. № 13/14. С. 239.

Не задумываясь, я ответил:

— «Конечно же!»

Как же не согласиться?

А были дела: роман, «Весы», заседания, статья для гоголевского юбилея; и вот я — пленник д'Альгеймов; верней, — их племянницы <...>³⁷.

В более ранних воспоминаниях, в берлинской редакции «Начала века», Белый рассказывает про этот портрет сначала почти в тех же словах:

Раз затрещал телефон; и голос:

— «Вы согласитесь позировать для гравюры? Придется бывать у д'Альгеймов: там буду я вас рисовать...».

Голос — Аси; мне — радостно; можно встречаться теперь каждый день <...>.

Однако далее вводит еще одну деталь, подчеркивающую заинтересованность Аси в работе с ним и ее настойчивость в желании заполучить его в качестве «натурщика» — то, что первый сеанс он пропустил (впрочем, по уважительной причине, по болезни) и что Ася (вместе с ближайшим другом А. С. Петровским) сама явилась к нему домой:

<...> но на первый сеанс не пришел (простудился); сидел за работой — больной.

И — звонок: Ася с А. С. Петровским:

— «Вот, Боря, — смеялся Петровский, — привел к тебе Асю: изволь-ка позировать...»

.....

³⁷ Белый А. Между двух революций. С. 324—325.

Ася, сев в кресло, как кошка, клубочком свилась, развивая уют; и я позабыл, что позирую: то — начал я строчить, то, отваливаясь, заводил разговоры <...>. После — каждое утро спешил я в «Дом Песни», в знакомую комнату; и — в сине-серое кресло; потряхивая пышнейшими локонами, Ася встречала меня; я позировал; и разговоры — окрепли, связали нас тесною дружбою, переходящей в сближение <...>³⁸.

Похожая идиллическая картина описана Белым и в мемуарах «Между двух революций»:

<...> я усажен в огромное сине-серое кресло: под самым окном; в таком же кресле — Ася; с добрым уютом она забралась с ногами в него; потряхивает волосами, и мрачная морщина чернит ее лоб; она вцеливается в меня, стараясь карандашом передать на картон линию лба; и это — не удается ей; бросив работу, она закуривает; и какая-то особенно милая, добрая улыбка, как лучик, сгоняет морщины; начинается часовой разговор: вдвоем; забыты: и линия лба, и гравюра; вся суть в разговоре; гравюра давно уже стала предлогом для этих привычных посидов; из двух-трех сеансов вполне алогически вырос прекраснейший солнечный месяц необрываемой беседы вдвоем³⁹.

В результате так проведенного времени появился не только портрет Белого работы Аси Тургеневой (см.

³⁸ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 585—586.

³⁹ Белый А. Между двух революций. С. 324—325.

вклейку 2). «Возникающая любовь между мною и Асей <...>» — подвел Белый итог в «Материале к биографии»⁴⁰.

* * *

Подробно восстанавливая хронологию и символический смысл этого начального этапа «пути» с Асей, Белый, однако, постоянно подчеркивает, что без Наташи картина происходящего была бы неполной. Она — не просто свидетель, «попутчик», но важный участник всех событий конца 1900-х. Так, переломная встреча в марте 1909 г. отмечена в «Ракурсе к дневнику» как «Встреча с Наташей и Асей у д'Альгеймов и Метнеров»⁴¹. После нее образовались «две пары»: «<...> я — с Асей; с Наташей — Поццо; меж нами — Петровский; „пятерку“ прозвали П. И. и М. А. — „молодежь“»⁴².

С А. С. Петровским, другом Белого со студенческих лет и на всю жизнь, у Наташи, очевидно, был хоть и недолгий, но роман (закончился в 1911 г.)⁴³, однако ее мужем (в том же 1911 г.) стал «бескорыстно-взволнованный, благородно-восторженный»⁴⁴ Алексей Михайлович Поццо. Будучи юристом (по образованию и роду занятий), он тем не менее интересовался теми же духовными пробле-

⁴⁰ Белый А. Материал к биографии. С. 122.

⁴¹ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 384. Они жили по соседству, в Малом Гнездиновском переулке.

⁴² Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 586. Упоминаются П. И. д'Альгейм и М. А. Оленина-д'Альгейм.

⁴³ См. об этом в статье Магнуса Юнггrena «Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой» в кн.: Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М.: Изд-во филол. ф-га в Белграде, 2017. С. 348 и примеч. С. 351.

⁴⁴ Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1990. С. 109.

мами, которыми жило окружение Белого, тесно дружил с Г. А. Рачинским, религиозным публицистом, председателем Московского религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева, редактировал журнал «Северное сияние». Белый знал А. М. Поццо с 1904 г., позже сблизился с ним на почве влюбленности обоих в сестер Тургеневых, породнился, а во время совместной жизни и работы в Дорнахе и подружился.

<...> это был застенчивый, рассеянный, с утрированно скорбным или утрированно романтическим нахмуром, с улыбочкой не то «несказанного» благородства, не то просто искательной студент-юрист, неглупый, культурный; <...> но и звезд с небес не хватал; появившись из уст Рачинского в 1904 году, он скоро зажил в «Доме песни» д'Альгеймов как «свой»; он вообще делался «своим» в утонченных домах с необыкновенной, естественной легкостью; когда же «Дом песни» стал местом встречи с романтикою и молодостью разогретых душ и там, в «Доме песни», начались романтические приключения между мною и Асей, Наташей и многими молодыми людьми, то А. М. Поццо оказался влюбленным в Наташу <...>⁴⁵.

Белый вспоминал, что «собираться „молодежь“ предпочитала «у Наташи, где сживали впятером, на коврах, и где были однажды накрыты М. А., невзначай заглянувшей к Наташе; <...> (вменялось встречаться с Тургеневыми в „Доме Песни“»⁴⁶. В результате «„пятерка“ решила остаться в своем только круге», «удрать из Москвы:

⁴⁵ Белый А. Между двух революций. С. 424—425.

⁴⁶ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 586. М. А. Оленина-д'Альгейм.

провести вместе несколько дней среди зелени; мы попали в Саввинский монастырь, близ Звенигорода; остановились в гостинице <...>». Выбор места побега, а скорее всего и сама идея уехать всем вместе на «два-три денька — под Москву» принадлежали, вероятно, Наташе и ее ухажеру: «А. М. Поццо был должен в Звенигороде защищать одно дело (он был адвокатом)»⁴⁷.

«Пять прекраснейших, солнечных дней» в Звенигороде Белый назовет «незабываемыми днями», так как они «сблизили с Асей» и «в них впервые наметилась возможность пути с Асею». Он подробно опишет впечатление от возлюбленной и важный разговор с ней, происходивший в весьма экзотической обстановке:

Мне запомнился наш разговор — на дереве, свисающем над голубым, чистым прудом, испрысканным солнцем; запомнились и отражения: вниз головой; из зеленого облачка листьев, в мгновенных ответах ветра, — я видел то локоны Аси, то два ее глаза, расширенных, внятно внимающих мне; и запомнился розовый шелк ее кофточки; вдруг ветви прихлынут к лицу: ничего; под ногами — двоился, троился отточенный ствол, расщепляемый легкой рябью <...>

Но при этом Наташа, решавшая в то же время проблемы своей личной жизни, также постоянно будет находиться в поле зрения Белого:

<...> запомнились спины склоненных под нами Наташи и Поццо, сидящих глубоко внизу: на зелененьком

⁴⁷ Там же. С. 587. Белый в мемуарах датирует эту поездку маем 1909 г., в «Материале к биографии» и «Ракурсе к дневнику» — апрелем.

бережку (они тоже задумывались о путях своей жизни: Наташа впоследствии стала женой А. М. Поццо)⁴⁸.

Причем любопытно, что самое яркое символическое событие этой поездки — ночной поход «вперед», в Новый Иерусалим — произошло без Аси, но вместе с Наташей и А. М. Поццо:

Помнилась ночь, когда я и Наташа, и Поццо, — пошли погулять: перед сном; вдруг решили: пойдём — и вперёд, и вперёд, и вперёд. Кто запросит повернуть, тот — не выдержит искуса; вот пошли — всё вперёд, все вперёд, все вперёд, в тихом месяце, перепрыгивая через лужи; и Поццо шагал, бескорыстно взволнованный этим — ...к чему? Я подумал:

— «Куда же мы? А не пора ли?.. Ведь Ася, Петровский — нас ждут». Но, признаться, — нет, нет: заповедано; час, другой шли — сквозь леса, где густое древье соплеталось жердистой паветью; мы разводили раскосые ветви руками; и было так — сыро; и было — так сиро.

— «Куда же?»...

Сообразили:

— «Там — Новый Иерусалим»...

И сиял А. М. Поццо:

— «Конечно же, — в Новый Иерусалим»...

— «А Петровский, а Ася?»

— «Вернемся к ним завтра мы <...>».

И светало: туманы курились; зорька — розела; спросили в деревне, где мы; и узнали, что линия наша на Новый Иерусалим — стала кругом: прошли мы верст

⁴⁸ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 588—589.

двадцать; и возвращались — к Звенигороду. Новый Иерусалим превратился из города — в путь: от вечерней зари — к заре утренней: там ожидали — Петровский и Ася; и песня звучала:

Сияй же, указывай путь, —

Веди к недоступному счастью —

Того, кто надежды не знал⁴⁹.

Однако уже в мае Ася вернулась к своему учителю в Брюссель, и продолжить «беседу вдвоем» у Белого появилась возможность лишь летом следующего, 1910 г., когда Ася снова приехала в Россию, а Белый отправился к ней, в имение В. К. Кампиони Боголюбы, в котором жили ее мать и семья, ну и где, конечно, оказались Наташа с Алексеем Михайловичем. В Боголюбах вызрело «решение о пути с Асей бесповоротно» и вытекающее из него «решение уехать в Италию осенью»⁵⁰, осуществленное в конце того же года. Это было их свадебное путешествие, хотя и без венчания, так как Ася оказалась решительным противником церковного обряда. Аналогичное решение, причем по такой же эпатажной модели, вскоре приняли и Наташа с А. М. Поццо:

<...> вслед за нами Наташа уехала с Поццо в Италию, как Ася, с отказом от брака; после рассказывали, что Москва разделилась во мнениях; одни утверждали: декаденты бежали, похитив двух девочек (бедные девочки!);

⁴⁹ Там же. С. 589.

⁵⁰ Белый А. Материал к биографии. С. 126.

другие же твердили: «дрянные» девчонки-де загубили нам жизни <...>⁵¹.

Отъезду в Италию предшествовало примирение Белого с Блоком, произошедшее на квартире, снятой Белым и Поццо в Москве для сестер Тургеневых⁵². Место этой важной встречи представлялось Белому не менее значимым, чем сам факт встречи:

Наташа и Ася воссели на мягкий диван; и, конечно, Наташа уселась скромно, — так точно, как подобает сидеть взрослой барышне; Ася — с ногами: сидит, обвисает кудрями; и — горбится, очень внимательно слушая Блока. Мне радостно видеть такого мне близкого человека, как Блок, у таких близких сердцу, как сестры Тургеневы <...>; сказочен, сказочен мне этот вечер!⁵³

Белый, безусловно, был заинтересован в том, чтобы его новые подружки, особенно Ася, Блоку понравились. Однако к Асе Блок отнесся сдержанно, а вот Наташа произвела сильное впечатление, заинтересовала:

А ночью, часам так к двенадцати, Блок провожал меня до дому; мы разговариваем — о Тургеневых; я спрашивал:

— «Ну, как понравилась Ася?»

— «Да, острая она такая: дикая и пронзительная...»

.....

⁵¹ Белый А. Между двух революций. С. 408. Белый с Асей уехали 26 ноября (9 декабря) 1910 г., Наташа с А. М. Поццо — в январе 1911 г.

⁵² Комната находилась в Штатном переулке.

⁵³ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 656.

Из расспросов не удалось ничего от него мне добиться; и понял я в общем — одно: что он в Асе увидел значительную натуру, но не совсем разобрался в своих впечатлениях о ней; нерешительность эта меня огорчила; я стал объяснять, как близка стала Ася мне:

— «Да?»

Так сказал он, взглянув; и это «да» прозвучало, как будто бы он сомневался в словах моих; стал уверять его, что — ручаюсь за отношение к Асе.

— «Да?» И — ничего не прибавил.

Зато говорил о «Наташе», которая очень понравилась⁵⁴.

В своих предпочтениях Блок был не оригинален:

Сестра Аси <...> в пору ту голову многим кружила; влюблялись в нее — тот, другой; хвост поклонников, — драмы, вздыхания ревности <...>⁵⁵.

Белый подчеркивал, что именно Наташа «доминировала в качестве звезды первой величины в созвездии, именуемом „Тургеневы“»⁵⁶; что «Петровский и Поццо водились больше с Наташей» и что «последняя появлялась везде; даже у Метнеров»⁵⁷. Впоследствии у Наташи будет роман не только с А. С. Петровским и А. М. Поццо, но и с Э. К. Метнером⁵⁸, что вызовет у Белого спазмы рев-

.....

⁵⁴ Там же. С. 657.

⁵⁵ Белый А. Между двух революций. С. 324.

⁵⁶ Там же. С. 425.

⁵⁷ Там же. С. 325.

⁵⁸ Юнгрен М. Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой. С. 347—348 и примеч.

ности и поставит его на грань безумия. Лишь Сергей Соловьев увидел уже тогда в Наташе «ведьмочку».

<...> Петровский шептал мне:

— «Ты обрати внимание на Наташу; ведь вот — удивительного размаха душа; она в прошлом году все читала Святую Терезу, имела экстазы какие-то, а вот теперь замыкается; днями сидит на диване; и думает думу какую-то <...>».

А С. М. Соловьев разводил все руками:

— «Наташа, — да, да: или — просто святая, иль — просто...»

— «Что просто?» — подскакивало пенсне Алексея Сергеевича <...>.

— «Что?.. Да не знаю я: „ведьмочка“ — может быть?...»⁵⁹

Это определение — «ведьмочка» — Белый возьмет на вооружение и будет активно использовать: «<...> Наташа, умная, сложная, очень раздвоенная, в черном платье, с глазами русалки, не то ангелица, не то настоящая ведьмочка <...>»⁶⁰. Рассказывая о конце 1900-х, начале 1910-х, он будет подчеркивать, что, несмотря на царящий «в воздухе дома д'Альгеймов <...> культ «Наташи»», он сам ее «как-то всегда сторонился». Не вполне осознанное, чисто интуитивное чувство исходящей от нее опасности Белый отразит в написанном в 1909 г. романе «Серебряный голубь», назвав Наташу в числе прототипов своих персонажей. Вполне обоснованно считается, что Дарь-

⁵⁹ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 444.

⁶⁰ Белый А. Между двух революций. С. 324.

ьяльский, главный герой романа, разрывающийся между духовной любовью (Катя) и плотской (Матрена), автобиографичен. В то время как раз затягивались раны от пережитого ранее тяжелого увлечения Л. Д. Блок, ставшей прототипом Матрены, и расцветала любовь к Асе, ставшей прототипом Кати. «Дарьяльский — стилизованный автопортрет Белого, Катя — поэтическое отражение Аси Тургеневой», — отмечал К. В. Мочульский⁶¹. Частично был списан Дарьяльский и с Сережи Соловьева, с которым в период написания романа Белый очень тесно общался. На это указывали и исследователи⁶², и современники Белого. Так, о том, что Ася Тургенева — «невеста Андрея Белого и Катя „Серебряного голубя“, Дарьяльский которого — Сережа Соловьев», писала в очерке «Пленный дух» Марина Цветаева, ссылаясь при этом на рассказы друга Белого переводчика В. О. Нилендера: «Все это, гордясь за всех действующих лиц, а немножечко и за себя, захлебываясь сообщил мне Владимир Оттонович Нилендер, должно быть, сам безнадежно влюбленный в Асю»⁶³. Сам же Белый в числе множества окружавших его лиц, послуживших моделями для его героев, называл и Сережу Соловьева, с которого частично был списан Дарьяльский, и... Наташу Тургеневу, увиден-

⁶¹ Мочульский К. В. Андрей Белый. Париж: YMCA-Press, 1955; переиздание: Мочульский К. В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1997. С. 317.

⁶² Подробнее о Сергее Соловьеве как о прототипе Дарьяльского см.: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С. 287—289; Лавров А. В. Дарьяльский и Сергей Соловьев: О биографическом подтексте «Серебряного голубя» Андрея Белого // Лавров А. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 105—139.

⁶³ Цветаева М. И. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым). С. 563.

ную в романе сквозь призму соловьевского видения, как «ведьмочку»:

<...> в Аннушке-Голубятне вполне бессознательно отразился один только штрих, но действительный, Н. А. Тургеневой (лейтмотив, бледно-гибельный, грустной сестрицы); и это открыл мне Сережа <...>⁶⁴.

Напомним, что Аннушка-Голубятня, прячущая «мертвенно-бледное лицо» и летающая по дому «бледно-белым <...> бескровным нетопырем»⁶⁵, оказывается в романе олицетворением самой смерти. Сначала она соблазняет, привораживает к себе, а затем отравляет помещика Луку Силыча, в доме которого будет собираться мистическая секта Голубей, а потом ласково и нежно, называя Дарьяльского братцем, а себя сестрицей, почти любовно проводит его к месту гибели, заманивает в ловушку и организует убийство.

Несмотря на то, что Аннушка-Голубятня «связалась» в сознании Белого с Наташей Тургеневой «вполне бессознательно» и скорее всего уже после того, как она сыграла свою «гибельную» роль в Дорнахе, это автопояснение кажется весьма любопытным. Однако еще более интересным представляется то, что героиню, ведущую Дарьяльского к смерти, он назвал именем своей возлюбленной и будущей жены — ведь Асю официально звали Анной Алексеевной... Возможно, так же «вполне бессознательно», Белый воплотил в образе Аннушки-Голубят-
.....

⁶⁴ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 599.

⁶⁵ Белый А. Серебряный Голубь // Белый А. Собрание сочинений: Серебряный голубь. Рассказы / Сост., предисл., коммент. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. С. 149, 155.

ни опасность, исходящую от обеих сестер, и от Аси, в которой стал чувствовать склонность к медиумизму⁶⁶, и от ее двойника Наташи.

* * *

Тесное общение с Наташей, все более укоренявшейся в том кругу, в котором вращался Белый, продолжалось и пока Ася училась в Брюсселе, и когда Ася из Брюсселя вернулась. Наташа дружит с Эллисом, с А. С. Петровским, позже сближается с Э. К. Метнером (об этом см. в преамбуле к его письмам) и, что особенно важно, входит в круг фанатичных поклонников Анны Рудольфовны Минцловой, оккультистки и штейнерианки, пытавшейся объединить литераторов-символистов (прежде всего Вяч. Иванова и Андрея Белого) и увлекающуюся мистицизмом молодежь в розенкрейцеровское братство⁶⁷:

<...> события будущего апеллируют к возрождению нового розенкрейцества, лишь освещенного силами старого; новое рыцарство — возникает; в России сосуд — должен быть: коллектив sui generis ложа; и нужно, чтобы в Москве, в Петербурге нашлись два лица, группирующих тех, кто себя свяжут братски, чтоб стать под

.....

⁶⁶ Ср.: «<...> обнаруживалось в ней то свойство, которое я хочу назвать медиумизмом; в него, так сказать, въедался уже медиумизм подлинный, вплоть до веры в спиритические стуки и прочее <...>» (Белый А. Между двух революций. С. 426).

⁶⁷ См.: Богомолов Н. А. Анна-Rudolph. Маленькая монография // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 23—112; Глухова Е. В. Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4 (Ч. 2). М., 2007. С. 215—270.

знамена — духовного света; те лица духовными упражнениями подготовят себя; упражнения — вооружения: лба; это шлем; а другое — жизнь сердца: жизнь панциря; и есть — меч; есть *наплечник* (все разные упражнения); вооруженные *рыцари* образуют круг рыцарей («Круглый Стол», на который поставится чаша Грааль, что таима — рыцарями Грааля, потом — темплиерами; и наконец — розенкрейцерами); я же — призван помочь: быть кристаллом, естественно вызывающим стяжение людей; в Петербурге лицо уже есть; двое мы вместе с Минцловой образуем естественный треугольник для построения храма рыцарства; около *двух* соберутся кружки; Минцлова будет органом сношения с *посвященными* братьями; ее миссия передать нечто важное — от старинных традиций <...>⁶⁸.

Влияние Минцловой было велико не только в Петербурге (Вяч. Иванов и посетители его «Башни»), но и в Москве, прежде всего в кругу издательства «Мусагет»:

<...> Анну Рудольфовну — боготворили: Петровский, я, Метнер, Сизов, Киселев, Христофорова, мама, <...>. Поддалась оккультному соблазну и «Наташа Тургенева: та, как увидела Минцлову, — ахнувшим жестом каким-то присела к ногам ее (в аллегорическом смысле)...»⁶⁹

«Знакомство Наташи Тургеневой с Минцловой» Белый в «Ракурсе к дневнику» датирует декабрем 1909 г., встречей Рождества⁷⁰. А уже в январе-феврале 1910 г. Наташа

⁶⁸ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 592.

⁶⁹ Там же. С. 610.

⁷⁰ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 388.

становится проводником идей Минцловой и даже, видимо, пытается оказывать давление на Белого, не готового ей слепо подчиняться.

В начале 1910 г. «Минцлова вызывает» Белого «в Петербург», где «на башне у Вячеслава Иванова» происходят «длительные споры о „кресте и розе“» и «острые переговоры» «о „коллективе“» между Белым, «Минцловой, Ивановым, приехавшим Метнером»⁷¹. К этому периоду «мучительных недоразумений» относится отмеченный в «Материале к биографии» «мучительный разговор с приехавшей в Петербург Наташей Тургеневой (приехавшей к Минцловой)»⁷². В «Ракурсе к дневнику» этот разговор указан как «объяснение с Наташей Тургеневой»⁷³. Так как Белый тогда, по его собственному признанию, не мог «ни морально *найтись*, ни медитативно работать (Минцлова дала новые медитации), ни разобратся в версии Минцловой об учителях...»⁷⁴, то можно предположить, что Наташа хотела укрепить доверие Белого к Минцловой, заставить его следовать ее указаниям.

Вскоре камнем преткновения стала запланированная Минцловой поездка Белого и Иванова в Ассизи на встречу с таинственными посвященными:

Минцлова требует, чтобы я в мае ехал в Италию, в Ассизи, куда должен приехать Иванов; там, <в> Ассизи де, должна произойти наша встреча с розенкрейцерами и «посвящение»; но я, измученный уже год длящимся без разрешения мифом, принимающим все более

.....

⁷¹ Там же.

⁷² Белый А. Материал к биографии. С. 124.

⁷³ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 388.

⁷⁴ Белый А. Материал к биографии. С. 124.

зловеще-фантастический характер после совета с Метне-ром, решаю отказать<ся> от «чести» ехать в Италию <...>⁷⁵.

Задание Минцловой входило в противоречие с личными планами Белого, обещавшего провести лето с Асей в Боголюбях. Против Италии он ничего не имел, но опять-таки планировал поездку с возлюбленной, а не встречу с таинственными минцловскими оккультистами, то есть выбрал не высокую оккультную миссию, а любовь:

Я сказал ей, что я отвлекаюсь от «дела», что я не могу так беспроку вариться в соку «коллектива», что Ася Тургенева, зиму прождав меня в Брюсселе, все основанья имеет сердиться; теперь она едет в Россию; и ею я связан: тут А. Р. признался, что с Асей меня вероятно и свяжет путь жизни, что «тайн» у меня от нее вероятно не будет; А. Р. мне сказала:

— «Я вижу, что прежде чем личная жизнь не устроится ваша, — не можете вы слишком много вникать в наше „дело“; и я — отпускаю вас. Асе же можете „все“ рассказать... Но запомните, Белый, что прежде чем вы отойдете, должны вы поехать в Италию, чтобы в назначенном месте увидеть „т о г о“, кто вас свяжет с традицией»...

Вместо того чтобы ехать мне к Асе, я должен был после бесплодной сумятицы прошлого лета, всей осени, трудной зимы вновь возиться с каким-нибудь «мором» Минцлов<ой>: эта обязанность камнем легла; промолчал, но — подумал:

— «Я — вряд ли поеду!»⁷⁶.

⁷⁵ Белый А. Материал к биографии. С. 125.

⁷⁶ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 634.

В этом намечающемся конфликте Наташа оказывается посредником между Минцловой и Белым. Об этом, как кажется, свидетельствует письмо Минцловой Вяч. Иванову из Москвы от 25 мая 1910 г.:

Прежде всего о Б. Н. <...> он не видел меня, т. к. в день моего приезда он уехал с матерью на дачу к Танеевым возле Клина <...> Б. Н. не считает, что он «ушел» от «дела»; он был у Наташи Тургеневой перед отъездом и там ей жаловался на меня, на то, что я все время отдаю «Петербургу» и т. д. Наташа тогда спрашивает его: «Значит, Б. Н., Вы подаете в отставку?». Б. Н. встрепенулся и начал с жаром говорить о том, что «никогда, нет, нет!» Что он отходит на время, что он *навсегда* со мной и что он только «добродушно ворчит» на меня и вообще, по отъезде всех, он считает себя — *со всеми* нами и не отошедшим нисколько...⁷⁷

В недатированном (видимо, более раннем, но тоже 1910 г.) письме Белому Минцлова практически подталкивает Белого к тесному контакту с Наташей, рассматривая ее, видимо, как агента своего влияния:

Дорогой Борис Николаевич

Посылаю Вам свой привет, радуюсь, что Вас увидела таким *сильным* и прекрасным, вчера. Чувствую себя нехорошо, и не буду выходить два дня, пока не пройдет флюс. Наташа не была у меня. Вы, конечно, наверное будете у нее сегодня вечером, да? Это ведь — *необходимо*.

Обнимаю Вас, дорогой мой. АР⁷⁸.

⁷⁷ Богомолов Н. А. Анна-Rudolph. С. 102.

⁷⁸ Глухова Е. В. Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому. С. 270.

Примечательно, что Наташа в данном случае (пожалуй, единственном нам известном) встала не на сторону сестры. В «Материале к биографии», в рассказе об июле, который Белый и сестры Тургеневы проводили в Боголюбых, отмечена «дикая, веселая, странная жизнь, на фоне которой происходит мое сближение с Асей и решение уехать в Италию осенью», и тут же — «выясняются тяжелые отношения с Наташей»⁷⁹. Суть разногласий проясняется в записи за август, когда окончательно вышло «решение о пути с Асей бесповоротно»:

Наташа упрекает, что этим решением я как бы переступаю через «коллектив», ибо я из-за Аси не поехал в Асси-зи. Я доказываю, что не поехал оттого, что у меня нет веры уже в «миф» Минцловой <...>⁸⁰.

Этот первый существенный и, можно сказать, мировоззренческий конфликт с Наташей нашел отражение и в мемуарах Белого:

Наташа, которая Минцлову знала, любила ее, не разделяла стремления моего к отчуждению от нее: упрекала меня, будто я ради Аси ушел от возможного братства⁸¹.

Впрочем, таинственное исчезновение Минцловой, выехавшей 17 августа 1910 г. из Москвы в Петербург и бесследно, навсегда пропавшей⁸², остроу разногласий сня-

⁷⁹ Белый А. Материал к биографии. С. 126.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 638.

⁸² Белый был среди тех, кто провожал ее на вокзале. См.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 105—107.

ло. Это событие потрясло всех, но особенно запомнилась Белому «тяжелая встреча с Наташей в „Muscagete“», во время которой пришлось сообщить «все о Минцловой»⁸³: «<...> сообщая событие исчезновения Минцловой приехавшей вскоре Наташе Тургеневой, разволновался я. Она — плакала. Это было в редакции „Muscagete“»⁸⁴.

Впоследствии Белый связывал свое и Асино вступление на путь антропософии с заветами и мистическими пророчествами Минцловой («Она — исчезает, дав мне кольцо и лозунг и обещав, что кто-то к нам придет в сентябре 11 года»)⁸⁵. Можно сказать, что и Наташа была подготовлена Минцловой к встрече со Штейнером⁸⁶.

* * *

Белый и Ася познакомились со Штейнером 7 мая 1912 г. Первый лекционный курс, на который они записались, состоялся в Мюнхене в августе. Штейнер читал тогда лекции цикла «О вечности и мгновении», а самому курсу предшествовала постановка штейнеровских драммистерий. Показательно, что уже на этот курс Белый с Асей постарались «вытащить» Наташу, ну и, если получится, ее мужа. Письмо с настойчивым призывом приехать и убедительной аргументацией они отправили заранее, в конце мая — начале июня 1912 г.:

⁸³ Белый А. Материал к биографии. С. 126.

⁸⁴ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 643.

⁸⁵ Белый А. Материал к биографии. С. 126.

⁸⁶ Как и в случае с Белым и Асей, в приобщении к антропософии Наташи большую агитационную роль сыграли А. С. Петровский и Эллис (его письма см.: Rizzi D. Из архива Н. А. Тургеневой: письма Эллиса, А. Белого и А. А. Тургеневой // Europa Orientalis. 14 (1995): 2. С. 301—313.

Милая, милая, милая Наташа!

Скорей, милая, учитесь немецкому и приезжайте непременно. Я зову Вас серьезно, *по опыту*. Вам очень нужно увидеть Штейнера. Приедете и узнаете почему: вот уже 2 месяца, как мы с Асей сумасшествуем: нет — то не сумасшествие. Ведь с нами происходили прямо *невероятности*, совершенно реальные необъяснимые вещи.

Около Штейнера хорошо, только запасайтесь силами: страшное напряжение. <...> Если будут препятствия, милая, то напишите о них нам: вообще, рассматривайте препятствия, как нападения. Непременно будут *гонения*, и всякими мелочами будут *бить под ноги*: не обращайтесь внимания и приезжайте...

В Мюнхене нам будет хорошо и спокойно, особенно <если приедете> в июле, прямо из Боголюб. <...> чтобы вжиться, лучше приехать к нашему приезду. Самое позднее, мы будем в Мюнхене 8-го июля, то есть русского июня 25-го. Если бы вы приехали числа 9, 10, то было бы дивно. <...> Помните, уже только месяц с небольшим отделяет нас. Ну, Христос с Вами. <...> Бесконечно преданный Вам Борис Бугаев⁸⁷.

К призывам Белого присоединилась Ася с конкретным предложением помочь с деньгами на проезд и практическими советами о том, как поступить с дочерью Машей, не достигшей еще двухлетнего возраста (родилась 15 ноября 1911 г.):

Наташа, о каких ты пишешь препятствиях. Деньги?

Но мы получили неожиданно лишних 200 р., и это нас

⁸⁷ См. публикацию Даниэлы Рицци: Rizzi D. Из архива Н. А. Тургеневой. С. 314.

вполне устраивает. Если у тебя нет на дорогу, рассчитай, сколько надо, и сейчас же напиши, мы доставим чезре Мусает и Алешу или вышлем отсюда. Все это очень просто. Маша? Но Машу можно оставить и в Москве, и у мамы. Если это невозможно, то вполне можно взять и с собой. Но боюсь для тебя лишней усталости. Других препятствий не вижу, а ехать необходимо <...>⁸⁸.

Наташа призывам последовала и, видимо, весьма пунктуально. «Приезд Наташи Тургеневой в Мюнхен»⁸⁹, отмеченный в «Материале к биографии» и в «Ракурсе к дневнику» («Встреча со Штейнером; приезд Наташи <...>»⁹⁰), датируется июлем, а «отъезд Наташи в Москву»⁹¹ — 3 сентября нового стиля⁹². Вскоре началась интенсивная и содержательная переписка с Наташей⁹³, вводящая оставшуюся в России сестру в проблематику и атмосферу антропософской (тогда еще теософской) жизни. Письма сопровождаются отправкой Наташе в Россию конспектов и переводов лекций Штейнера, чтобы сестра была в курсе их духовной жизни⁹⁴.

⁸⁸ Там же. Алеша — А. С. Петровский.

⁸⁹ Белый А. Материал к биографии. С. 130.

⁹⁰ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 397.

⁹¹ Там же. С. 398.

⁹² Ср. в письме к А. Д. Бугаевой от 3 сентября 1912 г. из Мюнхена: «Дорогая мамочка <...>. Курс был потрясающе хорош. Сегодня утром проводили Наташу» («Люблю Тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери. 1899—1922 / Сост. С. Д. Воронин. М.: Река времен, 2013. С. 160).

⁹³ Белый А. Ракурс к дневнику. С. 399. Сохранившиеся письма за осень 1912 — февраль 1913 гг. см.: Rizzi D. Из архива Н. А. Тургеневой. С. 315—340), одно письмо 1913 г. — в настоящей книге.

⁹⁴ См., напр., в письме Аси к А. Д. Бугаевой (Дагерлох, ноябрь 1912 г.): «Еще есть у меня к вам просьба. Могу я на ваше имя послать Наташе

1914 г.¹⁰¹) становятся личными эзотерическими учениками Штейнера, принимаются в эзотерическую школу: «„*Esoterische Stunde*“ — собрания для учеников, применяющих методы к себе духовной науки; здесь все указания д-ра специальные, техничны; в „*E. S.*“ допущены были не все члены А. О.»¹⁰².

Почти одновременно (январь — февраль 1914 г.) обе пары переезжают в Дорнах и начинают работать на строительстве Иоаннова здания (Гегеанума)¹⁰³. Сначала «Ася и Наташа прочно устроились в чертежной, как художницы»¹⁰⁴. Потом, в марте, все четверо: «попали на первые пробные художественные работы по обработке капителей будущих колонн»:

3 дня работал д-р Штейнер сам, вооружившись стамескою, а мы толпой окружали его; он подавал нам советы, как работать; потом разобрали капители колонн и начали их обрабатывать; нам с Асей досталась капитель Сатурновой колонны, а Наташе, кажется, досталась Луна <...>¹⁰⁵.

А в апреле перешли на еще более ответственную и почетную работу, на архитравы:

.....
¹⁰¹ Белый А. Материал к биографии. С. 136, 169.

¹⁰² Там же. С. 136.

¹⁰³ «Наташа и Поццо должны были за нами следовать. Помнится: мы двинулись из Берлина 31-го января. И утром 1-го февраля были в Базеле» (Там же. С. 151).

¹⁰⁴ Там же. С. 152. Ср. в письме Белого к А. Д. Бугаевой от 25 февраля 1914 г.: «Ася <...> с утра уезжает в Дорнах, где работает: чертит планы и т. д. с Наташей <...>» («Люблю Тебя нежно...». С. 197).

¹⁰⁵ Белый А. Материал к биографии. С. 153.

<...> однажды д-р пришел в капитальную и сказал: «Кто хочет работать на архитравах, того прошу следовать за мной». Все работали на капителях; и потому-то за доктором пошла только Ася; он подвел ее к громадной, необработанной глыбе, будущему архитраву между колоннами Марса; и — указал на него; так Ася, можно сказать, завладела Марсом, взяв меня подсоблять ей в работе; скоро к нам присоединились Наташа и Поццо; <...> наша группа была первой группой, работающей на архитравах <...>¹⁰⁶.

Белый с восторгом описывал матери специфику этой сложной экспериментальной задачи, особенно акцентируя слаженную ударную работу сестер Тургеневых, ставших и здесь фактически двойниками друг друга:

Огромные, стройные деревянные формы должны быть вырезаны так же, как капители; *архитрав* состоит из 26 кусков — каждый в две-три сажени в длину и более сажени в высоту; и все должно быть вырезано. Видишь, какая работа! Недавно Ася с Наташей работали: Наташа — с 8 часов утра до 11 часов вечера, а Ася с 8-30 и тоже до 11-ти. Надо было к сроку кончать тот кусок, который уже поднимается вверх. Доктор остался очень доволен их работой, приходил к ним по несколько раз в день и т. д.¹⁰⁷

Или:

<...> если б Ты видела Наташу и Асю за работой: как они наловчились и в смысле физической силы и в смысле

.....

¹⁰⁶ Там же. С. 157.

¹⁰⁷ «Люблю Тебя нежно...». С. 199—200.

художественного вкуса; маленькие, слабенькие, а мускулы у них, как сталь; работают громадным молотком и огромными стамесками; каждой поручено по огромной форме, где масса линий и плоскостей; по маленькой гипсовой модели они должны из огромного деревянного кома вырезать сложнейшие и ответственнейшие копии, они обе мастерски справляются <...>¹⁰⁸.

Далее обе сестры попробовали свои силы в стекольной мастерской — на изготовлении витражей по рисункам Штейнера (у Наташи, правда, не получилось, а гравер Ася стала в этом деле профессионалом). И наконец, обе сестры увлеклись сценической эвритмией, успешно выступали в Дорнахе и на гастролях, участвовали в осуществленной Штейнером знаменитой мистериальной постановке «Фауста» Гете:

<...> эвритмия — это искусство, изобретенное Д[окто]ром; передача звука слов в жестах и телодвижениях; получается нечто в роде танца; <...> у нас целая школа пластики и танца стихотворений. И здесь Наташа и Ася опять так необходимы; у обеих по-моему эвритмический талант; недавно Ася выступала соло в стихотворении Гете со сцены и произвела большое впечатление; она танцевала стихотворение *Roslein*, а Наташа *Veilchen*; так что кроме работы еще постоянно репетиции, изучение ролей, Д[окто]р для *Vau* заранее готовит и соответственных исполнительниц соответствующих танцев; Ася и Наташа попали в будущий так сказать *Вауский балет*, если можно так выразиться¹⁰⁹.

.....
¹⁰⁸ Люблю Тебя нежно... С. 216—217.

¹⁰⁹ Там же. С. 217. *Veilchen* — фиалка (нем.); *Heidenröslein* — дикая розочка (нем.). *Vau* — здание (нем.), здесь — Иоанново здание, Гетеанум.

После одновременного отъезда (в августе 1916 г.) Белого и А. М. Поццо, призванных на воинскую службу, в Россию обе сестры остались в Дорнахе, при Штейнере, и первое время жили там в основном на деньги, которые присылали им мужья.

* * *

Такова внешняя канва жизни, на первый взгляд вполне бесконфликтной и даже благополучной. Однако эта идиллия была взорвана Белым, переступившим (скорее всего в мыслях, а не на деле) границы дозволенного страстью к сестре жены, к Наташе.

Ее сближение с Белым, как уже отмечалось ранее, началось тогда же, когда и сближение с Асей — в 1909 г. В начале 1910-х она — близкий Белому человек, доверенное лицо, выступающее порой посредником в урегулировании конфликтов с Минцловой (см. выше) и потом с Метнером (см. в наст. издании преамбулу к его письмам Наташе). Однако до тех пор, пока отношения с Асей были идиллическими, отношение к Наташе можно было назвать лишь родственными и дружескими. Дисбаланс начался вскоре после вступления Белого и Аси на путь антропософии и их первых, весьма успешных шагов в медитативной практике.

Открывшиеся духовные горизонты привели к тому, что Белый «с Асей с начала 13 года перешли на вегетарианство»¹¹⁰, а уже в марте Ася отвергла Белого как мужчину:

Этот месяц запомнился мне в одном отношении: Ася объявила мне, что в антропософии она окончательно

.....
¹¹⁰ Белый А. Материал к биографии. С. 131.

осознала свой путь, как аскетизм, что ей трудно быть мне женой, что мы отныне будем лишь братом и сестрой. С грустью я подчиняюсь решению Аси¹¹¹.

Последствия аскетизма дали о себе знать весьма скоро. В «Материале к биографии», в записи за ноябрь 1913 г. Белый отмечал:

<...> я продолжаю усиленно духовную работу; но обнаруживается ряд трудностей; мне приходится сильно бороться с чувственной природою; аскетизм меня давит; и эта борьба накладывает довольно мрачный отпечаток на состояние моего сознания <...>. Ноябрь этого года — роковой, жуткий, головокружительный для меня месяц; и вместе мучительный; физическая моя оболочка прижата к земле, а дух мой, как бы выйдя из нее, все время парит в сфере, где его обступают огромные, космические, апокалиптические образы <...>¹¹².

Белый в этот период интенсивно переживает собственную избранность и предстоящее ему посвящение:

Вся прошлая жизнь, ставшая мне вполне прозрачной, лишь приготовление к какой-то чрезвычайной миссии; весь опыт медитаций и оккультных упражнений — преддверие, очищение перед невероятным прояснением сознания и меня ожидающим ясновидением. Д-р и М. Я. от меня ждут совершенного пути ученичества, ибо на нем ждут меня величайшие

.....
¹¹¹ Белый А. Материал к биографии. С. 134.

¹¹² Там же. С. 142.

озарения; бессознательно укореняется во мне мысль, что меня сознательно ведут к посвящению, что я специально для посвящения готовимый ученик; отсюда ужас и боязнь перед огромным страданием, почти распятием, к которому ведут меня; я, как Иоанн (Лазарь), должен сперва умереть, чтобы на третий день воскреснуть; мне начинает казаться, что ко мне подкрадывается какая-то посвятельная болезнь (падучая ли, левтаргический сон ли), что скоро я паду на свой одр, буду умирать; и д-р произведет надо мною опасную операцию¹¹³.

Однако серьезным препятствием на пути посвящения оказалось тело, властно заявившее о своих потребностях и поставившее под угрозу весь «духовный процесс»:

Перед самым Рождеством переживаю тяжелые минуты недоумения, сомнения; опять низменная чувственность мучит меня, и я чувствую, что после событий, со мной бывших, чувственность эта должна бы отпасть от меня¹¹⁴.

Мучения продолжились в следующем, 1914 году:

<...> тело чувствовало напор как бы жаркого, сжигающего света; и — отказывалось служить: мне казалось — вот оборвется сердце; и я — упаду; для того, чтобы прийти в себя, я должен был останавливать совершавшийся во мне духовный процесс и не доводить до конца

.....
¹¹³ Там же. С. 141.

¹¹⁴ Там же. С. 143.

своих духовных узнаний; если бы я его довел до конца, то я упал бы в припадке падучей¹¹⁵.

Впоследствии размышления Белого об этом периоде жизни и «о тех безрадостных итогах, к которым привело его следование антропософской стезе», отразились в своеобразной «интимной исповеди»¹¹⁶, представляющей небольшой, но крайне сумбурный текст, написанный в эмиграции и явно в состоянии истерики и экзальтации: «„Дух“ <...> реально ощущаю с 1913 года <...> с 1915 до 21 года я — „духовен“; и в этом все мое несчастье»¹¹⁷.

Суть «несчастья», по мнению Белого, заключалась в том, что «Дух» разложил его «чисто человеческое „я“ на два нечеловеческих „я“ (ангельское и скотское), и оба этих „я“ обобрал»¹¹⁸.

Оглядываясь на прожитое «в Духе» десятилетие, он расценивал свой долгий антропософский путь как путь подавления в себе чувственности. Согласно самодиагностике Белого, воздержание не только не искоренило его плотские желания, а, напротив, привело к их патологическому разрастанию, к гипертрофии:

Кто вырастил во мне все мои «окаянства» из обычно присущих человеку потребностей. Если бы меня всю

.....
¹¹⁵ Белый А. Материал к биографии. С. 146.

¹¹⁶ Документ полностью приводится А. В. Лавровым в составе обзора рукописного архива Андрея Белого в Пушкинском Доме. Там же дается условное название документа («интимная исповедь») и примерная датировка (1921—1922 гг.). Лавров А. В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 55.

¹¹⁷ Там же. С. 59.

¹¹⁸ Там же. С. 58.

жизнь держали впроголодь, то естественно: я думал бы о пище более, чем тот, кто ни разу в жизни не голодал. Так же и я: у меня вовсе не было каких-либо особо хищных похотей; обычные потребности всякого человека, имеющего несчастье иметь плоть и пять органов чувств. Но необыкновенно ухищренная судьба заставила меня быть вечно голодным; потом явился «Дух» и <...> вырвал у меня «остатки» того, что судьба кинула мне как человеку <...>. Так был я «Духом» разорван пополам: одна половинка превратилась в бесплодное воодушевление всем «духовным» <...>; другая половинка — голодная, холодная — стала бегать жуликом по рынкам и таскать загнившие продукты «дешевого рынка» для удовлетворения своего вечного голода. «Духовное начало» во мне, обирая и унижая «человеческое, слишком человеческое начало», его оскотинило¹¹⁹.

Борьба «духовного начала» с «человеческим, слишком человеческим» закончилась сокрушительным поражением. В результате оба эти начала эмансипировались, расколов личность надвое:

<...> я возжаждал своего «Духовного Я», поправ «я» обычное и не сообразуясь с возможностью осуществить в чувственных условиях сверхчувственное <...> на краткое время «Дух» дал мне силу действительно обойтись без человеческих, обычно человеческих потребностей для того, чтобы коварным обманом заставить меня отойти от обычного малого «я» в себе <...> Очень скоро обман разоблачился. <...> так завелись две жизни в одной

.....
¹¹⁹ Там же. С. 56.

жизни, две биографии в одной <...> в одной был ряд достижений, прекрасных образов и прекрасных чувств, не имеющих никакого отношения к воплощенной действительности; в другой были жалкие корчи и вскрики чисто животного голода¹²⁰.

Имя Аси в «интимной исповеди» не упоминается ни разу, хотя «исповедь» и написана после ее окончательного ухода от Белого и отражает связанные с этим страдания. Тем более не упоминается имя Наташи, ставшей причиной нравственного падения писателя. Но зато обе сестры являются главными героинями в уже цитировавшемся ранее «Материале к биографии», пространным мемуарно-исповедальном тексте, созданном примерно в то же время, что «интимная исповедь»¹²¹. Примечательно, что полное (и весьма красноречивое) название этого документа — «Материал к биографии (интимный), предназначенный для чтения только после смерти автора». Специфику этих «интимных» мемуаров Белый определил следующим образом:

<...> автор брал себя как объект анализа; центром его должны были быть переживания 1912—1916 годов; автор в эпоху 1913—1914 годов был крайне переутомлен; у него был ряд болезненных переживаний, которые он

¹²⁰ Белый А. Материал к биографии. С. 57—58.

¹²¹ В заметке «От составителей» А. В. Лавров и Дж. Малмстад отмечают: «Работа над этим автобиографическим сводом в основном велась в 1923—1924 г. — записи (по старой орфографии) были доведены до июля 1915 г., последующие записи о событиях и переживаниях 1915 г., уже по новой орфографии, относятся к 1928 г.» (Литературное наследство. Т. 105. С. 8).

хотел записать сперва так, как они предносились ему в 1915 году¹²².

Готовя в 1932 г. мемуары к передаче в архив, Белый в конце рукописи объяснил и то, почему «он начал протокольно записывать эти переживания»: «Материал этот заносился для того, чтобы при случае дать на основании его художественное произведение (роман-автобиографию)»¹²³.

В «Материале к биографии» общие теоретические выводы «интимной исповеди» дополняются конкретикой, проблема «низшего „я“» рассматривается, можно сказать, в ее генезисе, исторически, а описание катастрофических последствий решения Аси жить с Белым как с братом, а не как с мужем, может служить развернутым комментарием к цветистым образам, содержащимся в «интимной исповеди».

Так, например, в «исповеди» Белый пишет: «„Дух“ отрезал меня от нормального положения по отношению к себе, всадив в грудь осиновый кол неразрешимейших нравственных противоречий»¹²⁴.

В «Материале к биографии» этот образ раскрывается и разъясняется:

<...> под влиянием работы у доктора Ася перестала быть моей женой, что при моей исключительной жизненности и потребности иметь физические отношения с женщиной — означало: или иметь «роман» с другой

¹²² Белый А. Материал к биографии. С. 29.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Лавров А. В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме. С. 56.

(что при моей любви к Асе было для меня невозможно), или — прибегать к проституткам, что при моих антропологических воззрениях и при интенсивной духовной работе было тоже невозможным; <...> я должен был лишиться и жизни, т. е. должен был вопреки моему убеждению стать на путь аскетизма; я и стал на этот путь; но этот путь стал мне «терновым»¹²⁵.

Белый подробно и беспощадно по отношению к себе показывает, что вынужденный «аскетизм» оказался губителен как для «пути Духа», так и для здоровья — и физического, и психического. Что касается желаний плоти, то они не утихли, а, напротив того, все более и более возрастали; из естественных и умеренных они переродились в то, что в «интимной исповеди» именуется «животным голодом» и «окаянством»:

<...> я не ощущал чувственности, пока я был мужем Аси; но когда я стал «аскетом» вопреки убеждению, то со всех сторон стали вставать «искушения Св. Антония»; образ женщины как таковой стал преследовать мое воображение <...> чтобы не «пасть» и победить чувственность, я должен был ее убивать усиленными упражнениями; но они производили лишь временную анестезию чувственности; плоть я бичевал: она корчилась под бичом, но не смирялась <...> «экзальтация» и утрировка «упражнений» приводили меня к болезненному расстройству сердечной деятельности, дыхания и подступу падучей; явно тело отказывалось служить Духу; но стоило мне ослабить темп духовной работы — нападала

.....
¹²⁵ Белый А. Материал к биографии. С. 158.

«чувственность», долго сдерживаемая, — нападала с удесyтеренной силой¹²⁶.

То, что одержимое чувственностью «тело отказывалось служить Духу», и стало, согласно мнению Белого, причиной трагического разложения его «я» на «высшее» и «низшее»:

<...> «Я» стоит передо мною <...> двулико: низшее «я» обнажено до самых гнусных корней своих; высшее «Я» помимо всего свершает некий акт в некоем символическом действии¹²⁷.

Символическим актом раскола собственного «я» надвое стало для Белого следующее происшествие: «<...> на лекции доктора мне в руки свалился *эпилептик*, которого вынес я и которого приводил в сознание»¹²⁸. Это был знакомый Белому «толстый, плотный мужчина», но писатель увидел в упавшем больном себя, собственную болезнь и, по-видимому, собственное моральное падение. К осмыслению этого эпизода как события мистического и пророческого Белый возвращался неоднократно: «<...> передо мною лежал не припадочный, а я сам — мой двойник, мое низшее „я“»¹²⁹; «<...> эпилептик, павший мне в руки, казался мне павшей мне в руки судьбой моего низшего „Я“, которое я должен волочить по жизни с его болезнью»¹³⁰;

.....
¹²⁶ Там же. С. 158—159.

¹²⁷ Там же. С. 237.

¹²⁸ Белый — Иванов-Разумник. Переписка. С. 500. Письмо от 1—3 марта 1927 г.

¹²⁹ Белый А. Материал к биографии. С. 148.

¹³⁰ Там же. С. 257.

« <...> было ясно: „эпилептик“ — это тот „Я“, который от принятого решения моим высшим „Я“ всю последующую жизнь будет нести величайшие страдания»¹³¹.

Трудно сказать, какого рода страдания доставляло Белому его «низшее „я“» «всю последующую жизнь», но в те годы (1913—1915), о которых идет речь в «Материале к биографии», «болезнью» «низшего „я“» стала неукротимая, «низменная» чувственность: «меня стали посещать эротические кошмары: <...> сладострастие во мне разыгрывалось до крайности»¹³².

Важно, что именно тогда, когда Белый ощущал себя стоящим на пороге посвящения и делал огромные успехи в медитативной, ясновидческой практике, Ася стала отдаляться от него не только физически, но и духовно, что для писателя было не менее болезненно.

<...> и Ася объявляет мне, чтобы мы не говорили друг с другом на темы наших путей; я ощущаю, что в точке священнейшей Ася покидает меня, отъединяется, ускользает; до сих пор наши окк<ультные> узнания совпадали; с Бергена мы идем порознь: Ася бросает меня; не говорит ничего о себе; и меня просит молчать: я чувствую первую грань, разделяющую наши пути; с этого времени грань росла; и в годах выросла в непереступаемую бездну между нами¹³³.

Но еще более важным оказалось то, что именно в это время (декабрь 1913 г.) Наташа приезжает в Берлин и так же, как ранее Белый с Асей, решает связать свою жизнь с ан-.....

¹³¹ Белый — Иванов-Разумник. Переписка. С. 500.

¹³² Белый А. Материал к биографии. С. 199.

¹³³ Там же. С. 142.

тропософией. С декабря 1913 г. Наташа всегда рядом. Более того, в отличие от Аси, отмежевавшейся от Белого и физически, и духовно, Наташа проявляет к Белому интерес, демонстрирует заботу и внимание к его внутреннему миру. Именно с декабря 1913 г. Белый стал видеть в Наташе своего рода альтернативу, или — лучше сказать — замену Асе, стал иначе, чем прежде, воспринимать ее и ее отношение к себе. В «Материале к биографии» момент переключения с Аси на Наташу описан детально:

<...> я прибегаю к Асе, как художнице; и прошу ее мне помочь; целыми днями раскрашиваю я образы, мной зарисованные (символы моих духовных узнаний); два-три рисунка я показываю Наташе однажды: увидев их, она воскликнула: «Аа!.. Боря, — не показывай: спрячь это!». Я увидел, что она чем-то потрясена во мне, точно она меня впервые увидела; я понял, что она поняла, что рисунки архангелов не рисунки, а копии с духовно узренного; и я тотчас понял, что она поняла, что я понял... С того времени странные отношения устанавливаются между мной и Наташей; мне начинает казаться, что она как бы духовно следит за мной, подглядывает; и начинает понимать во мне то, чего Ася не видит <...>. Я без слов перекликаюсь с Наташей; порой встречаю ее недоумевающий взгляд; то она нежно подходит ко мне с оттенком удивления и восторга перед миром Духа, мне открывающимся; то она как бы начинает бороться со мною¹³⁴.

Или:

.....
¹³⁴ Там же. С. 143.

Ася мне говорит: «Боря, — ты и меня измучил: успокойся, смирись...». Только Наташа продолжает смотреть на меня огромными удивленными глазами и точно хочет намекнуть, что что-то мне предстоит¹³⁵.

Переезд в Дорнах ситуацию только усугубил, и она стала переходить из плоскости психологической в эротическую:

Я стал замечать, что Ася все более и более замыкалась в себя, все более и более уходила в работу, и между нами стало образовываться нечто вроде средостения, пока еще почти незаметного; в годах это средостение углубилось; считаю, что причины этого средостения в нежелании Аси войти в чрезвычайно бурные и интенсивные переживания, которые развились во мне с Бергена. Наоборот: с Наташей у меня стали нащупываться очень странные отношения; они начались с декабря 1913 года, прозвучали в Лейпциге; и теперь, в Дорнахе, вновь обнаружился, но как-то нелепо для меня; мне казалось, что между нами вспыхивать стала искорка эротизма, и что Наташа, в себе осознав эту искорку, стала видимо от меня сторониться; порой в ней мелькало даже что-то враждебное по отношению ко мне¹³⁶.

Это запись за март 1914 г. А уже в апреле свое отношение к Наташе Белый стал определять как влюбленность, причем, как постыдную, противоречащую «пути Духа»:

¹³⁵ Белый А. Материал к биографии. С. 143. Запись относится к декабрю 1913 г.

¹³⁶ Там же. С. 154.

Этот период был очень труден для меня: все продолжающееся отхождение от меня Аси и..., как мне стало казаться, моя влюбленность в Наташу, с которой я все время страшно боролся; нам трудно было с Наташей встречаться; эта влюбленность в Наташу была для меня настоящим ударом после декабря и января: «Как? — думал я, — вместо пути посвящения, вместо духовных откровений, — просто самая элементарная влюбленность?»¹³⁷.

В ситуации выбора между двумя сестрами много неясного, прежде всего неясно, что здесь первично: «отхождение» Аси, подтолкнувшее Белого к Наташе, или, напротив, его «приближение» к Наташе, вызвавшее «отхождение» Аси. Белому, как кажется вполне спекулятивно, больше хотелось думать, что сработал первый вариант. И когда «вместо Аси стала на всех путях <...> подвергаться Наташа», Белый предпочел думать, что в этом — перст судьбы:

<...> я думаю о том, что судьба точно нарочно отстранила от меня Асю с Бергена; все мои усилия протянуться к Асе и поведать ей мой внутренний мир разбиваются о какую-то кору ледяной холодности, равнодушия; при попытках разбить на ней эту видимость отдаления от меня, доходящего до безучастия, я наталкиваюсь на почти испуг; Ася съеживается; и не то, чтобы у нас не было умных, интересных разговоров, и не то, чтобы Ася не заботилась обо мне; она мне оказывает много внимания, — но не там именно, где я таю свои наиболее огненные

¹³⁷ Там же. С. 158.

вопросы, связанные с путем, с ощущением себя в антропософии, с ощущением в тайне моего пути с доктором; тут обнаруживается удивительная, я бы сказал, холодность, переходящая в жестокость; <...>. И в этой-то точке вынужденной отдаленности от нее появляется опять Наташа, и я, не желая, все поворачиваюсь на нее <...>¹³⁸.

В дальнейшем сопротивление «греху» было также ослаблено тем, что к «преступной» во всех смыслах связи с Наташей Белого буквально подстрекали и сложившиеся обстоятельства, и окружающие его люди, прежде всего сама Ася:

Я рванулся к Асе <...> она отказывалась принимать меры к изоляции нас друг от друга <...>. Я знал, что Поццо — не муж Наташи; мы с Асей давно не были мужем и женой. И в моем полубреду вспыхнула ассоциация: «Все сделано так, что Наташа и я, — суждены друг другу; это — карма; бороться тут нельзя»¹³⁹.

Особенно важно Белому в этом вопросе было мнение Штейнера. Сначала ему казалось, что «доктор» его влюбленность чуть ли не одобряет:

<...> поворот на Наташу переживаю я, как падение и как грех: я все жду, что доктор разгромит меня за эти грешные чувства; но доктор вовсе не обращает внимание на мои отношения с Наташей, а к самой Наташе относится с все большей внимательностью, подчас даже

.....
¹³⁸ Белый А. Материал к биографии. С. 171.

¹³⁹ Там же. С. 244.

с нежностью; мне начинает казаться, что доктор очень интересуется внутренним миром Наташи <...>¹⁴⁰.

Потом, когда ситуация приняла патологические формы, Белый, раздраженный невмешательством (или равнодушием) Штейнера, решил, что «доктор сознательно <...> привил Люцифера, чтобы искусственно ввести» его «в люциферические переживания (с Наташей)», и стал бунтовать: «Я не кролик для оккультических экспериментов»¹⁴¹. Это, впрочем, не помогло. В конце концов Белый пришел к противоположному выводу, будто все это — дело рук черных магов, стремящихся навредить и Штейнеру, и ему за преданность делу Штейнера.

Позиция жены и ближайшей помощницы Штейнера Марии Яковлевны Сиверс была более ригористична. Белый чувствовал ее осуждение и ужасно переживал. В письме от 13 января 1916 г., публикующемся в книге, он попытается представить свое видение проблемы, оправдаться перед ней и доказать свое право на Любовь.

Но вернемся к началу истории. В мае 1914 г. под влиянием тяжелой физической работы на капителях и архитравах влечение, как сначала казалось, утихло («работа нас так увлекла, что мои отношения с Наташей исправились; мы относились вновь с доверием друг к другу»), но ненадолго. Уже летом оно вернулось. Сначала как чувство светлое, в котором много «чистого и непосредственного»:

.....
¹⁴⁰ Там же. С. 171.

¹⁴¹ Там же. С. 160.

В последних числах июня все зацветает розами: Дорнах и Арлестгейм превращаются в какие-то «розовники»; в воздухе стоит пряное благоухание роз; и странно: с расцветанием этим с огромной, интенсивною силой пробуждается вновь моя влюбленность в Наташу, с которой я уже не борюсь¹⁴².

А потом — как темное, болезненное. «Простая элементарная влюбленность» трансформировалась в то, что Белый определил как «злое наваждение»:

<...> она <Наташа> стала являться мне в снах, преследовать мои мысли; мне казалось, что она отчаянно кокетничает со мной, распаляя во мне чувственность; и я увидел, что я беззащитен от нее¹⁴³.

В дальнейшем страсть к Наташе обрела характер настоящего эротического марева. При этом невозможность справиться с аморальным инцестуальным влечением Белый объяснял не только собственной слабостью, но и провокацией самого «смутного объекта желаний»:

Наташа буквально нападала на меня в те дни со своим очень низменным кокетством, умело, рассчитанно растрavляющим мою чувственность, которая под влиянием этого нападения вдруг снова вспыхнула во мне; я боролся с нею, как мог, а она точно нарочно: появлялась у нас каждый вечер и отчаянно кокетничала со мной¹⁴⁴.

.....

¹⁴² Белый А. Материал к биографии. С. 171.

¹⁴³ Там же. С. 160.

¹⁴⁴ Там же. С. 186.

Атаки Наташи, трудно сказать, реальные или привидевшиеся Белому, стали его кошмаром:

<...> я без видимой причины опять заболел приступами 1) страха, 2) бунта, 3) диких фантазий, 4) почти галлюцинаций среди бела дня <...>

Началось это с взрыва вызывающих жестов без слов Наташи, поведшей просто атаку на меня весьма грубым и, как мне казалось, ужасно циничным кокетством, бередящим чувственность; все усилия мои не поддаются на ее приглашения отнестись к ней, как... к... проститутке, в моем воображении разбивались ею; она умела атаковать меня, не стесняясь присутствием Аси, точно нарочно не видящей ее поведения; впрочем и то сказать: поведение Наташи в ее откровенных жестах было всегда задрапировано <...> чуть насмешкой и грубоватым «со своими не церемонятся»; но это было утонченной провокацией меня, ибо этим „не церемонятся“ она знала, что безнаказанно бередит мои больные, ею же полтора года растрavляемые раны. <...> Кроме того: Наташа избегала разговора со мной вдвоем, мне бросая одновременно намеки, что разговор будет после того как... это случится <...>¹⁴⁵.

Примечательно, что «это» с Наташей виделось Белому в форме извращенной — как изнасилование:

<...> мне стало казаться, что она подстрекает меня к тому, чтобы я ее... *взял, как мужчина; взял насильно!* И даже подтрунивала: над моей трусостью... ее *взять!*¹⁴⁶

.....

¹⁴⁵ Там же. С. 244.

¹⁴⁶ Там же. С. 244.

Не исключено, что с чем-то подобным были связаны и упоминающиеся Белым приступы «диких фантазий», и «какие-то страшные шабаши», на которые в эротических снах его зазывала Наташа и при мысли о которых «сладострастие разыгрывалось до крайности»¹⁴⁷.

И хотя помыслы «низшего „я“» Белого не были реализованы, но и мыслепреступления оказалось достаточно, чтобы ввести писателя в состояние панического ужаса. Белый, видимо переставший в какой-то момент отличать реальность от видений, всерьез испугался, что его могут заподозрить в совершении развратных действий.

Так, Белому ночами стало мерещиться, будто в пустой комнате их дома кто-то насилует женщину. От прочитанного в газете объявления о найденном в окрестностях Дорнаха трупке изнасилованной девочки его охватила паника. Все эти детали сложились в пугающую картину: его могут обвинить в свершившемся злодеянии.

Страх быть уличенным в сексуальном преступлении пронизывает повесть «Записки чудака», написанную после возвращения из Дорнаха:

В течение трехнедельного путешествия из Швейцарии в Петроград <...>; в Москве, просыпаясь в уютной постели, я <...> вскакивал; и, бросая вопросы в московские стены, дрожал:

— Не преступник ли ты?

— Не насильник ли ты?¹⁴⁸

¹⁴⁷ Белый А. Материал к биографии. С. 199.

¹⁴⁸ Белый А. Записки чудака // Белый А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1997. С. 291.

Следуя логике своего кошмара, он описал механизм ложного обвинения так обстоятельно, как если бы это был не только возможный, но и уже свершившийся факт:

Кто-нибудь совершает насилие над малолетней девочкой (совершает насилие сатанист, вас губящий): вы чувствуете в это время потребность пойти погулять (понуждает вас сыщик в астрале); <...> вы блуждаете по проспектам туманного города; замечаете вы, что *брюнет* в котелке заблуждал вслед за вами; стараетесь вы убежать от него (этот жест <...> совершенно естествен); уединяетесь вы в старый парк (где за десять минут перед этим, в кустах, сатанист изнасиловал девочку); можете даже услышать вы детский пронзительный крик: вы спешите на крик; из кустов выбегают на вас полицейские: вы арестованы¹⁴⁹.

* * *

Мания преследования органами правопорядка (полиция, потом таможня) отнюдь не ограничилась. Белого пугала прежде всего мистическая природа «злого наваждения». При таком ракурсе видения Наташа превращалась «в медиума черных сил»¹⁵⁰, а перед ним предстала не милая сестра жены, а «оборотень, принявший вид Наташи» и нападающий на него «своей страшной чувственностью»¹⁵¹, настоящая ведьма с помелом (как

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Белый А. Материал к биографии. С. 248.

¹⁵¹ Там же. С. 199. Магнус Юнгрен обратил внимание на то, что в «Материале к биографии» Белый «отождествлял себя с Парсифалем, а загадочно обворожительную Поццо — с Кундри, которую волшебник Клингзор посылает, чтобы убить Парсифаля» (Юнгрен М.

предсказывал ранее Сергей Соловьев) или даже демон-суккуб:

Эта навязчивая идея укреплялась навождением ночи; я знал уже, сидя с Наташей и Асей вечером, у нас, если Наташа *такая*, какой она иногда умеет быть, жди ночью ее как бы прихода вне тела, когда она в моей ночной бессоннице делалась нападающим на меня *суккубом*; и в этих прилетах ее *на помеле* было что-то столь ужасное, демонское, — что я, хотя и был пассивной стороной этих нападений, я тем не менее чувствовал на душе какой-то тяжкий грех¹⁵².

Тем не менее от этих трансформаций сексуальная привлекательность Наташи не уменьшилась, как не уменьшилась и тяга к ней Белого:

<...> я стал порою воображать, будто Наташа — *суккуб*, посещающий меня; и тем не менее, — я влекся к Наташе, я все хотел остаться с нею с глазу на глаз; но — Наташа, искавшая со мною общения и *tête à tête* эту осень, тут нарочно стала ускользать от всякого объяснения; <...>; мы с нею встречались или в кантине, или на «*Ваи*», или при Асе, или при А. М. Поццо; иногда она, как бы за спиной их, кокетничала со мною, жестами; и — никогда не кокетничала словами; <...> ночью она появлялась около моего изголовья, как *суккуб*; и звала меня на жуткие, страшные шабаши <...>¹⁵³.

.....
Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект, 2001. С. 97).

¹⁵² Белый А. Материал к биографии. С. 244.

¹⁵³ Там же. С. 200.

В Дорнахе летом 1915 г. мания оккультного преследования и породившее ее эротическое марево достигли пика. Образы болезненных фантазий начали складываться в сюжет настоящего мистического триллера, на главную роль в котором выдвинулась то ли реальная, то ли привидевшаяся «черная женщина» с «зелеными, фосфорическими, не то безумными, не то сатанинскими глазами»¹⁵⁴. Сначала Белый «ощутил невидимое присутствие какой-то *черной женщины, суккуба*», потом он «в каком-то транс» нарисовал «на бумаге сатанинскую женщину»; это «женское, невидимое существо» стало посещать его по ночам, «наполняя душу страхом»¹⁵⁵:

<...> однажды, забывшись под утро, я проснулся как бы от некоего электрического удара и почувствовал, что сижу на постели и хриплю на всю комнату; это был припадок удушья; но мне казалось, что какая-то «*черная женщина*», невидимо прильнувши ко мне, выпивает, как вампир, мою кровь; я соскочил с постели и побежал будить Асю; но объяснить ей мои переживания страха не сумел¹⁵⁶.

Дальнейшие события и вовсе повергли Белого в отчаяние. «Черная женщина» стала... материализовываться на физическом плане. «Как? Мой кошмар воплотился? Ужасная Недотыкомка получила плоть и кровь, стала преследующим меня двуногим существом?»¹⁵⁷ — вопрошал он.

.....
¹⁵⁴ Там же. С. 212.

¹⁵⁵ Там же. С. 213.

¹⁵⁶ Там же. С. 200.

¹⁵⁷ Там же. С. 213. Недотыкомка — образ из романа Ф. А. Сологуба «Мелкий бес».

Первая встреча с Недотыкомкой происходит в общественном транспорте:

<...> однажды я был в Базеле с Асей; когда мы с ней возвращались в Дорнах в трамвае, то я заметил, что рядом со мной сидела костлявая, страшно безобразная и кривобокая женщина с фосфорически горящими, безумными глазами и с красным шрамом на шее; она сидела со мной рядом; и мне казалось, что она с особенным вниманием поглядывала на меня; было что-то отчаянно жуткое в ее черном, тощем, кривобоком силуэте; мне стало не по себе <...> Отмечаю этот факт, потому что «черная женщина» появилась впоследствии передо мною в гораздо более страшной и жуткой атмосфере¹⁵⁸.

В трамвае «черная женщина» еще не совершает никаких «враждебных» действий, а только поражает зловещим внешним видом. Но вскоре она подсаживается к несчастному писателю в «Кино», где ведет себя, мягко говоря, неприлично. При этом Белый «не противился ей в каком-то транс» и — «будто в гипнозе застывший, не мог отсесть от нее»¹⁵⁹:

<...> вдруг, во время представления, раздвинулась черная занавеска и женское существо, все в черном, странной шмыгающей походкою прямо направилось ко мне, село рядом со мной, хотя почти весь ряд был пустой; существо прижалось ко мне; я не знаю, почему я не отодвинулся: руки и ноги мои оцепенели, а черная женщина

.....
¹⁵⁸ Белый А. Материал к биографии. С. 199.

¹⁵⁹ Там же. С. 213, 214.

продолжала ко мне прижиматься, отчего мне делалось жутко <...>; так сидели мы в пустом почти ряду, странно прижатые к друг другу; в антракте вспыхнул свет <...>; я мельком увидел неприятно-странные черты ее лица и как будто красный шрам на худой, тонкой шее; свет погас и черная женщина опять прижалась ко мне¹⁶⁰.

Попытки Аси убедить супруга в том, что незнакомка могла быть просто местной проституткой, не возымели успеха. Он был уверен в ее демонической природе, и эта уверенность подтвердилась, когда вскоре «черная женщина» появилась в Дорнахе среди посетителей лекций Штейнера и стала, «как летучая мышь, шнырять на холме»¹⁶¹. Ее уродство («костлявая, безобразная, бледная как мертвец, кривобокая женщина с красным шрамом на шее»¹⁶², к тому же — «хромоножка»¹⁶³) выявляло страшную астральную сущность, а взгляд — самые враждебные намерения: «<...> глаза этой женщины грозили мне стародавнему яростью и как бы желанием <...> уничтожить меня <...>»¹⁶⁴.

К ужасу Белого, была очевидна связь между «черной женщиной» и его же собственным эротическим маревом:

<...> что *какая-то черная женщина* есть — это мне чаще и чаще казалось: она-то и губит меня, возбуждая во мне чувственность к женщине вообще¹⁶⁵.

.....
¹⁶⁰ Там же. С. 209.

¹⁶¹ Там же. С. 244.

¹⁶² Там же. С. 213.

¹⁶³ Там же. С. 245.

¹⁶⁴ Там же. С. 213.

¹⁶⁵ Там же. С. 205.

Или:

Да, в лице неизвестной *черной женщины* воплотилось все самое гадкое, подлое, низменное, что жило в моем сознании и бессознании: и вот это все, как оплеуха, мне брошено в лицо; <...> стало ясно, что физическое воплощение моих же темнот и скверн в виде появившегося среди нашей колонии отвратительного существа будет всюду появляться передо мною, дискредитировать меня, выдумывать на меня *небылицы* <...>¹⁶⁶.

Но еще страшнее и нагляднее проступала связь между «черной женщиной» и мечтами об «обладании Наташей»:

<...> стоило мне отдаться припадку страсти к Наташе, как эта, мне неведомая *женщина*, точно в ответ на мои переживания, глядела на меня с наглежащей улыбкой <...>¹⁶⁷.

В результате «самый образ Наташи явился» для Белого «олицетворением «*черной, демонической женщины*»¹⁶⁸. Иногда ему представлялось, что «черная женщина могла бы быть *противообразом Наташи*», что она просто «*Наташин двойник*»¹⁶⁹, а порой, что Наташа и есть то самое сатанинское существо:

<...> если бы Наташа была уродлива до последних пределов, если бы она стала *ведьмой* и участвовала бы в черных

.....
¹⁶⁶ Белый А. Материал к биографии. С. 213.

¹⁶⁷ Там же. С. 200.

¹⁶⁸ Там же. С. 212.

¹⁶⁹ Там же. С. 212.

шабашах, то лицо ее могло бы приобрести этот отвратительный отпечаток...¹⁷⁰

Но все же Белый не был готов полностью присоединиться к ранее высказанному Сергеем Соловьевым мнению о том, что Наташа — ведьма, а предпочитал видеть в ней такую же жертву оккультной атаки со стороны «черной женщины», как и он сам. Одно из ее посягательств на Наташу подробно описано в «Материале к биографии»:

<...> однажды я увидел, как после лекции доктора, подкравшись к Наташе, *черная* прилипла к ней, а та стояла, <...> и будто не замечала этого более чем странного поведения; волна ярости, пересилив страх и отвращение, поднялась во мне: мне казалось, что черная «*глазит*» Наташу; я быстро подошел к ним и буквально плечами спихнул с Наташи «*черную*», не обращая внимания на то, как *это выглядит*; мое плечо ушло, как мне показалось, во что-то отвратительное студенисто-мягкое, бессильное; мадам «*Шварц*» сплепнулась с Наташи, мягко качнулась с нее; и, опустив плечи, не глядя на меня, заковыляла прочь <...>¹⁷¹.

Здесь Белый выступает спасителем Наташи. Но сам он оказывается бессильен не только перед «черной женщиной», но и перед другими демоническими существами, монстрами, наводнившими Дорнах, чтобы, как ему казалось, губить, «*глазить*» и его, и дело Штейнера:

.....
¹⁷⁰ Там же. С. 212.

¹⁷¹ Там же. С. 245.

<...> создалось во мне представление о том, что и моя абракадабра с Наташей — результат порчи нас, чуть ли не глаза; этот *черный глаз* объясняли <...> навождением темных оккультистов, работающих над тем, чтобы внутренне деморализировать строителей «Ваи» <...>¹⁷².

Или:

Представьте: вы идете на лужайке; впереди вас бежит монстр, один из тех, которые уже *неспроста* вам попадались навстречу, а за ним идет пара одетых в черное злых ненавидящих «теток», из числа ведьм, с бледными лицами, и ест вас глазами; идущая навстречу группа образует треугольник, вершина которого — старик с сизо-лилово-багровым носом и кабаньими глазками; прежде он один, как кабан, выбегал на вас, вас пырять оккультным клыком; теперь он подкреплён парой за ним идущих теток; совсем как в шахматах, где на одну фигуру нападают три сразу¹⁷³.

Происходившие под руководством Штейнера в августе 1915 г. репетиции мистерии «Фауст» Белый воспринял сквозь призму своего кошмара, как отражение мистерии собственной жизни: «<...> самая постановка в теме спасения Фауста связалась с ситуацией того, что разыгрывалось в душе моей»¹⁷⁴. И еще — как очень личное послание, ведь в этой эвритмической постановке Ася и Наташа получили ведущие роли. Белый, присутствовавший на репетициях и на самом спектакле, отождествил себя

¹⁷² Белый А. Материал к биографии. С. 201.

¹⁷³ Там же. С. 263.

¹⁷⁴ Там же. С. 249.

с главным героем, погубившим душу, но уповающим на спасение, которое дадут ему ангелы, то есть те же сестры Тургеневы, игравшие предводителей ангельского хора.

Образ Фауста не раз мною ассоциировался с собою; мои отношения с Наташей и Асей чем-то напоминали отношения Фауста к Гретхен и Елене; кто Елена, кто Гретхен — не знал; и не знал даже, в чем аналогия; но — аналогия была.

Я, как и Фауст, — павший мудрец; Лемуры и Мефистофель меня окружили; но ведь есть ангелы, вынесшие душу Фауста, и есть Патер Серафиму, окруженный чистыми младенцами. Я вспомнил: Ася и Наташа в мистерии «Фауст» возглавляют два ряда ангелов, несущих Фауста в царство духа <...>¹⁷⁵.

И далее:

<...> неслучайно, что два ряда «ангелов», сплетенных гирляндами роз и выносящих на сцену изображение Фауста в «кукольном состоянии», отбитого у Чёрта, возглавляли две души, мне особо близкие, между которыми я в личной жизни разорвался; во главе одного ряда, левого, шла Ася, как хорэг ряда; во главе другого, правого, — Наташа. Эти ряды ангелов «спасали» Фауста <...>¹⁷⁶.

* * *

На эпизоде постановки мистерии «Фауст» и на событиях августа 1915 г. повествование в «Материале к биогра-

¹⁷⁵ Там же. С. 249.

¹⁷⁶ Там же. С. 261.

фии» обрывается. Не вполне ясно, почему не последовало продолжения. Возможно, не хватило времени и сил, а возможно, это был художественный прием (напомним, что Белый планировал «при случае дать на основании» этого текста «художественное произведение (роман-автобиографию)») и писатель сознательно или бессознательно последовал примеру Пушкина, завершившего «Евгения Онегина» многозначительной неопределенностью:

И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда.

Впрочем, в случае с Белым оказалось, что не навсегда. Обнаруженное в архиве «Наследие Р. Штейнера» (Rudolf Steiner Nachlassverwaltung) его письмо к М. Я. Сиверс от 13 января 1916 г. показывает, что история продолжилась и что в нее, к горести Белого, оказались вовлечены и самые авторитетные для него люди — и Штейнер, и его жена. За помощью в разрешении ситуации к ним обратились Ася и Наташа, что Белому было и обидно, и больно, ведь сестры Тургеневы фактически пожаловались на него (см. преамбулу к этому письму в наст. изд.).

Найденные в архиве Гетеанума письма рассказывают о том, как разворачивался сюжет в конце 1915 г. и в начале 1916 г. Случившийся в канун празднования Нового года сильнейший взрыв страсти закончился поражением и, возможно, некоторым отрезвлением Белого.

Отношение Наташи к происходящему можно понять по одному сохранившемуся ее письму — с отказом Бело-

му в общении и настойчивым предложением побороть влюбленность (это письмо тоже публикуется в книге).

Отношение Аси документально реконструировать еще сложнее, но нетрудно предположить. Отголоски дорнахской драмы можно, как кажется, прочесть «между строк» ее статьи «Андрей Белый и Рудольф Штейнер» при характеристике творчества Белого:

Одной из основных тем Белого было нахождение современного сознания «на перевале». Наши деды не знали болезни раздвоения личности, можно сказать — распада ее душевного состава. И интерес к надлому внутренней жизни Белого основан, быть может, на том, что он, в своих предощущениях, дал нам яркий пример испытаний на пороге сознания, осилить которые возможно лишь путем углубления в тайны человеческого существования¹⁷⁷.

Еще более очевидна отсылка Аси к событиям 1914—1916 гг. в характеристике его «душевного мира» и «темперамента» — «со всей их «стихийной» сложностью, доходившей до хаоса бредовых наваждений». Ее оценка жизни Белого в антропософской общине Дорнаха оказалась, мягко говоря, не восторженной:

Надежда, что деревенский воздух и физическая работа по возведению Гетеанума укрепят расшатанные нервы, оправдалась лишь отчасти. Белый глубоко радовался росту до того не существовавшей, идущей из будущего красоты этого здания, над которым мы работали по

.....
¹⁷⁷ Мосты. 1968. № 13/14. С. 238.

моделям и указаниям Рудольфа Штейнера, но сжиться с нашей работой не смог¹⁷⁸.

Среди причин, помешавших Белому «сжиться», она называет «болезненно-хаотическое его восприятие окружения», которое «еще усугублялось трудностями, возникшими в его эмоциональной жизни». Очевидно, что здесь подразумевается страсть к Наташе.

Призыв Белого на воинскую службу весной 1916 г. и его отъезд в августе Ася восприняла, как кажется, даже с облегчением. И в упомянутой статье, и в мемуарах она с настойчивостью (даже излишней) подчеркивала, что это пошло Белому только на пользу («Лишь в последние недели, прощаясь с прошлым, он вновь обрел спокойствие»¹⁷⁹), помогло отвлечься «на несколько месяцев от мучившего его хаоса» и «заново обрести контакт с внешним миром»¹⁸⁰. Доказывая (в полемике с Ф. А. Степуном), что Белый, несмотря на свои метания и даже «бунты» против Штейнера, до конца жизни остался его преданным учеником и настоящим антропософом, она тем не менее делает важную оговорку:

Но вера в то, что самое значительное, что мы пережили, сохранится неприкосновенным, была надломлена. Он это знал. Будущее показало, что и сохраняя ему верность, уберечь его он не сумел¹⁸¹.

.....

¹⁷⁸ Мосты. 1968. № 13/14. С. 247.

¹⁷⁹ Там же. С. 248.

¹⁸⁰ Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002. С. 100.

¹⁸¹ Мосты. 1968. № 13/14. С. 248.

Думается, что здесь подразумевается и то, что Белый не сумел сохранить их отношения. Впрочем, сам Белый так тогда еще не считал. Однако, действительно, с отъездом из Дорнаха эротический морок исчез без следа. Отношения Белого с Наташей не прервались, но вернулись на прежний, до-дорнахский уровень. Он пишет Наташе письма из России, но обращается к ней уже просто как к сестре жены, как к родственнице и другу. Основная тема писем — переживания о любимой Асе, прежде всего о ее здоровье. В этих письмах (также помещенных в книгу) нет ни слова о страстях, бушевавших в недавнем прошлом. Возможно, такое резкое переключение с роли обезумевшего влюбленного на роль заботливого мужа носило и демонстративный характер.

Будучи отрезанным от Аси (ведь он оказался в России в канун революции и гражданской войны), Белый особенно остро переживал любовь к ней (впрочем, несмотря на влечение к Наташе, никогда и не потухавшую), слал ей письма (не всегда доходившие), деньги на жизнь и свои новые книги. На одной из них, на выпущенной в издательстве «Алконост» поэме «Христос Воскрес» (Пб., 1918) — дарственная надпись, особенно щемлящая, особенно трогательная: «Милой Асе, почти без надежды увидеть...»¹⁸² (см. ил. на вкладке). Уже тогда Белый мог бы догадаться, что Ася не так сильно стремится к встрече, как он. Ее ответы были холодны и редки. Письму, полученному в январе 1919 г., Белый дал определение — «сражающее»¹⁸³. Само письмо не сохранилось, но его содержание можно представить по ответам Белого.

.....

¹⁸² Книга хранится в Мемориальной квартире Андрея Белого (отдел Государственного музея А. С. Пушкина).

¹⁸³ Белый А. Ракурс к дневнику С. 499.

Недавно получил Твое письмо, — то, в котором Ты видишь меня в круг своей душевной жизни, и в котором вспоминаешь «ужасы» нашей прежней жизни с Тобой; признаться сказать, мне письмо Твое было грустно: ведь оно — единственное, которое я получил за 8 месяцев; когда люди по полгода не имеют друг о друге вестей и когда неизвестно еще, увидятся ли они, — не след<ует> писать письма подобного содержания¹⁸⁴.

Или:

<...> я ждал от тебя 6 месяцев писем, и — получил 1) воспоминания Твои об «ужасах» нашей совместной жизни 2) уведомление, что Ты не стесняешь моей свободы (как будто я этого не знал!) 3) уведомление о твоих отношениях с В<ан> д<ер> П<альсом>¹⁸⁵.

Воспоминания «об „ужасах“», думается, были навеяны историей с Наташей, уведомление об «отношениях» с жившим в Дорнахе голландским антропософом, поэтом и музыкантом Леопольдом Ван дер Пальсом (1884—1966) и ее апелляция к «свободе» Белого, несомненно, намекали на ее нежелание «совместной жизни». Белый, однако, не хотел смотреть правде в глаза и верил, что при встрече разногласия исчезнут, чувства воскреснут. Собственно, ради этого он и добивался упорно разрешения

¹⁸⁴ Письмо от 25 декабря 1918 / 7 января 1919 г. См.: *Europa Orientalis*. 1989. № 8. Р. 443; публ. Дж. Малмстада). Републиковано в кн. «„Люблю Тебя нежно...“: Письма Андрея Белого к матери. 1899—1922».

¹⁸⁵ Апрель 1919 г. См.: *Europa Orientalis*. 1989. № 8. Р. 445. Републиковано в кн. «„Люблю Тебя нежно...“: Письма Андрея Белого к матери. 1899—1922».

на выезд из Советской России. Если у большинства писателей причина эмиграции была политическая, то у Белого — сугубо личная: «дорваться до Аси»¹⁸⁶.

В Германию Белый смог попасть только в 1921 г., а до Дорнаха он так и не доехал. Встречи с Асей в Берлине были редки и подчинены ее деловому распорядку (участие в эвритмических представлениях и других проходящих в Германии антропософских мероприятиях). А в мае 1922 г. Ася объявила, что уходит от него.

В письме к поэту А. Б. Кусикову (весна—лето 1922 г.), с которым у Аси, по свидетельству современников, был в ту пору роман, она объяснила причины своего ухода:

Ты спрашивал, люблю ли я Анд<рея> Б<елого>. Как ребенка, который потерялся и плачет, — душа разрывается от жалости. И то, что мы с ним столько прекрасного вместе прожили. И то, что он не выдержал и отшатнулся — если не в основном, то все же в очень большой доле своей души, — этого я не могла ему простить. Но я сама поставила его в такие трудные условия. Ломаясь, он и меня надломил. Малейшее мужское в нем ко мне во мне вызывает негодование, чтобы не сказать больше. Жить — не с ним — а просто рядом с ним — было бы для меня невыносимо¹⁸⁷.

В этом совершенно безжалостном письме нашли отражения и претензии Аси к Белому, и ее собственная травмированность, и — в некоторой степени — признание своей вины за отказ с 1913 г. жить с ним как с мужем («я сама поставила его в такие трудные условия»).

¹⁸⁶ *Белый — Иванов-Разумник*. Переписка. СПб., 1998. С. 193.

¹⁸⁷ Там же. С. 243—244. Приведено в примечании к письму Белого от 11 марта 1922 г.

Можно сказать, что разрыв с Белым был для Аси освобождением. Белый же страдал невероятно и в буквальном смысле слова безумно. Пребывая в отчаянии, он написал книгу стихов «После разлуки» (Пг.; Берлин: Эпоха, 1922), большинство стихотворений в которой посвящено Асе и трагическим переживаниям, с ней связанным. В марте 1923 г. на съезде антропософов в Штутгарте Белый подарил эту предельно откровенную книгу адресату своей лирики и надписал: «Милой Асе — Анне Алексеевне Тургеневой — Автор. Страстная Среда. 23 года. Штуттгарт»¹⁸⁸. Очевидно, что и через год после разрыва Белый, вручая Асе сборник «После разлуки», снова объяснял в любви и предлагал внять его мольбам о возвращении (это была, видимо, последняя встреча Белого с Асей, и тогда же, в Штутгарте, произошло его последнее свидание со Штейнером).

Однако, может быть, еще более значимо то, что сборник «После разлуки» Белый подарил не только Асе, но и... Наташе. Причем дарственная надпись Наташе более нежная и, можно сказать, интимная, чем на Асином экземпляре книги: «Дорогой Наташе в знак искренней любви. Андрей Белый. 26 сент. 23 года. Берлин».

В тот же день Белый преподнес Наташе еще одну свою книгу — «Записки чудака» (В 2 т. М.; Берлин: Геликон, 1922), в которой так же, как и в сборнике «После разлуки», с пылкостью и предельной откровенностью рассказывается о любви к Асе и о боли, вызванной разлукой с ней. Упомянуты в «Записках чудака» и стрелы сладострастия, которыми из астрала героя пронзают черные оккультисты. Этот подарок Белый сопроводил еще

.....
¹⁸⁸ Книга хранится в Мемориальной квартире Андрея Белого (отдел Государственного музея А. С. Пушкина).

более нежным инскриптом: «Дорогой Наташе Поццо-Тургеневой с искренней любовью и приязнью. Андрей Белый. 26 сентября 23 года»¹⁸⁹.

Судя по «Ракурсу к дневнику», Белый в Берлине встречался с Наташей дважды. Один раз осенью 1921 года, сразу после приезда в Берлин. Второй — осенью 1923 года; как следует из инскриптов — 26 сентября. К этому времени он уже получил разрешение Наркомпроса вернуться из Германии, но еще томительно ожидал въездной визы. Белый, что называется, сидел на чемоданах, и встреча с Наташей (обозначенная в «Ракурсе к дневнику» как «приезд Наташи»¹⁹⁰) была прощальной.

Ася об этой встрече, несомненно, знала и даже кратко проаннотировала часть их беседы: «После разговора с Штейнером в Штутгарте, перед отъездом в Россию, Бугаев говорил моей сестре, что данное ему на прощанье Доктором будет ему помощью во всей его последующей жизни»¹⁹¹. Можно лишь предполагать, о чем еще они между собой беседовали и какой смысл вкладывал Белый в прощальный подарок и в подчеркнута нежные слова инскриптов. Несомненно, речь не шла о возвращении прежней страсти. Как кажется, говоря об искренней любви и приязни к Наташе (при этом — на книгах, пронизанных чувствами к Асе), Белый хотел объяснить произошедшее в Дорнахе мороком и «злым наваждением», вернуться к прежней системе координат и если не восстановить прежние, идиллические, не омраченные темными страстями отношения, которые некогда связывали его с Асей и Наташей, то хотя бы расстаться на хорошей ноте.

.....
¹⁸⁹ Обе книги хранятся там же.

¹⁹⁰ Белый А. Ракурс к дневнику С. 480. Здесь Белый ошибочно относит событие к октябрю.

¹⁹¹ Мосты. 1968. № 13/14. С. 238.

Думается, ему это удалось. Белый покинул Берлин 23 октября 1923 г. Началась жизнь в советской России — со своими горестями и радостями. В числе радостей — обретение новой любви, Клавдии Николаевны Васильевой, ставшей ему верной женой.

Дорнахские страсти, да и берлинские страдания остались в прошлом, но — как незаживающая рана. Значительная часть пережитого в преломленном виде нашла отражение в последнем художественном творении Белого — в романе «Москва». В нем Белый распределил свое «высшее я» и «низшее я» между двумя персонажами — главным героем профессором Коробкиным и главным злодеем, эротоманом Мандро, изнасиловавшим свою дочь, юную Лизашу, превращающуюся в конце повествования в эманацию «черной женщины»¹⁹². Очевидно, что прототипом Лизаши была Ася Тургенева, но также вероятно, что и ее двойник Наташа, вольно или невольно спровоцировавшая дорнахский морок Белого.

В последней книге мемуаров, вышедшей уже посмертно, Белый создал выразительные портреты и сестер Тургеневых, и А. М. Поццо и указал на их судьбоносную роль в своей жизни, подчеркнув значимость и их появления на своем горизонте, и их исчезновения:

<...> судьба мне вычерчивает три лица, особенно связанные со мной до 1915 г.; человеческие отношения развертываются различно в зависимости от того, происходит ли этот разворт в дуэте, в трио, в квартете и т. д.; <...> это трио есть: А. М. Поццо, Наташа и Ася; внешние

.....

¹⁹² Спивак М. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 251—289.

обстоятельства жизни скоро слагаются так, что мы вчетвером оказываемся за границей, связанные кругом интересов, сначала в Берлине, потом в Швейцарии; позднее ж судьба так убирает от меня этих лиц, что, проявив усилия с ними встретиться, это было бы отрезано¹⁹³.

Ася Тургенева оставалась до конца жизни в Дорнахе. Можно сказать, что там она нашла себя, прежде всего в профессиональном плане, стала одной из самых уважаемых последовательниц и учениц Штейнера, пользовалась авторитетом в Антропософском обществе, прославилась как одна из первых русских эвритмисток, как художница, работавшая над стеклами (витражами) Гетеанума¹⁹⁴, и книжный график.

Наташа Тургенева сначала тоже жила в Дорнахе, потом — в Варшаве и Берлине, долгое время работала в Париже, естественно, на ниве антропософии (выступала с лекциями, статьями), занималась также художественным творчеством — скульптурой.

А. М. Поццо здесь было уделено мало внимания. Его личность, биография, эпистолярное наследие заслуживают отдельного исследования. Сейчас же имеет смысл сказать, что и в Дорнахе, и в России его отношение к Белому было неизменно дружественным и уважительным. В отличие от Белого, он не освободился от призыва в армию и служил на Кавказе. Потом вернулся в Луцк, в Боголюбы, к дочери Маше, которую они с Наташей, уехав в 1913 г. к Штейнеру, оставили у бабушки, С. Н. Кампиони. В отличие от Наташи, он чувствовал, что заботиться о Маше —

¹⁹³ Белый А. Между двух революций. С. 424.

¹⁹⁴ Тургенева А. А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002.

его долг. В 1920 г. ему удалось вернуться в Дорнах, а потом перевезти туда и дочь. Дальнейшая жизнь А. М. Поццо также была посвящена антропософии — он работал как педагог и лектор в Варшаве, Праге, Париже, Вене.

Все трое — и Ася, и Наташа, и А. М. Поццо — написали воспоминания о Штейнере и своей жизни в Дорнахе. И, что показательно, все трое продолжали интересоваться творчеством Белого: это видно по статье Аси из журнала «Мосты» и по тому, что в личной библиотеке Н. А. Тургеневой и А. М. Поццо были книги Белого, изданные после его отъезда в Россию.

Завершающим аккордом в этой долгой и весьма запутанной драме стала смерть Белого (в 1934 году). Очерк-некролог написала Ася (возможно, по просьбе Марии Сиверс)¹⁹⁵. Наташа, как следует из объявлений в газете «Последние новости», организовала в феврале в Париже вечер памяти Белого и чуть позже, в апреле, выступила с докладом «Значение для нашего времени жизни и творчества Белого»¹⁹⁶. Не остался в стороне и Александр Поццо. В Варшаве он тоже прочел лекцию о Белом, поделился воспоминаниями. «Талантливому лектору, — сообщалось в прессе, — удалось нарисовать перед слушателями трагический и нежный образ мятущейся души поэта-мыслителя и любящего сына своей несчастной Ро-
.....

¹⁹⁵ Тургенева А. Борис Бугаев (Андрей Белый). Очерк о жизни / Пер. Х. Шталь; публ. М. Спивак // Смерть Андрея Белого. М., 2013. С. 750—576

¹⁹⁶ «Русская антропософская группа» в Париже поместила в газете «Последние новости» (№ 44 (4710). С. 4; рубрика «Лекции, собрания») объявление о том, что 14 февраля 1934 г. в «8 ¾ ч. <...> 6 рю Югенс (метро Вавен)» состоится «Вечер, посвященный памяти Андрея Белого». 18 апреля 1934 г. в 8 ½ русские парижане были приглашены туда же на ее (Последние новости. 1934. № 107 (4773). С. 4).

дины. Один из самых блестящих учеников Владимира Соловьева, затем горячий поклонник Рудольфа Штейнера (антропософа) и, в конце концов, подневольный гражданин большевицкой страны. Чуткий, своеобразный и тонкий философ среди грубых, тупых, невежественных, но самоуверенных большевицких заправил...»¹⁹⁷

Хочется думать, что смерть смела все то наносное, дурное, что происходило между Белым, Асей, Наташей и Александром Поццо. И выявила то настоящее, что было в основе их отношений. Определение этой «основе» и тому, что их всех соединяло, Белый дал в письме к М. Я. Сиверс от 13 января 1916 г.:

Мои отношения к людям мне дорогим и близким (к Асе, Наталии Алексеевне Поццо, к Александру Михайловичу Поццо) установились не на основании <...> одной только симпатии, или интимного понимания друг друга, или совместного искания пути жизни <...> с каждым по-разному была *радость встречи*; <...> *целое* наших отношений несу я, как событие дорогое, *ценное* и *огромное* в моей жизни. И потому-то: <...> временные дисгармонии их проношу я в душе <...> как развитие симфонической темы, не уяснимой извне наложенную программу абстрактного понимания; <...> «Есть несказанные лица... <...>Есть тайная связь всех тех, кто перешагнул за грань оформленного» <...> я мог бы эти слова приложить к лейтмотивам отношений нас 4-х друг к другу.

Моника Спивак, Томас Байер

.....

¹⁹⁷ Спивак М. Поминование по-дорнахски: М. Я. Сиверс (Штейнер), Н. А. Тургенева, А. М. Поццо // Смерть Андрея Белого. М., 2013. С. 748.

«Что есть любовь?»»

ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО
И НАТАШИ ТУРГЕНЕВОЙ
(1913—1917)

1

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И А. А. ТУРГЕНЕВА —
Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

Льян¹. 29 сент<ября> Н<ового> С<тиля> 19>13 г.

Милая Наташа,

Сейчас получили Твое письмо. Мы не писали Тебе оттого, что адреса Твоего не было и мы не знали в точности, где Ты². Что касается мюнхенского курса³, то о нем сказать и писать почти невозможно по трояким причинам: 1) Он был в значительной мере комментарием к «Seelen Erwachen» (4-ой мистерии) и ретроспективно комментарием к 3-м мистериям⁴. 2) Самостоятельно он весь был курсом о люциферических и ариманических соблазнах, сумма которых создает порог⁵; и в этом смысле он был невыносимо тягостен; я думаю, что многие этого курса не выдержат, ибо впечатление было таково, что Доктор вместо успокоения и тишины вырвал последнюю твердую почву у многих⁶; многие вероятно до курса думали: «Теософия⁷ это то, что дает опору». После же курса эти многие должны были сказать себе: «Теософия это то, что отнимает последнюю опору, ибо эта последняя опора у всех есть лишь произведение из Аримана и Люцифера; опора собственно начинается за порогом, но пока не освободишься реально от всего, что составляет иллюзию в Тебе Тебя, опоры и нет, так что — скажут

многие — зачем я подходил к теософии, она у меня отняла неведение, а оно и было моей опорой». Для усталых, разбитых, кое-как доплывших до Мюнхена с надеждою отдохнуть при Докторе, курс был именно вырыванием почвы из-под ног, и каждый должен был поставить себе вопрос: «Могу ли я тут быть: хватит ли у меня сил плыть в бездорожье». Но жест курса, жест руки Доктора был жестом руки, указующей во мрак: «Там — буря, там — мрак, там — ежедневная, ежечасная пытка в борьбе с собой, в борьбе с собственными видениями, в борьбе с идеалом собственной святости, и одновременно в борьбе с неодолимо вырастающим желанием сказать себе „Не хочу постигать свои постижения, коли их нашептывают Люцифер и Ариман: Не хочу ничего!“» Это «нехочуничего» выросло жестом самозащиты слабого человека от ударов молота, наносимого Доктором. Но жест Доктора — жестоко-карающий жест: справедливый («Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому пройти в Царствие Неб^{есное}»⁸), был самым прекрасным жестом: а глаза и лицо были такие, каких никогда еще не было, особенно когда Доктор говорил о том, что разговор у порога себя самого с собою самим⁹ есть в сущности повторение известного разговора Люцифера с Богом. Бог говорит Люциферу: «Ты — был; Ты — бывший. Пойми, что все прекрасное „Твоего“ [sic!] прошло, миновало; всякое богатство, мир, красота, мистика, полет — все прошло, прошло: все-все-все. Ты — бывший, бывший»¹⁰.

Тут происходит нечто такое, о чем говорить нельзя, к чему нет слов, что превышает всякую тра-

гедию: Gewesen! (Бывший!) (Слово Доктора). И мне прозвучал этот курс: «Ты — бывший, бывший („бывшие люди“): босьяк¹¹, хулиган: брось все богатства; это — было: а теперь — все-все-все — отошло: про-шло!!»

Неудивительно, что после такого курс поднялся вопрос: «А мы-то как? А мне-то как? Да что же это такое? Да как же дальше!»

На этот раз (по крайней мере все русские) были расшиблены, разорваны, потрясены все: и у многих вставал вопрос один. И даже сравнение одно и то же (у меня, Трапезникова¹², Григорова¹³). «Легче поставить трость на землю, чтобы она не упала направо или налево, нежели пройти мимо Л. и А.»¹⁴.

Например: Люцифер и Ариман заключили союз, так что каждый люциферический импульс имеет ариманическую подкладку и обратно; выдираясь из царства Аримана, попадаешь к Люциферу; побеждая Люцифера — к Ариману. Книгопечатание — ариманизм; музыка — Люциферизм. Рейсбруг, Экхарт — люциферичны. Сведенборг¹⁵ — ариманичен, пророчествование — ариманично и т. д. и т. д.¹⁶

Доктор у каждого отнял все оплоты каждого, но при этом как бы говорил: «Борясь со мной за свое богатство (Люциферизм), Ты впадешь в Ариманизм; но если Ты согласишься быть нищим, т. е. смиришься (gewesen)¹⁷, это будет смирением паче гордости; и Люцифер унесет Тебя на свой одинокий остров»¹⁸.

Словом, курс был заданием головоломной жизненной задачи — задачи, решением которой дол-

жен быть каждый день, каждый час; и тут не отвертись; я не знаю, но кажется, после курса у каждого вырос строгий, жестокий, немилосердный судья: «Я».

Да, в каком-то смысле это был страшный суд. Доктор кому-то сказал, что он «вынужден» был прочесть такой курс. Такого курса мы, признаться, не ожидали с Асей, хотя... в принципе для нас он не был неожиданным. Мы просто могли думать, что еще не пришла пора для целого о<бще>ства (по его наличному составу)¹⁹, чтобы его так припёкали на огне самобичевания. Но впечатление курса таково²⁰, что Доктор где-то ждал, ждал, ждал и думал: «Ну когда же с ними начнется. Когда они перестанут приезжать на курс, как на объект комфорта и будут приезжать на курс, как на распятие».

Потом сказал себе: «Аа?.. Приезжают все еще по-прежнему? Хорошо же!» Схватил одною рукой 1500 человек и неожиданно поволок в Камалоку очищаться...²¹

Я понимаю, что москвичи вернулись растерянные; Алеша²² что-то весь курс куда-то прятался: с ним что-то случилось; а корректный Григоров как-то вдруг разорвался и стал вещать очень умно, очень оккультно, т. е. даже он по временам был как-то вне себя; Трапезников испуганно проваливался периодами. И только качался над всей аудиторией веселый и увлеченно-довольный Боянус²³ (этот за старостью лет вероятно уже побывал в Камалоке). Боянус насладился курсом: кажется он один.

Приписка А. А. Тургеневой:

Наташа, несколько раз начинала писать, но Алеша сказал, что ты переехала, а адреса от него не могла добиться. Сейчас идем на I лекцию курса²⁴. Мы обещали прислать в Москву конспект, и я скажу, чтобы его тотчас же передали Поццо²⁵. К несчастью, Боря не записывал Мюнхенского. О нем можно сказать так — что все самое лучшее в нас и самое худшее есть Люцифер и Ариман. Их борьба и противоборство образует — О — пустоту — черную дорогу креста. Медитация — иное состояние сознания строит крылья и идти по ничто — как сомнамбулы ходят по карнизам²⁶. На последней лекции было стыдно до крику. Доктор полчаса умолял — быть лучше²⁷, как бы говоря: Я с вами, я говорю вам эзотерические вещи — я даю вам чин эзотериков — а вы его не носите. Было такое — я отдал вам себя — но вы меня приняли ли?²⁸ Близко время, и я скажу — Конечно, вы все спите и поживаете²⁹. Намечается такое, что доктор вглядывается в каждого и думает: годится он или нет? Понял он что-то, или нет?³⁰ Весной в Штутгарте³¹ он сказал: Я долго думал, продолжать ли мне с вами работать или нет, и решил остаться — и прибавил, что его никто не понял — и сказал: «Die Menschen sind so klein»³².

Понятно, что все смущены. Началась какая-то линия дифференциации и разделенье. И думаешь, как бы не проглядеть. Доктор говорил как бы: Я дал вам сокровище, но ваша воля превратить драгоценные камни — в камни простые. Все в вашей власти, будет ли на земле эзотеризм действителен или уйдет

опять из мира, и те силы, кот<орые> я вложил, обесценятся.

Целую.

Продолжение рукой Белого:

P. S.

Много очень говорили об «еуритмии»³³. Та барышня, которую в прошлом году в Базеле Доктор учил ок<культурным> жестам³⁴, в течение этого года работала целую систему танцев и привезла Доктору итоги своей работы; Доктор рассмотрел и не только одобрил, но и рекомендовал вниманию теософов «новое искусство», находящееся еще в зачаточном состоянии, но уже могущее развиваться и как искусство, и как педагогика: «Etherleib»³⁵ просится потанцевать; и вот просит танцев и наше тело, но существующие танцы не выражают танца Etherleib. А теперь с искусством Смитс найдено выражение³⁶; то, что слепо и не по такому хотела Дёнкан³⁷, что, калеча тела, привилось у Далькроза³⁸, то едва-едва но все-таки по правильному намечается у Смитс. Ввиду зла, наносимого школой Далькроза, Доктор рекомендовал танцы Смитс как противовес Далькрозовской болезни. Так что помимо самого элемента танца Смитс теперь преподает гимнастику танцев.

P. P. S. Смитс нашла жесты к гласным и согласным³⁹ и теперь в мистерии Пайперс⁴⁰, и другие все делали жесты Смитс. Действительно: тут в основе коллосальное [sic!], междупланетное, язык без слов, понятный жителю Марса столь же, сколь и нам, но... поскольку Доктор не имеет времени стоять не-

отлучно при Смитс и она предоставлена себе, постольку развитие этого искусства может отклониться (декадентизироваться, например). В Мюнхене Смитс (во время мистерий и курса) открыла курс танцев: танцевали многие⁴¹, Григоров, например, толстая Шолль⁴²... Есть танцы для укрепления Ich⁴³, против злости, для развития альтруизма: (танцуют, сбегаясь в круг и приговаривая хором: Du und Ich → sind → Wir⁴⁴. И потом forte⁴⁵ ...Wi — W-ir-Wir-Wir⁴⁶. И т. д. Сама Смитс танцует стихотворения⁴⁷. Доктор задал ей к Берлину (зимой) протанцевать русское стихотворение⁴⁸. По этому поводу у меня был с ней длинный разговор⁴⁹.

Пожалуй, на старости лет, придется и нам с Асей заплясать зимою в Берлине (пройти курс)⁵⁰, чтобы разучить и усвоить ее методу, которая чревата переворотами во всех сферах искусства: Ася говорит, что это переносимо в композицию рисунка.

P. P. P. S. Еще о Смитс. Сама она чистый, неиспорченный ребенок (19 лет); оттого пока еще все у нее Божьей Милостью; в Дюссельдорфе (к ней) пойдет учиться Марг<арита> Васильев<на>, которая задружила с ней, Киселева⁵¹ (помнишь?), и вообще к ней будут тянуться русские-модерн, обнаруживающие, как кажется, особые способности к танцам. И тут — я побаиваюсь за Смитс: она может, руссифицируясь, декадентизироваться; и тогда пропадет детское в ней и Божьей Милостью; вместо этого может оказаться жест; пока же всякая интерпретация согласных и гласных — прямо-таки открытие, но все → неизвестно почему, точно прямо упавшее из иного мира⁵²; Доктор мог дать лишь общие указания,

а развитие, конкретизация, детализация принадлежит ей; и вот то, что принадлежит ей, пока что совершенно чудесно и совершенно подлинно. В Мюнхене (в Tonhalle⁵³) было целое утро, посвященное танцам (с вступительным словом Доктора⁵⁴); юноши и девушки в гречески-негреческих (храмовых каких-то) костюмах двигались, ходили, сбегались, разбегались (а то и стояли) в каких-то невероятных сочетаниях: пахло чем-то бывшим-небывшим, забытым, но в жизни этой непережитым → Храмовым: Храмовые танцы — вот чем веет в воздухе⁵⁵; ясно, что к Johannesbau⁵⁶ Доктор готовит какую-то храмовую линию; и вот кусочек этой линии вдруг блеснул в танцах⁵⁷ (Эллис⁵⁸ со скверным остроумием писал по этому поводу: «Наш Мейстер стал танцмейстером»⁵⁹).

Кстати об Эллисе: плохо! Очень плохо!⁶⁰ Но не хочу писать, все равно всего не расскажешь; в Берлине расскажем. Послезавтра курс: «Пятое Евангелие»⁶¹. Потом едем в → Берген → Копенгаген → Берлин⁶². Адрес Berlin Post-restante (до 2—3 окт. старого стиля, т. е. до 15—16—17 нового). Пока не знаем, где мы живем, в Берлине или Базеле: кажется, в Берлине⁶³.

Р. Р. Р. Р. S. Кстати: о Марг<арите> Васильевне⁶⁴. Она — очень очень хорошая сейчас, милая, сердечная, глубокая; какой-то лед между нами прошел. С русскими со всеми было хорошо, ясно, просто, сердечно, особенно с Григоровыми⁶⁵, Бородаевской⁶⁶, Бергенгрюн⁶⁷, Марг<аритой> Васильевной, Трапезниковым. Пожалуй, ближе, теснее, дружнее, чем в Гельсингфорсе⁶⁸. Лишь... с... Алешей было не все ладно: непередаваемо трудно, почти... вра-

ждебно (неизвестно, почему); впрочем, он что-то свое тяжелое переживал, убегал от всех, таился, и был более всего в тягость, быть может, себе... Впрочем — ничего не знаю... просто не мог я (физически не мог) с ним ни о чем говорить, и это так тягостно чувствовалось им, что он от нас с Асей явно стал прятаться: во внешнем же между нами все было гладко.

Живем уже скоро три недели здесь; и у нас — чудесно; временами стоят голубые дни (такой голубизны и таких закатов я нигде не видел!); море то — совершенная матовая лазурь, то — белое молоко, то — серебро; и по струям (на закате) совершенная желтизна; что-то ярко-рыжее на совершенной голубизне; а кругом — на холмах и камнях — рыжие, красные, золотые леса; из воды торчат красные граниты; в воде — красные звезды медуз⁶⁹.

У нас в Льяне так чудесно хорошо (да и люди пансиона милые → старый профессор, бывший директор полиции, барышня музыкантша с матерью и «милый» коммивуажер-датчанин⁷⁰: троих ведем за собой на публичную лекцию Доктора), что мы вероятно на время курса не переедем в Христианию. Хорошо в Норвегии; и норвежцы не как прочие европейцы, а — люди; Норвегия — страна с будущим; это — слышится; но все — страшно провинциально; и оттого — хорошо. Всюду слышится человечность. Перед крошечным национальным театром на двух тумбах стоят: брызгливый каменный и благородный Бьернсон (с преогромным животом и реалистично изваянными деталями [зач.: принадлежностями] туалета, о которых писать мне

мешает приличие; и сии две статуи — гордость и украшение Христиании⁷¹, которая, вероятно, раза в три меньше Мюнхена (прочее в ней — виллы); везде деревянные домики; и что-то чисто русское. Христиания — смесь Мюнхена с... Тулой. И Тулы — много... Скоро мы поедem в Берген. Все сулят нам прекрасную дорогу; Христиания — Берген — одна из живописнейших дорог Норвегии; поезд входит в область ледников⁷². В Бергене хочется бросить взгляд на Атлантический океан; я океана не видал и чего-то жду от него; ждал пустыни: и пустыня не обманула. Океану ли обмануть?⁷³

Сейчас оторвался от письма; и — ослеп; через весь фьорд протянут сверкающий меч; я не знал, что это оптическое явление; вместо обычной колонны золота → вдесятеро ослепительнее по краскам на бледно-голубом → меч с рукояткой.

Были здесь в ложе⁷⁴. И — странная встреча произошла; какая-то в высокой степени замечательная дама как-то особенно обратила на нас внимание; и потом вдруг спросила: «Знаете Вы Fraulein Von Minzlow?⁷⁵ Я была с ней очень, очень близка. Последнее письмо от нее получила осенью 1910 года» (тогда) и далее: «Правда ли, что она...» и т. д. И когда я раскрыл рот, то дама меня как-то бурно перервала: «Нет, этого не бывало... Она должна жить... У вас в Москве?»⁷⁶ (с негодованием) «говорят глупости: разве это по-теософски»... И быстро отошла от нас. (впрочем, спросила фамилию, как-то по особенному прибавив: «Грау М. все, все мне рассказывала...») Все это звучало тоном: «Я знаю все...» Очень сложные, острые переживания были у нас в связи

с этой встречей...⁷⁷ Что-то будет на курсе? Мы решили держаться в стороне от дамы и быть начеку.

Ну Христос с Тобой, милая, милая Наташа! До скорого свидания?⁷⁸ да? Крепко целую и очень люблю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В письме к А. Д. Бугаевой от 12 сентября (30 августа ст. ст.) 1913 г. Белый указывает адрес: «Kristiania. Ljan. Pansionat Heim» и поясняет: «<...> Ljan, т. е. Льян, это дачное место недалеко от Христиании на берегу фьорда. В пансионе мы до 30 сентября нового стиля, т. е. до 17 сентября старого» («Люблю Тебя нежно...»). Письма Андрея Белого к матери (1899—1922) / Сост., предисл., вступит. ст., подгот. текста и коммент. С. Д. Воронина. М.: Река времен, 2013. С. 187). См. гл. «Льян» в «Записках чудака» (Белый А. Записки чудака // Белый А. Собрание сочинений: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Под ред. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1997. С. 295—298 — далее ЗЧ) и в «Материале к биографии»: «<...> находим около Христиании (на фьорде) в Льяне виллу и усиленно отдаемся медитациям; за этот месяц я делаю значительные успехи и космические узнавания (о сфере старой луны, солнца, Сатурна) осеняют меня; Ася тоже целыми днями занята упражнениями и плохо себя чувствует <...>» (Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад (Литературное наследство. Т. 105). М., 2016. С. 138 — далее МБ).

² Н. А. Тургенева в это время была в России.

- ³ Имеется в виду цикл из 8 лекций, прочитанный в Мюнхене с 24 по 31 августа 1913 г., — «Тайны порога» (GA 147. «Die Geheimnisse der Schwelle»). См. в переводе на русский: Штайнер Р. Тайны порога. Одесса: Изд-во Бартенева, 2009. Доступно на сайте «Библиотеки духовной науки»: http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Rus. Далее Белый пересказывает свои впечатления от этого курса.
- ⁴ «Der Seelen Erwachen» (нем.) — «Пробуждение душ» (1913), название четвертой драмы-мистерии Р. Штейнера. Три другие драмы-мистерии: «Врата посвящения» (1910), «Испытание душ» (1911), «Страж порога» (1912). См.: Штайнер Р. Драмы-мистерии. GA 14 / Пер. с нем. Н. Н. Белоцветова, сверен с оригиналом и отредактирован А. А. Демидовым. М.: Энигма, 2004. Курс «Тайны Порога» начался после представления мистерий «Страж Порога» (19 и 20 августа) и «Пробуждение душ» (22 и 23 августа), и Штейнер в лекциях постоянно обращался к примерам из них, разъяснял их содержание.
- ⁵ Имеется в виду «порог, через который должна переступить душа, если она хочет из физически-чувственного мира проникнуть в духовный мир» (Штайнер Р. Тайны порога. С. 31—32. Лекция 2. Мюнхен, 25 августа 1913 г.): «<...> мы уже указали на то, что те образы, которые называют Ариманом и Люцифером, посылают свои импульсы в физически-чувственный мир. Мы их нашли, Аримана и Люцифера, в самых разнообразных областях физического мира; но гораздо в более интенсивной мере, гораздо сильнее приходит человеческая душа в соприкосновение с Ариманом и Люцифером, когда она вступает на путь ясновидческого познания» (Там же. С. 132. Лекция 7. Мюнхен, 13 августа 1913 г.); «<...> особенно же выступает перед нами люциферический и ариманический элемент в своем значении для

границы или порога между чувственным и сверхчувственным, если обратить взгляд на ясновидящее сознание» (Там же. С. 43. Лекция 2). Здесь и далее речь идет о переживаниях, возникающих в процессе медитации и развития ясновидческого сознания.

- ⁶ Ср. как Белый описывает «мюнхенский курс о „Тайнах Порога“» в «Воспоминаниях о Штейнере»: «<...> в нем доктор — неумолимый, жестокий „Страж“, отбрасывающий нас от пути; и — даже: наступающий на отброшенного; курс связан мне картиной, перетрясавшей мое „Я“: налево — Люцифер, во весь рост (я им был переполнен в стремлении к медитативным успехам); направо — Ариман, меня стискивающий извне и тащивший в меняльные лавки забот о деньгах; осознавался центр, куда надо пройти; но он — узкий прощел, занятый фигурой доктора, грубо рукою отбрасывающего меня: в мои тьмы; таким он стоял перед многими в Мюнхене (в августе 13 года); и отбрасывание — погоня за нами: с бичом в руке. <...> доктор воззвал к чрезмерному в нас — неумолимостью стояния с молчанием о Христе и с вопияниями <...> об ужасах порога; он выбрал Мюнхен; в Мюнхене, по моим наблюдениям, он бывал наистрожайшим <...>» (Белый А. Воспоминания о Штейнере // Белый А. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Под общ. ред. В. М. Пискунова; сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. С. 505—506 — далее VIII).
- ⁷ Первоначально Р. Штейнер работал в рамках Теософского общества, возглавлял его немецкую секцию, но из-за серьезных разногласий вышел из него, учредив Антропософское общество (28 декабря 1912 г.). В начале февраля 1913 г. (на одиннадцатом съезде Немецкого отделения Теософского общества, проходившем в Берлине) последователи

Штейнера (в том числе Белый с А. А. Тургеневой) также покинули Теософское общество и вступили в Антропософское (Учредительное собрание состоялось 2—3 февраля). См. в письме Белого к А. Д. Бугаевой (после 7 февраля 1913): «Люблю тебя нежно...». С. 173. Однако в этом курсе Штейнер по инерции и по традиции говорит о теософии и обращается к «друзьям-теософам».

⁸ Мф. 19: 24; Лк. 18: 25; Марк 10: 25.

⁹ Имеется в виду встреча и разговор «обыкновенного „Я“, которое принадлежит к физическому миру и элементарному миру, <...> и второго „Я“, которое встречаешь, когда вступаешь в духовный мир» (Штайнер Р. Тайны порога. С. 137. Лекция 7).

¹⁰ Согласно Штейнеру, при переходе порога в духовный мир душа «переживает себя так, что она может сказать о себе: „Ты теперь только то, чем ты была; твоё бытие заключается в твоём бывшем бытии“» и видеть, «что ты являешься для себя только воспоминанием, что ты не можешь пережить настоящего, что ты о своём бытии можешь говорить, как о бывшем бытии». Или: «<...> человеческая душа таким образом вживается в область духа, что один момент она переживает: „Ты есть только бывшее“». По Штейнеру, Люцифер «есть такое существо, которое среди миропорядка пришло к тому, чтобы всегда быть только таким бывшим, быть только прошлым, быть только тем, что дали пережитые эпохи Земли <...>. И в то время, как другие божественно-духовные существа, идущие правильным ходом земного развития, приговорили его к прошлому, жизнь Люцифера заключается в том, чтобы своим прошлым отвоевывать себе настоящее и будущее. Таким образом, Люцифер стоит перед ясновидящим взором, храня в своём бытии божественно-духовное первоисточников мира, неся в своей

душе все великолепия мира, и приговоренный к тому, чтобы только сказать им: „они в тебе были!“ <...>. Переживая <...> макрокосмическое сходство Люцифера с микрокосмической сущностью человеческой души у порога между элементарным и духовным миром, переживаешь весь глубокий трагизм этого образа Люцифера <...>. У самой человеческой души, в то время, как она вживается в эти духовные миры, бывает момент, когда она есть только бывшее, когда она стоит перед „ничто“, когда она является как бы точкой во вселенной и переживает себя лишь как точку. <...> через противоположность бывшего бытия и духовного жизне-существа в области духа <...> развивается третье, среднее <...>, которое, благодаря слушанию духовного разговора между бывшим бытием и духовным миром, становится все полнее и полнее, становится развивающимся существом духовного мира. Так сам человек „становится“ в ясновидческом сознании в духовном мире» (Штайнер Р. Тайны порога. С. 125—128. Лекция 6. Мюнхен, 29 августа 1913 г.).

¹¹ Возможно, образы навеяны рассказами «босаяцкого» цикла М. Горького, и прежде всего рассказом «Бывшие люди» (1897), действие которого происходит в ночлежке, где обитают как люди, потерявшие прежде относительно высокое социальное положение («бывшие люди»), так и люди из низов («босаяки»). Ср.: «Перечисленные субъекты составляли главный штаб ротмистра; он, с добродушной иронией, называл их „бывшими людьми“. Кроме них, в ночлежке постоянно обитало человек пять-шесть рядовых босаяков. Они не могли похвастаться таким прошлым, как „бывшие люди“, и хотя не менее их испытали превратностей судьбы, но являлись более цельными людьми, не так страшно изломанными. Почти все они — „бывшие мужики“».

Примечательно, что в письме к другу-антропософу Михаилу Сизову (начало октября 1915 г.) Белый рассказывал, что Штейнер в беседе с ним 27 сентября 1915 г. «очень много говорил о босяках и босячестве», подчеркивая, что русским следует освободиться от «линии „интеллигентно-босяческой“». К этой линии, по словам Белого, Штейнер относил и философа В. С. Соловьева (см. публикацию письма в кн.: *Спивак М. Андрей Белый — мистик и советский писатель*. С. 86—87).

- ¹² Трапезников Трифон Григорьевич (1882—1926) — искусствовед, антропософ, участник строительства Гетеанума; после мюнхенского курса стал ближайшим другом и конфидентом Белого.
- ¹³ Григоров Борис Павлович (1883—1945) — участник первого московского кружка по изучению работ Штейнера (1911), один из основателей Русского Антропософского общества (1913) и его первый председатель, участвовал в строительстве Гетеанума; переводчик Штейнера, экономист, преподаватель немецкого языка.
- ¹⁴ Согласно Штейнеру, «в чистой мысли <...> лежит подход Люцифера к человеку. В чистом слушании, будь это через восприятие или через авторитет человека, лежит ариманический элемент. <...> Медитирование есть среднее состояние. <...> Между люциферическим элементом мысли и ариманическим элементом восприятия протекает душевная жизнь в медитировании, как в божественно-духовном элементе, неся в себе только развитие мировых явлений. Медитирующий человек <...> живет в божественном устремлении. Справа у него чистая мысль, слева ариманический элемент, чистое слушание, и он не исключает ни того, ни другого, но <...> знает, что здесь, в медитации, люциферический и ариманический элемент должны

планомерно уравнивать друг друга» (*Штайнер Р. Тайны порога*. С. 110. Лекция 7).

- ¹⁵ Фламандский мистик Иоганн (Ян) ван Рейсбрук Удивительный (1293—1381), немецкий мистик Майстер Экхарт (ок. 1260 — ок. 1328), шведский мистик Эммануил Сведенборг (1688—1772).
- ¹⁶ В опубликованных текстах лекций Штейнера не упоминаются названные Белым имена, а также книгопечатание и пророчествование. Однако Штейнер говорил о сильной подверженности художественной жизни ариманическому и люциферическому влиянию: «<...> ариманический элемент действует в архитектуре и пластике, а люциферический больше в музыке и поэзии; однако необходимо сказать: как только мы имеем дело с понятиями, имеющими силу и в высших областях, то нельзя просто ответить, когда кто-нибудь спрашивает: кто больше действует в пластике Ариман или Люцифер?» (*Штайнер Р. Тайны порога*. С. 118 и далее. Лекция 5. Мюнхен, 28 августа 1913 г.).
- ¹⁷ *Gewesen* (нем.) — бывший.
- ¹⁸ Ср.: «В то время, как Ариман имеет больше дела с мышлением, Люцифер имеет больше дела с чувствованием, с жизнью эффектов, страстей, влечений и вожелений. Все душевно-чувствуемое в физическом мире, есть то, господином чего является Люцифер. И у него есть тенденция высвободить, выделить это душевно-чувствуемое из физически-чувственного мира, одухотворить его, и на особом можно было бы сказать изолированном острове устроить люциферическое царство, из всего того, что он может уловить, захватить из душевно-чувствуемого в чувственном мире» (*Штайнер Р. Тайны порога*. С. 39. Лекция 2); «<...> Люциферу легко выделить человека из общего миропорядка, который уже был предопределен до появления Люцифера; т. е. посадить

человека на уединенный остров, обособить его от остального, идущего вперед человеческого развития» (Там же. С. 104. Лекция 5).

¹⁹ Имеется в виду антропософское общество.

²⁰ У Белого «такого».

²¹ Камалока (санскрит.) — термин философии веданты, используемый в теософии и антропософии. «„Кама“ означает „вожделение“, „желание“; „лока“ должно значить „место“, но в действительности это не место, а состояние», — пояснял Штейнер (*Штайнер Р.* Теософия розенкрейцера. 14 лекций, прочитанных с 22 мая по 6 июня 1907 г. в Мюнхене. GA 99 / Пер. В. Е. Витковского под ред. С. В. Казачкова. М.: Энигма, 1999. С. 41 (Лекция третья. Мюнхен, 26 мая 1907 г.). Доступно на сайте «Библиотеки духовной науки»: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=99>). Состояние Камалоки душа человека мучительно переживает после смерти: «Это не есть какое-то мучение, наступающее извне, но мучение от неудовлетворения еще существующей способности к наслаждению. Почему душа должна переживать это мучение? — Для того, чтобы человек постепенно отучился от чувственных страстей и желаний, для того, чтобы душа отрешилась от Земли, очистилась и просветилась. <...> Смысл заключается в том, чтобы он останавливался на каждом событии, дабы отучиться от склонности к материальному. Человек переживает еще раз все испытанные им при жизни наслаждения, но с сознанием, что он должен их лишиться, и вследствие этого он привыкает отрешаться от физической жизни. И когда он таким образом переживет всю свою жизнь до рождения, тогда он сможет, говоря словами Библии, вступить „в Царство Небесное“» (*Штайнер Р.* У врат теософии. GA 95 / Пер. С. П. Шнитцера. М.: Энигма, 2004. С. 36 — Лекция третья. Штутгарт, 24 августа 1906 г.).

Ср. о состоянии души после мюнхенского курса в «Воспоминаниях о Штейнере»: «Сентябрь — огромный путь; душа просилась „погибнуть“, как никогда: работа напрягалась до смертельной испарины; из дали лет вижу, чего не видел тогда: результаты были огромны, но изживались самотерзом; знаю: не одна моя душа была в Камалоке <...>» (ВШ. С. 506). Под «работой» подразумевается медитативная практика.

²² Петровский Алексей Сергеевич (1881—1958) — друг Белого со студенческих лет, антропософ, участник строительства Гетеанума; литературовед, искусствовед, переводчик.

²³ Боянус Николай Карлович (1853—1916?) — теософ (казначей московского отделения Российского теософского общества), переводчик теософской литературы; врач-гомеопат. Петровский, Григоров, Трапезников, Боянус, как и Белый, ездили в 1913 г. за Штейнером по Европе, слушая его лекционные курсы.

²⁴ Речь идет о курсе из пяти лекций «Пятое Евангелие», который Штейнер читал в Христиании 1—3, 5 и 6 октября 1913 г. (См.: *Штейнер Р.* Пятое Евангелие // *Штейнер Р.* Из области духовнонаучных исследований. Лекции и циклы, прочитанные в период с 1910 по 1924 год / Пер. О. Погибина. Дорнах, 1967. С. 410—470). О судьбоносной роли этого курса в жизни Белого и А. А. Тургеневой см.: *Спивак М. Л.* «Я отдал жизнь письмом 1913 года»: Ответ Андрея Белого на «Пятое Евангелие» Рудольфа Штейнера // *Спивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 58—69.

²⁵ Александр Михайлович Поццо (1882—1941), муж Н. А. Тургеневой, вскоре вместе с женой вступит в Антропософское общество, будет работать на строительстве Гетеанума.

²⁶ Ср.: «Каждую ночь человек должен таким образом бессознательно погашать себя. <...> с полным сознанием предать

уничтожению, забвению, бездне свое Я-воспоминание, действительно на мгновение очутиться в духовном мире, над бездной бытия, перед „Ничем“ как „Ничто“. Это самое потрясающее переживание, которое можно иметь, и нужно подойти к этому переживанию с большим доверием. <...> Лишь теперь после того, как ты совершенно погасил себя, встречаешь ты свое истинное „Я“, теневой образ, майя которого есть „Я“ в физическом мире. Ибо истинное „Я“ человека принадлежит сверхдуховному миру, и своим истинным „Я“, слабым теневым образом которого является физическое „Я“, человек проникает вовнутрь сверхдуховного мира. Таким образом восхождение к сверхдуховному миру есть внутреннее переживание, переживание совершенно иного мира над бездной бытия и принятие истинного „Я“ из этого сверхдуховного мира над бездной бытия» (*Штайнер Р. Тайны порога. С. 146—147. Лекция 7*).

²⁷ См.: Там же. С. 146—175. Лекция 8. Мюнхен, 31 августа 1913 г.

²⁸ Ср.: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов <...>. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня <...>» (Мф. 25: 31—43). Или: «Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин.1: 11); «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня <...>» (Ин. 5: 43).

²⁹ С такими словами Христос обратился к апостолам, уснувшим во время моления в Гефсиманском саду: «Тогда приходит к ученикам Своим и говорит им: вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий

предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня» (Мф. 23: 45; также Мк. 14: 41). Тема сна апостолов и их пробуждения станет основной в судьбоносном письме Белого и А. А. Тургенева Штейнеру (от 3 октября 1913 г.), в котором они выразили свою решимость связать жизнь с антропософией (*Спивак М. Л. «Я отдал жизнь письмом 1913 года»: Ответ Андрея Белого на «Пятое Евангелие» Рудольфа Штейнера // Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 58*).

³⁰ В заключительной лекции курса (31 августа) Штейнер «не для того, чтобы критиковать, но только для того, чтобы представить объективные факты», отметил, что «появившиеся за последние три-четыре года книги и циклы все-таки прочитывались <...> не так, как они могли бы быть прочитаны», и что не было осознано то, что в них «сказано, более или менее даже ясно сказано». Штейнер воззвал к чувству ответственности тех, кто стремится развивать ясновидческое сознание, и подчеркнул его значимость для современности: «<...> наше теософическое или антропософическое движение совершенно вставлено в настоящее. Необходимо подумать о том, каково правильное внесение этого движения в настоящее, в эту хаотическую сутолоку культуры современности. Лишь тогда можно будет развить ясные, бдительные мысли об этом внесении, если прежде всего обратит внимание на <...> то, что наша культура наверное опустеет, засохнет, если не получит того обновления, которое приходит из источников серьезного и подлинного оккультизма» (*Штайнер Р. Тайны порога. С. 171. Лекция 8*).

³¹ Весной 1913 г. Белый и А. А. Тургенева были в России и потому не могли слушать Штейнера. Возможно, речь идет о пересказе его слов или конспектах его лекций. В Штутгарте Штейнер выступал с 17 по 20 мая. В частности, 18 и 20 мая

прочитал две лекции «Импульс Михаила и Мистерия Голгофы» из цикла «Предварительные ступени к Мистерии Голгофы» (GA 152).

³² Die Menschen sind so klein (нем.) — Люди настолько малы.

³³ Эвритмия — созданное Р. Штейнером «искусство изображения звука слова движением» (ЗЧ. С. 285). Ср. определение в «поэме о звуке» «Глоссолалия»: «<...> эвритмия — искусство познаний; здесь мысль льется в сердце; а сердце крылами-руками без слов говорит; и двулучие рук — говорит» (Белый А. Глоссолалия. Томск, 1994. С. 12). См. подробно: Штайнер Р. Эвритмия как видимая речь: 15 лекций, прочитанных в Дорнахе в 1924 году. GA 279. Киев: Наири, 2012. Доступно на сайте «Библиотеки духовной науки»: http://bdn-steiner.ru/cat/Ga_Rus/279.doc. В Мюнхене во время цикла лекций «Тайны порога» (24—31 августа) в день рождения Гете 28 августа «в рамках дружеской встречи состоялось небольшое представление: демонстрация элементов эвритмии и некоторых стихотворений. Р. Штейнер открыл это событие вступительной речью, как он часто делал это в последующие годы перед эвритмическими выступлениями» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером / Пер. с нем. Т. Ушаковой. Киев: Наири, 2010. С. 46). Элементы эвритмии были введены и в постановку драмы-мистерии «Пробуждение душ», показанной перед началом курса (22—23 августа). Ср. в мемуарах Т. В. Киселевой: «Новым большим событием в жизни эвритмии стал представленный в августе 1913 года в Мюнхене танец сильфов и гномов в новой для того времени драме-мистерии „Пробуждение душ“. До этого в своих указаниях Р. Штейнер показывал только отдельные движения. Теперь же во время репетиции он взял в руки две палки, сгорбился и начал исполнять танец гномов, так невероятно характерно

и с такой удивительной подвижностью во всем теле и в лице, что мы долгое время молчали, скованные изумлением» (Там же. С. 45—46).

³⁴ Имеется в виду Лори Смитс (Элеонора Клара Мария Лори, в замужестве Майер-Смитс; 1893—1971), немецкая антропософка, первая эвритмистка. См. об этом в мемуарах Т. В. Киселевой: «Первые элементы эвритмии были даны Рудольфом Штейнером осенью 1912 г. в Базеле, где он в то время читал цикл о Евангелии от Марка [с 15 по 24 сентября 1912 г. — Сост.]. <...> Внешним поводом для этого первого эвритмического курса в Базеле послужило следующее стечение обстоятельств. Госпожа Смитс [Клара Смитс (1863—1948), ее мать. — Сост.] из Дюссельдорфа попросила у Рудольфа Штейнера совета в отношении выбора методики для своей дочери, которая хотела посвятить себя искусству танца. В ответ на это он в базельских указаниях по эвритмии создал основы школы нового искусства движения» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. С. 41—44). См. также в предисловии М. Я. Сиверс к изданию лекций Р. Штейнера «Эвритмия как видимая речь»: «В 1912 году он 9 часов занимался с одной семнадцатилетней девушкой, которой было необходимо своей работой помогать своим младшим сестрам после смерти отца. Она захотела посвятить себя какому-нибудь искусству, связанному с движением, которое не исходило бы из материалистических импульсов современности. Этот факт явился импульсом к принесению того дара, из которого возникла эвритмия» (См.: Штайнер Р. Эвритмия как видимая речь). И — в мемуарах М. В. Сабашниковой: «Одна из учениц Штейнера пришла к мысли, что путем определенных движений, соответствующих жизненным силам организма, можно его гармонизировать, укрепить и, таким

образом, оказать целительное действие на человека в целом. Ее муж внезапно умер, и ее восемнадцатилетней дочери надо было избрать себе профессию. Девушке хотелось заняться искусством движения в том или ином виде. Мать обратилась за советом к Рудольфу Штейнеру. Он пригласил девушку к себе и объяснил ей элементы эвритмии. „Теперь малютка должна научиться многому, что потом ей придется не забыть“, — сказал он» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. М.: Энигма, 1993. С. 226—227). Подробно о зарождении эвритмии и роли Лори Смитс см.: *Siegloch M. Lory Maier-Smits. Dornach: Verlag am Goetheanum, 1993*; в переводе на английский: *Siegloch M. How the New Art of Eurythmy Began: Lory Maier-Smits, The First Eurythmist. Temple Lodge Publishing, 1997* (репринт 2015).

³⁵ Правильно: *Ätherleib* (нем.) — эфирное тело. Согласно Р. Штейнеру, человек как существо, принадлежащее духовному миру, имеет сложный «состав» (физическое, эфирное, астральное тела, «Я»). Физическое «тело, которое чувственно воспринимается им, и с которым одним только и имеет дело внешняя наука, есть выражение для тонкого, сверхчувственного (эфирного) тела, в котором, как в облаке, содержится чувственное (или физическое), подобно более плотному ядру. Это эфирное тело есть второй член человеческого существа. В нем основа жизни физического тела. <...> Если по отношению к эфирному телу и говорится о внешнем мире, то при этом имеется в виду не физический внешний мир, воспринимаемый чувствами, но духовный окружающий мир, который по сравнению с физическим миром столь же сверхчувствен, как эфирное тело человека — по сравнению с физическим» (*Штайнер Р. Порог духовного мира // Штайнер Р. Путь к самопознанию человека. В 8 медитациях; Порог духовного мира.*

Афористические рассуждения. Ереван: Ной, 1991. С. 97. Глава «Об эфирном теле человека и об элементарном мире»). В лекциях об эвритмии Штейнер постарался наглядно объяснить, чем отличается «физический человек» от «эфирного»: «Физический человек, каким его описывает обычная физиология или анатомия, обладает и с внешней, и с внутренней стороны некоторыми формами, которые изображаются на рисунке. <...> В данном случае [т. е. в случае эвритмии. — Сост.] мы имеем второй член человеческой природы — эфирное тело. <...> В устойчивом виде это эфирное тело может быть, в сущности, нарисовано в столь же малой степени, как молния. Когда рисуют молнию, то рисуют ведь не молнию, потому что она находится в движении, охвачена потоком. Поэтому при изображении молнии надо было бы изображать поток, движение. Сколь мало было бы возможно нарисовать молнию, если бы захотели это сделать, столь же мало можно зафиксировать и эфирное тело. Эфирное тело находится в непрестанном движении, в непрестанной подвижности. <...> Что же вы делаете, когда выговариваете алфавит? Вы тогда некоторым образом погружаетесь в форму вашего эфирного тела и сообщаете ее воздуху. Вы формируете в воздухе образ вашего эфирного тела» (*Штайнер Р. Эвритмия как видимая речь*).

³⁶ Об этом Р. Штайнер говорил 28 августа, предваряя первое эвритмическое представление. См. подробный пересказ Т. В. Киселевой: «Он начал с передачи разговора, состоявшегося между профессором Капезием и госпожой Фелицией Бальде, персонажами из драмы-мистерии Р. Штейнера. Госпожа Бальде недовольна манерой профессора слушать ее сказки и говорит ему, что при правильном слушании его эфирное тело должно танцевать. <...> Капезий с удивлением узнает, что духовные существа не выражают себя ни

на каком из существующих на земле языков; оказывается, что они движутся, и нужно понимать эти движения. На вопрос, как она это делает, она отвечает: „Ну, видите ли, нужно понимать искусство, позволять сердцу на какое-то время проникнуть в голову, тогда родится переживание всех движений, которые совершают эльфы, сказочные принцы и феи, и ты ощущаешь, как в гортань струится поток. Тогда это можно рассказывать. И если Вы будете слушать правильно, то Ваше эфирное тело будет повторять этот танец. Но поскольку Вы этого не умеете, Вы не можете всего понять, многое из того, что я Вам говорю, проходит мимо“... „То, что госпожа Фелиция сообщала Капезию, — продолжал Р. Штейнер, — было подхвачено, была сделана попытка — по крайней мере, мы делали это так — систематически оформить эти движения, эти танцы эльфов, гномов и другие ангельские танцы в своего рода язык движений“. Далее Р. Штейнер говорил об этой способности госпожи Фелиции: „Она была способна, пусть даже неосознанно, из мира форм, который является миром физического плана, давая сердцу пронизать голову светом, проникнуть взором в мир Духов Движения. И оттуда получала она свои сказки“. <...> При этом Р. Штейнер высказал пожелание, чтобы люди смогли обладать этим пониманием, которого не хватало Капезию: „Было бы просто замечательно, если бы мы всегда позволяли своему эфирному телу танцевать при восприятии сообщений, в том числе таких сообщений, которые могла дать из духовного мира госпожа Фелиция, причем физическое тело оставалось бы совершенно спокойным... То, что становится ясным из разговоров с госпожой Фелицией, должно сейчас стать основой для нашего искусства эвритмии. Когда-то нужно начать развивать искусство, находящееся на границе миров, и потому такое значимое.

В танце мы можем выразить, так сказать, самое обыденное, то, что родственно человеческим порывам и страстям. Но можно воплотить и дионисийский элемент в развитии человечества“. Он обратил внимание на то, что за эвритмией стоит тройная воля: во-первых, выразить элемент красоты, что является непосредственным выражением происходящего в высших мирах в плане движения, усиленным движением высших миров; это эстетический элемент. Второй элемент — педагогически-дидактический, а третий — гигиенический» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. С. 46—48).

- ³⁷ Айседора Дункан (1877—1927) — американская танцовщица-«босоножка», педагог, создательница системы свободного танца, ориентированного на древнегреческие образцы.
- ³⁸ Эмиль Жак-Далькроз (1865—1950) — швейцарский композитор и педагог, создатель системы ритмической гимнастики, завоевавшей популярность по всему миру, в том числе и в России.
- ³⁹ Ср. в мемуарах М. В. Сабашниковой: «Лори Смит не раз рассказывала мне, как Рудольф Штейнер вводил ее в это новое искусство. Никаких догматических указаний, все рождалось из переживаний. Она училась „переживать“: в гласных — выражение тех или иных моментов внутренней жизни человеческой души, в согласных — ее реакцию на воздействие внешнего мира. Он описывал ландшафт в покое — и в ответ рождался жест. Настроение природы менялось, оно становилось движением — соответственно менялись и жесты» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. С. 228).
- ⁴⁰ Феликс Пайперс (1873—1944) — немецкий антропософ, очень уважаемый Белым (см. в «Воспоминаниях о Штейнере», где Белый пишет о нем как о «естествоиспытателе»,

«Йоге», оккультисте — ВШ. С. 389); врач, директор антропософских клиник в Мюнхене и Штутгарте, эвритмист, играл в мюнхенских представлениях 1912—1913 гг. Бенедикта. В 1913 г. Белый запомнил «доктора Пайперса, изображающего в 3-й мистерии видение Св. Бенедикта Капезию, — Пайперса с развеянным пурпуром риз и как бы лежащим в странной позе (брошенные, как бы в пространство, руки и ноги); помню, как Пайперс, выдерживающий эту позу до 20 минут, меня потряс <...>» (ВШ. С. 411—412).

⁴¹ Ср. в мемуарах Т. В. Киселевой: «В Мюнхене члены Антропософского общества — кто только мог — записались на вводный курс по эвритмии. В маленьком, узком зале, где проходили занятия, приходилось иногда подолгу ждать своей очереди, так как в этом помещении могли одновременно двигаться лишь несколько человек, особенно когда начали отрабатывать дионисийские формы» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. С. 449). Штейнер, предваряя эвритмическое представление, призвал заняться эвритмией всех, независимо от возраста: «<...> он выразил желание, чтобы „наша молодежь к 60-му, 70-му году жизни обрела понимание этого искусства“. <...> осенью 1914 года в Дорнахе, он еще раз затронул тему возраста, сказав: „Хотелось бы, чтобы человечество было охвачено пониманием этого искусства, чтобы эвритмией занимались и с маленькими детьми, и до 70, 75, 90 лет“, — добавил он с улыбкой. „Всегда хорошо, когда человек учится выражать своими физическими движениями то, что является естественным и врожденным для эфирного тела“. Я еще вернусь к рассмотрению этого доклада» (Там же. С. 48—49).

⁴² Матильда Шолль (1868—1941), председательница кельнской ветви Теософского общества, потом активная деятельница Антропософского общества; в «Воспоминаниях

о Штейнере» Белый пишет о ней как об «интимной», «внутренней ученице» Штейнера, интеллектуалке, знатке высшей математики и Гете (ВШ. С. 417—420), неизменно подчеркивая при этом ее специфическую комплекцию, не совместимую, на первый взгляд, с увлечением танцами: «Огромного роста, более чем дородная, обладающая гигантским основанием, так сказать, фундаментом корпуса, <...> она сидела, а если стояла, то склонялась вперед, неизменно нагибаясь, ибо все было ростом ниже ее <...>» (ВШ. С. 419); или: «<...> садилась на чудовищно-широкое кресло перед нами; иногда <...> на диван, занимая без остатка все пространство его, равное троим нам, сидящим рядом» (ВШ. С. 370); или: «Впечатление от Шолль: сидит, тяжело сидит; и, вероятно, сразу на двух креслах, у которых отломали по ручке, дабы они составили одно кресло: кресло Шолль (в обычном кресле она бы завязла); и когда огромная Шолль двигалась среди толпы, ее было видно отовсюду <...>» (ВШ. С. 418).

⁴³ Ich (нем.) — Я.

⁴⁴ Wir (нем.) — мы.

⁴⁵ Громко.

⁴⁶ Ты и я образуем Мы (нем.).

⁴⁷ Ср. описание представления 28 августа 1913 г. в мемуарах А. А. Тургеневой: «Большое впечатление произвело переведенное Лори Смит на язык эвритмии стихотворение Гете „Харон“. На ней было желтое шелковое одеяние, в руке — золотой молоток, которым она размахивала и в определенных местах стихотворения ударяла о пол» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002. С. 54). Или, в мемуарах Сабашниковой: «В заключение съезда было дано полуоткрытое эвритмическое представление, в котором я тоже

участвовала. Лори Смит исполняла Гетевское стихотворение „Харон“. В желтом одеянии, с „Тао“ в руке, она в своих гьератических движениях создавала действительно величественный образ» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. С. 227). Впоследствии, как отмечала Т. В. Киселева, «эвритмически-театральные действия», характерные для «первой стадии развития эвритмии», исчезли: «Также должен был исчезнуть использовавшийся ранее реквизит, например, цимбалы или молот в стихотворении Гете „Харон“ и т. п., чтобы освободить место для эвритмии в ее чистой, подлинной форме» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. С. 149). См. также: Бауман Э. Из опыта работы в лечебной эвритмии / Сост. и примеч. С. В. Казачкова. М., 2013. С. 87—88. «Харон» (1823) входил в подборку переводов «Neugriechisch-Epirotische Heldenlieder» (эпиротические песни о героях на новогреческом языке). Благодарим С. В. Казачкова за консультации.

⁴⁸ Следующие эвритмические представления состоялись в 1913 г. в Лейпциге, Кельне, «затем два представления в Берлине во время Генерального собрания Общества в январе 1914 года. <...> Во время второго представления группа семьи Смитс показывала немецкие стихотворения и одно стихотворение на русском языке» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. С. 49). Ср. в письме М. В. Сабашниковой М. А. Волошину от 13/26 ноября 1913 г.: «Logu Smits божественно красива; ее движения — музыка. <...> Мы занимаемся греческим языком и русским. Logu пробует исполнять „Белые колокольчики“ Соловьева и „Пророка“ Пушкина» (Волошин М. А. Собр. соч. Т. 11. Кн. 2: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906—1924 / Сост. К. М. Азадовского, Р. П. Хрулевой; подгот. текста Р. П. Хрулевой, коммент. К. М. Азадовского, общ. ред. А. В. Лаврова. М.: Эллис

Лак, 2015. С. 601—602). Оба русских стихотворения, и «Белые колокольчики» В. С. Соловьева (1899), и «Пророк» А. С. Пушкина (1826), были показаны в Берлине 21 января 1914 г. (Siegloch M. How the New Art of Eurythmy Began. P. 94).

⁴⁹ Ср. в мемуарах М. В. Сабашниковой: «Поэт Андрей Белый приехал тогда со своей юной женой в Мюнхен. У меня в мастерской он познакомился с Лори Смит и эвритмией. И для него это тоже было новым узнаванием того, что он уже давно смутно чувствовал. <...> Лори Смит показала ему движения рук, выражающие звуки, и фигуры, описываемые ногами, выражающие мыслительное, эмоциональное и волевое содержание стиха. Так внутренне существо стиха становилось зримым и в этом открывалась его духовная ценность. Она показывала эвритмически также отдельные слова на разных языках, и перед нами зримо вставало своеобразие каждой народной души» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. С. 227).

⁵⁰ Эта идея осуществилась чуть позже. В мае 1914 г., уже поселившись в Дорнахе, Белый и А. А. Тургенева начали заниматься эвритмией у Т. В. Киселевой («По вечерам 2 раза в неделю берем уроки еуритмии <...>» — письмо к А. Д. Бугаевой: «Люблю тебя нежно...». С. 200). В июне Белый (в отличие от Аси, ставшей профессиональной эвритмисткой) перестал брать уроки: «Прекращаю уроки эвритмии (нет времени)» (Белый А. Ракурс к дневнику // Белый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад (Литературное наследство. Т. 105). М., 2016. С. 412. Далее РД).

⁵¹ И Маргарита Васильевна Сабашникова (в замужестве Волошина; 1882—1973), последовательница Р. Штейнера с 1905 г., художница, первая жена М. А. Волошина, и Татьяна Влади-

мировна Киселева (1881—1970), в будущем знаменитая русская эвритмистка, стали ученицами Лори Смитс, посещали ее курсы в Дюссельдорфе. См. об этом: *Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. С. 228—229; Киселева Т. В. Жизнь для эвритмии: Автобиография с дополнениями Б. Шрекенбах / Пер. Т. Ушаковой. Киев: Наири, 2011. С. 123—131 (Гл. «Эвритмическое образование в Хаус Меер, Дюссельдорф»).*

⁵² Ср. впечатление от Лори Смитс и ее искусства в мемуарах М. В. Сабашниковой: «Тут я увидела девушку, через которую Рудольф Штейнер ввел это новое искусство, — Лори Смит. Ей было тогда восемнадцать лет. Стройная фигурка, каштановые волосы и сияющие синие глаза, окаймленные темными ресницами. Она походила на греческую Кору, особенно ее руки напоминали греческие скульптуры. <...> Когда вы видели Лори Смит, эвритмически показывающую звуки речи, у вас дыхание захватывало. В ее движениях было нечто физически сдержанное, эфирно излучающееся, что можно видеть в распускающемся бутоне. Рудольф Штейнер во вступительном слове к первому представлению эвритмии сказал, что эвритмия стала возможной благодаря личным свойствам фрейлейн Смит. А позднее еще: у нее это искусство действительно вошло в плоть и кровь. Я думаю, что если бы личная судьба не воспрепятствовала ей в дальнейшем продолжать занятия эвритмией, она придала бы ей особый, космически сакральный характер. Она походила на маленькую жрицу, во всем ее существовании было что-то аполлонически излучающее» (*Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. С. 223*).

⁵³ Tonhalle — концертный зал (нем.). Здесь имеется в виду концертный зал, построенный для Мюнхенского филармонического оркестра архитектором Мартином Дюльфером в 1895 г. (Türkenstraße, 5; разрушен в 1944 г.).

⁵⁴ Имеется в виду представление 28 августа 1913 г. См. в мемуарах А. А. Тургеневой: «Важным событием стало первое эвритмическое представление, организованное Лори Смит. Были показаны различные групповые упражнения. Несколько молодых людей в белом продемонстрировали упражнения с палкой». Там же исполнялось стихотворение Гете «Харон». См. примеч. 47 на с. 121—122.

⁵⁵ Ср. позднее пояснение Р. Штейнера: «<...> в эвритмии мы обновляем то, чем были храмовые танцы древних Мистерий. Танцы были подражанием хороводу звезд, подражанием тому, что через Богов с небес говорилось человеку. Для этого в наше время необходимо лишь отыскать вновь из элемента духовного познания настоящий внутренний смысл соответствующих жестов» (*Штайнер Р. Эвритмия как видимая речь. 10 лекция*). См. также пересказ этой мысли в: *Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. С. 43*).

⁵⁶ Johannesbau (нем.) — Иоанново здание; так, по имени героя драм-мистерий Р. Штейнера Иоанна Томазия, первоначально называли Гетеанум. У Белого слово написано с ошибками: «Johannibau».

⁵⁷ Ср. об этом в письме Белого к А. Д. Бугаевой (май—июнь 1914 г.): «<...> все мужчины почти делают еуритмию в греческих белых туниках, белых чулках и белых туфлях, а дамы — в белых платьях; воображаю себе, как будет странно, когда в *Johannesbau* под звуки органа будут танцевать храмовые танцы уже прошедшие школу еуритмии в этих белых греческих костюмах. Вообще: около *Johannesbau* будет совершенно новая культура» («Люблю тебя нежно...». С. 200).

⁵⁸ Поэт, переводчик, критик, теоретик символизма и ближайший друг Белого с начала 1900-х, Эллис (настоящее имя — Лев Львович Кобылинский; 1879—1947) в 1910—1911 гг. был экзальтированным поклонником Р. Штейнера (См.: *Майдель Р.*

«Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51 (5). С. 214—239) и во многом способствовал приобщению Белого к антропософии. Однако уже в конце 1912 г. произошло разочарование Эллиса в штейнерианстве, он начал критиковать и антропософское общество, и его создателя. В «Ракурсе к дневнику», в записи за август (за период жизни в Мюнхене) отмечена «ссора в письмах с Эллисом» (РД. С. 404).

Написание Эллисом в 1913 г. антиштейнеровской брошюры «Vigilemus!» (М.: Мусaget, 1914) привело к тому, что Белый в октябре 1913 г. полностью порвал с ним отношения: «<...> приносят известие, что в Москве, в „Мусагете“ выходит пасквиль на д-ра, написанный Эллисом. <...> мы решаем ехать к Эллису <...>, чтобы иметь объяснения с Эллисом и потребовать у него обратно циклы доктора и тетрадки его с заметками д-ра на полях. Едем в Штутгарт, отправляемся в Дегерлох; Эллис прячется от нас; мы <...> забираем почти насильно тетрадки у Эллиса; я передаю Поольман: „Если Эллис ко мне не выйдет сию минуту, чтобы объясниться, то пусть знает: я с ним на всю жизнь разрываю все...“ Он — не вышел: с этого дня я все отношения с Эллисом прекратил» (МБ. С. 139 и примеч. С. 317). Подробно см.: Лавров А. В. Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете» // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: НЛО, 2015. С. 498—515.

⁵⁹ Ср. о том же в «Воспоминаниях о Штейнере»: «<...> мне же о докторе пишет с иронией: „Наш мейстер стал танцмейстером“. (Это об эвритмии)» (ВШ. С. 496). Это письмо неизвестно. Примечательно, что настороженное отношение к эвритмии было свойственно не только Эллису. Ср. в мемуарах Т. В. Киселевой: «В сильном, радостном волнении

я рассказывала о своем странном переживании моей соседке по комнате в отеле, которая раньше меня вступила в Общество. Я стала членом Общества всего несколько месяцев назад. Все это внушило ей тревогу, она предупредила меня: возможно, это было искушение! Рудольф и Мария Штейнер, танцующие! Ведь это невозможно!» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. С. 45).

⁶⁰ Возможно, имеется в виду и событие, отмеченное в записи за август 1913 г. в «Материале к биографии»: «<...> узнаем печальную новость: Эллис вышел из А. О.» (МБ. С. 138).

⁶¹ См. примеч. 24 на с. 111.

⁶² Белый с А. А. Тургеневой приехали в Берлин в середине октября 1913 г. Приезд в Берлин Н. А. Тургеневой и А. М. Поццо Белый относит в «Материале к биографии» к началу ноября 1913 г. («В первых числах ноября в Берлин приезжает Наташа и А. М. Поццо; они устраиваются неподалеку от нас, около Motzstrasse <...>». — МБ. С. 140), в «Ракурсе к дневнику» — к концу октября 1913 г.: «Приезд в Берлин Наташи и Поццо» (РД. С. 406).

⁶³ Белый с А. А. Тургеневой пробыли в Берлине с перерывами до конца января 1914 г.

⁶⁴ М. В. Сабашникова.

⁶⁵ Б. П. Григоров приезжал в Мюнхен вместе с женой. Григорова Надежда Афанасьевна (урожд. Бурышкина; 1885—1964) — врач-хирург, теософка, затем антропософка.

⁶⁶ Бородаевская Маргарита Андреевна (урожд. Князева; 1882—1969), жена поэта Валериана Валериановича Бородаевского (1874—1923), также присутствовавшего на мюнхенских лекциях Штейнера.

⁶⁷ Бергенгрюн (Бергенгрин) Татьяна Алексеевна (урожд. Андреева; 1861—1942), теософка, потом антропософка, участница строительства Гетеанума.

- ⁶⁸ В Гельсингфорсе Штейнер читал курс «Оккультные основы Бхагаватгиты» (с 28 мая по 5 июня 1913 г.), на который съехалось много русских, в том числе те, кого Белый называет. «Кроме курса д-р прочитывает специально русским лекцию для русских в номере „Фенниа“ (в григоровском)» (МБ. С. 136). Н. А. Тургенева и А. М. Поццо также ездили на этот курс: «Приезжают из Москвы [в Петербург. — Сост.] Поццо и в тот же день едут в Гельсингфорс с пароходом. <...> происходит первая встреча А. М. Поццо с доктором: А. М. записывается тут же в члены Общества. <...> Помнится день отъезда д-ра; мы провожали его на вокзале: я, Ася, Наташа и Поццо купили М. Я. <Сиверс> белых колокольчиков в дорогу ей; она приняла очень ласково цветы» (МБ. С. 137).
- ⁶⁹ См. подробно в «Записках чудака» (ЗЧ. С. 295—296; гл. «Льян»).
- ⁷⁰ Ср. описание жильцов пансиона «фру Нильсен» в «Записках чудака»: «<...> вернуться к фру Нильсен — вернуться бы мне; может быть, поджидает меня моя Нэлли, фру Нильсен и прочие: старый учитель и Андерсен (копенгагенец) — ужинать. <...> вот мы — за столом; сединистый учитель, мотающий прожелтнем уса, с непозволительно синими, как у младенца, глазами, живущий года у фру Нильсен, приветствует нас; церемонный поклон музыкантше направо, сердечный кивок адвокату (масону) налево; <...> учитель, мотающий прожелтнем уса и с индиго-синими, как у младенца, глазами, любитель лингвистики <...>» (ЗЧ. С. 470).
- ⁷¹ Обе статуи, норвежским писателям и драматургам Генрику Ибсену (1828—1906) и Бьернстjerne Бьернсону (1832—1910), выполнены норвежским скульптором Стефаном Синдингом (Stephan Sinding, 1846—1922) в 1899 г. к открытию театра.
- ⁷² См. восторженное описание этой поездки в «Записках чудака» (ЗЧ. С. 297, 303).

- ⁷³ «Пустыня не обманула» Белого, когда он в 1911 г. путешествовал с А. А. Тургеневой по Тунису и Египту. См.: Белый А. Африканский дневник // Белый А. Путешествие по Средиземноморью / Сост. С. Д. Воронин. М., 2015. С. 257—504. Атлантический океан, точнее Северное (Немецкое) море, на берегу которого стоит Берген (Норвегия), напротив того, особого впечатления на Белого не произвел.
- ⁷⁴ Ср.: «Мы бываем иногда в Христианийской ложе для членов [А. О. — Сост.], знакомимся кое с кем из норвежцев и между прочим с фрау Гельмгойден, председательницей Христианийской ложи <...>» (МБ. С. 138).
- ⁷⁵ Анна Рудольфовна Минцлова (1865 — исчезла в августе 1910) — теософка, последовательница Р. Штейнера, оккультный учитель многих московских и петербургских символистов: познакомила Белого и его окружение (члены кружка аргонавтов, сотрудники издательства «Мусагет» и др.) с лекциями Штейнера и практикой медитации (подробно см.: Богомолов Н. А. Anna-Rudolph // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: НЛО, 1999. С. 23—110; Глухова Е. В. Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцерскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа: Труды. Вып. 4. Ч. 2. М.: РГГУ, 2007. С. 215—270). Н. А. Тургенева также, видимо, находилась под влиянием Минцловой. В «Материале к биографии» Белый упоминает ее приезд к Минцловой в Петербург в феврале 1910 г. («Мучительный разговор с приехавшей в Петербург Наташей Тургеневой (приехавшей к Минцловой)» — МБ. С. 124).

В 1910 г. Минцлова планировала привести Белого к розенкрейцерскому посвящению, но потерпела неудачу: «<...> Минцлова требует, чтобы я в мае ехал в Италию, в Ассизи,

куда должен приехать Иванов; там, <в> Ассизи де, должна произойти наша встреча с розенкрейцерами и „посвящение“; но я, измученный уже год джлящимся без разрешения мифом, принимающим все более зловеще-фантастический характер <...>, решаю отказать<ся> от „чести“ ехать в Италию; <...>» (МБ. С. 125). Ср. в мемуарах А. А. Тургеневой: «Бугаев был избран ею для непосредственных контактов с тем кругом, который она представляла. Для этого он должен был совершить путешествие в Италию. Но Бугаев решил отложить эту поездку на будущее, — по причинам, касающимся только его личной судьбы. Хотя эти причины встретили понимание, все же его решение привело к тому, что фрейлейн фон Минцлова должна была, как она говорила, навсегда „исчезнуть“» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере. С. 21; Богомолов Н. А. Anna-Rudolph. С. 100—107).

Примечательно, что Н. А. Тургенева осудила отказ Белого следовать указаниям Минцловой и ехать в Италию к оккультным учителям-розенкрейцерам: «<...> Наташа упрекает, что этим решением я как бы переступаю через „коллектив“, ибо я из-за Аси не поехал в Ассизи. Я доказываю, что не поехал оттого, что у меня нет веры уже в „миф“ Минцловой <...>» (МБ. С. 126; запись за август 1910 г.).

⁷⁶ Последний раз Минцлову видели 17 августа 1910 г.: она села на поезд из Москвы в Петербург (Белый был в числе провожавших) и загадочно исчезла якобы потому, что не смогла выполнить возложенную на нее оккультную миссию: «Лишь ходили страннейшие шепоты, что-де бросилась в волны она Атлантического океана, что-де живет она в монастыре иезуитов (и называли мне город в Италии, где ее будто видели). Верных сведений — не было» (Белый А. Собр. соч.: Воспоминания о Блоке / Под ред. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. С. 370).

⁷⁷ После исчезновения Минцловой Белый и А. А. Тургенева несколько раз получали от нее странные «сигналы»: «Перед тем, как исчезнуть, она передала Бугаеву свое кольцо и несколько евангельских изречений — в качестве „опознавательных знаков“ на случай возможной встречи в 1912 году. Бугаев не исключал подобной встречи, специально ее не ожидая. Нечто подобное и произошло <...>» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере. С. 20). Так, если верить мемуарам Белого и А. А. Тургеневой, предсказания Минцловой стали сбываться в 1912 г. в Брюсселе перед их первой поездкой к Штейнеру (Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 737—749; Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере. С. 22—23). А. А. Тургенева упоминает также о том, что «примерно в 1915 году у Бугаева произошла примечательная встреча в соборе Лозанны. Пожилой незнакомый господин после короткого разговора с Бугаевым вытащил из кармана книжку и торжественно прочитал по ней условные слова из Евангелия, которые упомянула фрейлейн фон Минцлова. Затем он простился. — „Этот господин, — сказал впоследствии доктор Штейнер, — сам не имел ко всей ситуации никакого отношения. Фрейлейн фон Минцлова умерла и не могла успокоиться, пока не закончила того, что начала. Через него говорила она“» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере. С. 28).

⁷⁸ См. примеч. 75 на с. 129—130.

<Дорнах. Конец декабря 1915 г.>¹

Наташа, решая, как нам быть, вообще не предре-
шай рассудком (все рассудочное покоится на ошиб-
ках логики), не обдумывай заранее; за все это вре-
мя главною нотою всех бывших трудностей между
нами и единственная моя нота против Тебя, кото-
рая вставала, это — твоя предрешенность, заранее
продуманность; какая бы Ты ни была, какое бы ни
было [sic!], я все-все от Тебя принимал с радостью
и доверием, когда же наткнулся на предрешен-
ность, то весь переламывался; и если мы проща-
емся навсегда, мое дружеское, последнее слово Те-
бе текстом от Луки: «Итак, положите себе на серд-
це не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам
вам уста и премудрость...»². Наш разговор осенью
(за Вау³) оттого не привел ни к чему, что он был То-
бою от слова до слова продуман и предрешен Ма-
лым разумом, а не Большим Разумом⁴, а я целовал
«Grund-stein»⁵ (еще до разговора) на том, что не от-
дам Тебя в своей душе предрешениям), на предре-
шенности отвечаю одним: расстанемся.

«Расстанемся» — естественный вывод из моего
слова Тебе «Я тебя не отдам»; расстанемся, это зна-
чит: «Я Тебе Тебя не отдам, унесу с собой».

- ¹ Письмо не датировано. Оно могло быть написано как перед письмом № 3, отправленным в период между Рождеством и Новым годом, так и сразу после него.
- ² Лк. 21: 14—15.
- ³ См. запись за сентябрь 1915 г. в «Ракурсе к дневнику»: «Ссо-
ра с Наташей. Тяжелые объяснения с Асей» (РД, С. 420).
- ⁴ Возможно, Белый отталкивался от цитаты из «Так говорил
Заратустра», которую, в частности, приводил Штейнер (хо-
тя и в ином контексте) в работе «Фридрих Ницше: Борец
против своего времени»: «В твоём теле больше разума, чем
во всей твоей хваленой мудрости... Тело — это большой ра-
зум, то есть множество с единым смыслом, в нём война
и мир, в нём стадо и пастух. Орудием твоего тела, брат мой,
является также и твой малый разум, который ты именуешь
„духом“, малое орудие и игрушка твоего большого разума»
(Штейнер Р. Фридрих Ницше: Борец против своего времени.
GA 5 / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Новалис, 2010, пара-
граф 15; доступно на сайте «Библиотека духовной науки»:
http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Book&Id=005).
- Ср. в «Философии свободы» Н. А. Бердяева: «<...> отрече-
нием от малого разума, преодолением ограниченности
логики обретается разум большой, входит в свои права Ло-
гос. Малый разум есть ratio, он рационалистичен, большой
разум есть Logos, он мистичен. Малый разум функциони-
рует как отсеченная часть, большой разум функционирует
в цельной жизни духа. Малый разум всегда противопостав-
ляет субъект и объект, большой разум постигает тождество
субъекта и объекта. Малый разум — дискурсивен, большой
разум — интуитивен» (Бердяев Н. Философия свободы. М.:
Путь, 1911. С. 25).

⁵ Grundstein (нем.) — буквально: краеугольный камень, камень основания; в антропософской традиции перевода — Камень Основы. Он был заложен Р. Штейнером 20 сентября 1913 г. в землю на месте, где планировалось возвести Иоанново здание (речь идет о целовании не самого камня, а места закладки).

«Для закладки Камня Основы здания Первого Гетеанума на Дорнахском холме была вырыта яма. 20 сентября в восемь часов вечера состоялось исполненное значения торжество, во время которого Камень Основы в форме двоянного пентагондодекаэдра, выполненного из меди, был погружен в „царство уплотненных элементов“ <...>. На вложенном в медный сосуд документе был следующий рисунок, снабженный текстом в соответствии с речью, произнесенной Штайнером: „Во имя Серафимов, Херувимов, Престолов, Духов Мудрости, Духов Движения, Духов Форм, Духов Личности, Архангелов, Ангелов: в макрокосмосе как микрокосмос да живет человек, Антропос, представленный здесь также как дважды двенадцатеричный образ духовного мира. И внутри него выражающее смысл нашего стремления изречение розенкрейцерства: Ex Deo Nascimur, In Christo Morimur, Per Spiritum Sanctum Reviviscimus“.

Изготовитель медного Камня Основы Макс Бенцингер по указанию Рудольфа Штайнера подвесил в двойном додекаэдре два кристалла пирита таким образом, что больший кристалл был прикреплен в малом пентагондодекаэдре, а меньший — в большем. В своем выступлении Штайнер упомянул об этом следующими словами: „Внутри этого Камня (Основы) находятся два камня, выбранных из уплотненного царства элементов, которые лучше всего выражают, как в уплотненном царстве стихий взаимодействуют силы макрокосмоса“.

Медный двойной пентагондодекаэдр был заложен в основание здания так, что его большой пентагондодекаэдр был направлен на восток к Малому куполу будущего здания, а меньший пентагондодекаэдр — на запад к Большому куполу, соответственно осуществился поворот от большого к малому: от кристалла пирита к Камню Основы и к зданию Гетеанума <...> Данная Штайнером медитация о пирите и Троице гласит:

В субстанции пирита — Бог-Отец

В кристаллической форме пиритоэдра — Бог-Сын

В блеске кристалла пирита — Бог-Дух»

(Зойферт Г. Михаил и железо // Антропософия в современном мире. 2002. № 4 (Сентябрь). Доступно на сайте: www.anthroposophy.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=219).

См. описанное в «Записках чудака» отношение к Камню основания как к мистической святыне в период жизни Белого в Дорнахе: «Полный священного трепета, я <...> углублялся в подземный этаж: к тому месту, где высился гранный массив над заложенным камнем. — „Grundstein’om“. Его — целовал я; и кто-то, поднявшись над миром развеянных мыслей моих, точно Купол, — глядел в мое сердце: как я, преклоненный, прикладывал губы к Grundstein’y; я видел Его отраженье во мне <...>» (ЗЧ. С. 325).

<Дорнах. Между 29 и 31 декабря 1915 г.
Между Рождеством и Новым годом>¹.

Наташа, родная, такие странные ассоциации мыслей (много и другого, о чем молчу) позволяют подчас мне, как звездочету, предугадать многое в неровностях стиля Твоего отношения ко мне, и если много сбывается по моему предугадыванию (я же вычислил *argiori* в день нашей ссоры: Будут хмурые взгляды на меня!), то я говорю себе: «Господи, да я знаю ее больше, чем она думает: и знаю ее в таком, о чем она ни-ни-ни, никогда, низачто» (Милая, ясная деточка!). Позволь же мне именно в многом Твоем («Я думаю, что он думает, что я думаю») просто взять Тебя на руки, как берет старший брат капризную маленькую сестренку; я так много перенес, как Лир потерял не раз Корделию², свою почти... дочь, я гляжу из над-временного: «Наташа, не гони меня от себя из-за несуществующих между нами сложностей, но протекающих только внутри Тебя; перенесение их из Тебя в между нами производит перпетуум мобиле³ вроде следующего рассуждения: «Критянин сказал: все Критяне лгуны; но сказал Критянин, т. е. лгун: стало быть: сказал он ложь; и критяне не лгуны; стало быть: критянин сказал правду, что критя-

не — лгуны, и т. д.»⁴. Многое из того, что есть импульс поднимающихся в тебе сложностей, отчего тебе не просто быть со мной: есть ход мыслей и переживаний о том, что [зач.: трудное в Тебе —] кажущееся тебе трудным в тебе есть да и трудное между нами; Ты думаешь, что нам с тобой трудно, но это — трудность твоей мысли о несуществующей трудности; я отвечаю: «Трудностей между нами нет». Трудности в предположениях и предпосылках, которые я, как мне кажется, пронизаю; и я вдвойне опечален, ибо вижу, что хорошее между нами при всей моей все-ясности, все-радости, все-терпимости к твоим милым, детским, ясным, хорошим запутанностям в ходе мыслей не может же лечь между нами; ибо в то время, как я от силы любви к Тебе всю, всю хочу Тебя взять на руки и даже, как дочь, нести через все ручьи и quasi-затруднения, Ты — «думаешь, что я думаю, что ты думаешь, что я думаю»...

Милая, прекрасная, детски ясная, сестрица, милая, — смотри Ты проще на меня, веселее; клянусь же: «Нет ничего, что может стоять, как мешающее доброму между нами: ни-че-го... Есть одно зло, меня убивающее: предрешенность Твоих мнений о несуществующих трудностях; если бы они пали, все было бы солнечным».

Но Ты о них никому, низачто, никогда: и от этого, от твоих Gehirn-Gedanken⁵ рушатся редкие отношения между нами. Милая, ясная: да пожалей же Ты меня; из-за глупостей не обрекай меня на незаслуженную боль удаления.

Теперь уже мне не до разговоров, тем и тому подобному, даже не до «свободного воздуха», а зады-

хающемуся и обреченному задыхаться впредь нужна или скорая смерть, или... подушка с кислородом; мое в корне христианское, доброе, братское (такого отношения к себе Ты вряд ли когда-нибудь в ком-нибудь встретишь) Твоими тактиками подвергается избиению, как младенец: но лежачего не бьют, а мое к тебе (да и я весь) после ужасного разговора (не разговора, а собственно говоря насилия над небывшим разговором) — лежачее: Ты тактикой<, > предложением не видаться «бьешь лежачее, детское, простое мое к Тебе, лишаешь праздника, вырываешь из ног самую землю под ногами (Дорнах), изгоняешь из Vau⁶, смещаешь с нужных занятий, обрываешь наш курс⁷, плодишь, конечно, будущие разговоры о нас окружающих, не веришь в слово Доктора, одеваешь меня в мигрени, одышку, заставляешь почти насильно ехать в Россию (опять-таки Ася предлагала мне на месяц уехать в горы, а денег-то нет⁸ собственно), и этим всем ничего не упраздняешь: это ведь, Наташа, было бы расправой; за мое доброе, хорошее к Тебе я подвергался бы вот чему: попытают, поколесуют, потом с переломанными костями бросят, доктора лечат сломанные органы тела и, подлечив, опять начинают пытаться; и все из-за *Gehirn-Gedanken*, живущих в Тебе: Милая, если у Тебя нет потенциалов меня простить, то я переношу это, как удар по больному простертному с ласкою перед тобою месту моей души, не иначе; не хочу переносить удара и говорю: пусть лучше это вовсе умрет (вопреки словам Доктора и «Христос Воскресе» на Рождество⁹), но это умрет, если Ты умрешь для меня на физическом плане; что про-

изойдет от этого для меня я не знаю, но что бы ни было, оно лучше.

Наташа, перед ответом мне (до Нового года) подумай, родная, милая, и знай, что ответ решающий: либо простое примирение, либо... смерть всего что ни есть между нами. И еще раз: лежачего не бьют.

Самое ужасное за эти 18 месяцев было то, что всякий раз, когда я пытался заговорить о том, что мне нужно было высказать Тебе и что сняло бы разные затруднения между нами — Ты, точно чувствуя, что вот приближается точка начала реальных, конкретных и единственно допустимых слов между нами (по моему разумению) — Ты с какою-то инстинктивно злой волею вводила весь разговор в совершенно другое русло, заграждая мне уста к моим словам и извлекая из меня глухие путанные, фальшиво неверные речи, которые я бессознательно вел из угоды к твоей противящейся воле меня внятно услышать¹⁰. Так и последний наш разговор: первая моя мысль [зач.: фраза] была желанием Тебя обласкать, согреть теми серьезными словами, которые поднимались из глубины выстрадаанных бессонниц и долгих, многих ночей: слова серьезные, отрезающие от всяких quasi слов, а Ты, как бы заграждая уста, спросила очень сухо и даже почти зло: итак<, > за что¹¹ же я на Тебя нападаю, что вывело меня из равновесия, ибо до возмутительности не соответствовало действительности; так Ты почти изнасиловала все наши редкие разговоры с почти сознательным упорством меняя русло моих слов и незаметно уводя меня от продуманного¹² конкретного на тропы Твоих предпри-

шенных тем, что и углубило донельзя всю путаницу между нами; так запутало, что за [зач.: вместо] 18 месяцев медитаций и разговоров с Тобой о Тебе, когда я один, я не мог по Твоей злой воле ничего Тебе сказать. И вот, теперь круто решается и весь «сказ» между нами¹³.

Перед тем как писать, я подумал, открыл Евангелие; и открылся текст: —

— Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие «Божие»
(От Луки VI, 20).

Зная, как ответственно мне писать, как с письмом этим разрезается моя жизнь на две непохожие друг на друга картины, идя на ту и другую, т. е. прося Тебя простить меня (лежачего не бьют) [зач.: предлагая Тебе мою руку дружеских отношений], или предлагая Тебе разорвать навсегда, я себя, свое личное, упразднил («Да будет воля твоя»¹⁴); и открыл снова Евангелие; мне открылось: —

— «Итак,
будьте милосерды, как и отец ваш милосерд.
Не судите, и не будете судимы;
не осуждайте...»
(От Луки VI, 36—37).

И я в третий раз открыл Книгу: открылось: —

— «Что вы
так боязливы? Как
у вас нет веры?»
(Марк IV, 40).

Наташа, — из «нищаго духа», без страха, по-детски, без опасения, в руки Твои предавая тайну моей души, я Тебе говорю:

Люблю Тебя...

Видишь, у меня не головная боль, а светлая солнечная любовь, пронизывающая во мне все сверху донизу солнцем и светом, так что и я в этом чувстве солнечный, и Ты мне солнечная Наташа (у Тебя солнечные глаза); и — чего мне бояться, и что ж, если во мне или в наших отношениях есть противоречия, надо и их брать в солнце; и нечего нам избегать друг друга; а если это не так, если слова Евангелия мне лживы («Как у вас нет веры?»), то у меня не головная боль, а конечно же воспаление мозга, от которого или умирают, или выздоравливают идиотами (Помнишь твое главное восклицание на меня: «Если головная боль, то одно, если воспаление мозга — другое». Не головная боль во всяком случае, а брызги солнца в мозгу; и если за них я несу столько боли от Тебя, то стало быть они — от воспаления мозга; наша ссора теперь прямо бросает меня в воспаление мозга; заставляет думать, что Христовое, полное, жизненное чувство «к худу». Но текст Марка «Как у вас нет веры» заставляет меня взяться за перо.)

—

Пишу я от «нищаго духа», как бы «на духу», говоря сам с собой перед Богом, от такого простого простого, детски плачущего сердца; оно слабо бьется: «Христос воскрес» <—> вот как оно бьется. «Христос воскрес» на Рождество. Я хочу подслушать, что говорит мне «Христос воскрес»; и «Христос воскрес» рассказывает —

— моя любимая, милая, близкая, ненаглядная, моя «милаямилаямилая», солнечное существо, Наташа —

— Не сердись Ты, прости Ты, пойми Ты. Я же только всего, что... люблю, и за что же меня отлучать от себя («Как у вас нет веры», «будьте милосерды»...)? Моя милая, близкая, ненаглядная, мой ласточкин крик¹⁵ на закате, — не улетай от меня; сестра моя, милая, любимая, не покинь меня в смертельной опасности, не выгоняй из Дорнаха меня, может быть нас с Асей — улыбнись мне без тактики, приемов, «платформ» (человеческие отношения строятся не на уговорах, платформах, приемах, а от сердца к сердцу); и вот я протягиваюсь к Тебе всем простым моим существом, удивленным, с открытой душою: на то, что случилось между нами, что я полюбил Тебя, с доверием: прими то, что, как дитя, лежит в моем сердце; не прогони: возьми меня «с моим» таким, каким хочешь и можешь, с верою и дерзновением к себе, ко мне и к Тому, Кто Друг наш, Брат наш; мне же с Тобою по всякому легко; я люблю Тебя: оттого даже все противоречия Твои мне любы, и я могу быть с Тобой таким, каким Ты меня захочешь видеть<,> все отдаю Тебе, всю душу, все сердце, но... не Асю. Ася моя большая любовь (больше, чем Ты)¹⁶, Ты моя любовь: и что мне делать с двумя «любвьями» своими? Верую, что это мне от Бога; и не боюсь.

Неужели же у Тебя так будет мало веры в Бога, в Доктора, в Солнечность, в то хорошее, что не может быть без трудностей, что сверх сил, сверх разумения; будем же друг другу помогать, друг друга

перемогать, — разве не сестры, не братья мы; разве нет у нас веры в Христа?

Наташа, я изнемогаю, я болен только тем, что между нами лежало в сентябре — октябре — ноябре¹⁷, что опять стоит после несчастного вынужденного разговора с Тобой, на который был не способен; лишь это и «платформирования» меня совершенно сражают: 18 месяцев моей борьбы с собой не сказать Тебе, что я Тебя люблю, меня сделали больным: не добивай же меня, не подтолкни падающего¹⁸, протяни руку, умоляю Тебя; а если не можешь теперь вернуть себя Такой, какой была до несчастного разговора, то знай: я не могу здесь жить без Тебя; тогда воздух отравлен Тобою, Ты стоишь в воздухе; каждый кустик шелестит мне «Наташа», каждая дорожка напоминает мне или разговор с Тобою, или пережитое о Тебе; сам Вау есть рана мне, напоминающая, сам Доктор — напоминающее; я обречен опять на мигрени, бездельные лежания на постели; работать не могу, бежать некуда (мне бы уехать, как я предлагал Ал<ександру> Мих<айловичу> в августе, но он удержал и сказал «нам надо держаться вместе»¹⁹; на что же я остаюсь? На что остался?). Мы уже говорили с Асей, и она понимает, что в этом последнем случае лучше уехать в Россию, чем мне на месяцы опять (как в ноябре) впасть в трупное состояние духа и умирать (тогда и она упадет)²⁰; сил-то нет у меня, Наташа. Где же правда и где любовь? Если у Тебя нет веры; нет улыбки мне, нет понимания моей (солнечности ли, болезни ли?), то я говорю Тебе: уйди от меня навсегда, простимся навсегда (ибо что было здесь, то будет через 6 месяцев здесь, то будет в Мо-

скве, Киеве, Берлине, где бы мы ни встретились); если Ты не можешь принять факта радости любви моей о Тебе, любви к любви, если Ты гонишь и избиваешь младенческое во мне к Тебе (оно как бы говорит: Наташа <—> сестра, Наташа — Маруся^{*22} Наташа — друг, Наташа — красота²³, Наташа — клоунчик²⁴, Наташа — невеста, Наташа — брат, Наташа — товарищ, Наташа — любимая женщина; или все это в целостности, или то, или другое, каждое порознь, все вместе, как захочет Наташа), если Ты и такое гонишь, то, Милая, — чем скорее разойтись нам, тем лучше: «дары» моего отношения к Тебе во всех формах святы, и «обхождение» с тем, что я несу в себе как «благо» и «ценность», как «не мое во мне»²⁵, не требует²⁶ приемов; но тогда, чтобы мне не погибнуть, надо скорей, скорей задавить: прогнать голубя²⁷, повесить Голубя (изгнать Берлин и Дорнах)²⁸, как это делал во сне Метнер²⁹; тогда скорей — дай мне свободу встретить Новый Год; благодарю Тебя за все-все-все, за часы радости, которые Ты мне давала; я унесу все-все-все-, все светлы, все краски, никогда Тебя не забуду, всегда буду помнить, всегда любить, всегда благодарить; но... —

— встречаться нам нельзя будет уже никогда, никогда, ни здесь, ни в Москве, никогда... Единственное мое требование (не требование, а самосохранение, чтобы не уйти в хулиганство, отчаяние и чтобы не дойти до «Schale»³⁰), это Твой образ на физич<еском> плане устранить: считать Тебя умершей.

.....
* Наташа — «Соня Гамалей»²¹ (примеч. Андрея Белого).

Вот, что рассказывает мне мое «Христос воскрес» на Рождестве.

Может быть, последнее и надо сделать: между нами очень серьезно, слишком серьезно моя зависимость от игры Твоих решений, чтобы мне мочь ждать, когда Ты сможешь установить между нами объективно дружное общение; итак: или доверие друг к другу, или разрыв навсегда и вероятный наш отъезд отсюда³¹ (предварительно мы поговорим с Доктором, что сделать).

Наташа, в эти 2 дня я переговорил с Асей обо всем; в конце концов она понимает, что все решения, временные устраниения друг от друга в Дорнахе есть дотерзывания уже истерзанного моего сердца, по существу ненужное, ибо я не прошу у Тебя ничего, кроме внимания и ласковой помощи; не «культуры отношений» в Твоем понимании, а немного внимания, того внимания, которое у нас с Асей всегда было к Тебе, и которое было, разумеется, оттого, что предполагалось «мы должны нести тяготы друг друга»; что же касается неудачного последнего разговора, то... Наташа, мало сказать, что я извиняюсь (разве дело в извинении, культурности, разве и Твоя обида на меня не на почве желания просто отшвырнуть меня, на это я отвечаю — «так навсегда!»), мало сказать, что в отчаянии (я едва не сошел с ума); достаточно сказать, что Ася видела, как я волновался идя к Тебе на «елку»³², с какою любовью я говорил о Тебе весь день; но войдя к Тебе, я сразу понял, что Ты что-то замыслила против меня, и оттого-то хотела убежать от разговора; считаю, что разговор наш почти что Твое злое жела-

ние оборвать быстро все между нами; «Это» стояло в воздухе, «отсюда» же резкие ноты моих почти насильно вынужденных не тех слов, какие я нес с собой. Я шел пошутить с Тобой, почти что порезвиться, но, увидев Тебя, понял все; понял и то, что «это все» у Тебя ко мне возникло вдруг (от сна ли Твоего, от нашего ли вечера накануне, не знаю), что я тут без вины виноватый (нельзя же на реальных людей переносить свои сны), но, конечно, это минутное чувство досады сейчас же бы погасло, если бы предательски не сложилось все дальнейшее (уход Аси, Ал. Мих.³³ и мой вынужденный Тобою разговор); не нападать на Тебя я шел, а повеселиться на елке (мне так хотелось повеселиться!).

Само собою разумеется, что прошу меня извинить.

Но дело не в этом, а в чем-то другом, в Тебе; и на это я говорю: Наташа, несправедливо меня зарезывать; а недели бессмысленных мучений, на которые Ты меня обрекаешь, Ася знает, — зарезывание меня; на это я отвечаю: я уеду, но, если Ты не можешь нести наших отношений (они же — солнечные), они будут непереносны и впредь. Наташа, в эти серьезные дни взвесь: расстаемся ли мы навсегда, или будем в мире («на земле мир и в человеках благоволение»)³⁴ нести тяжести друг друга, и что бы ни было, оно будет светлым, если мы при всем и во всем будем стоять перед другом другом «von Herz zu Herz»³⁵.

Наташа, Доктор знает о моем чувстве к Тебе³⁶ и не хочет нашего разрыва, но я отказываюсь меся-

цами жить под знаком изменения Твоих отношений к себе, ибо в этом ожидании (вообще при факте нашего удаления) я не могу дышать, работать, а мне надо работать, чтобы мочь что-либо заработать в будущем; Доктор [зач.: же стоит] за то, чтобы мы дружили <...>³⁷ но я, идя на разрыв наш навсегда, скажу Доктору, почему я не могу нести тяжести жизни в Дорнахе и... почему я вынужден вырвать Тебя навсегда из души: с Тобой разорвать <...>³⁸; так бросать это нельзя: мы или друзья, или — никто.

Наташа, до нового года освободи же меня от тяжести, и скажи, что возвращаешь мне расположение; иначе, чтобы не разболеться, я вынужден спасения ради моего (бесцельно же так праздно гибнуть!) вырвать Тебя из сердца!..

Дай мне спокойной, уверенной встречи нового года: и то, и другое — правда; то, что сейчас между нами, есть ложь: черт!³⁹

Я окончу письмо к Тебе сном: я видел сон в день нашей ссоры накануне, что я, Ася, Ты, — мы сидим вместе; я расслышал светлое пение и хотел рассказать о нем — Тебе, но Ты оборвала меня; я — откинулся, ушел в себя, в одиночество; и в одиночестве была огромная опасность (я пришел наяву к Тебе с душевной песней к Тебе, но Ты меня оборвала; я теперь в одиночестве, в страшной опасности); я стал тогда шептать с невероятным усилием: «Христос воскрес» (во сне); и — проснулся; Наташа, «Христос воскрес» на Рождестве (о нем сказал Доктор).

Наташа, Христос воскрес же!

—

Я плакал во сне
Мне снилось, меня ты забыла⁴⁰.

—

Наташа, я плачу: сон ли это, или явь?

Если плачь мой явь, то все-все, что будет между нами, будет плачем; тогда — прощай Навсегда. Если сон, то «Христос воскресе», милая, родная, близкая, радостная...

Платформирую для четкости это детское, «нищее духом» письмо:

1) Не видаться с Тобой мне нельзя (я уезжаю)

2) Хочу, могу по-всякому дружить с Тобой, готов нести Тебя всякой

3) Если ты не согласна, то для общего спокойствия («здравый смысл» и логика «мира сего» велит это — я навсегда расстанусь с Тобой: говорю это торжественно: перед Асей, Богом и Доктором.

В Твоих руках все.

Еще странное совпадение... В разговоре Ал. Мих.⁴¹ со мной, который я несу и блюду, как то редкое и ценное, что принимаешь с благодарностью, что облегчает жить, ибо показывает доверие (von Herz zu Herz), произошло нечто такое: я не помню, к чему относилось слово «Мышь», употребленное Ал. Михайловичем, но звук слова вызывает ассоциации, независимые от разговора. Слово «мышь» мне связалось с тем, что как «мышь» пробегало и ломало не мне Тебя, а Тебе — Тебя же, и от этого Тебе меня, т. е., относясь не так к себе, Ты свое не так к себе отношение проэцировала на меня и «думала, что Ты думаешь, что я думаю, что Ты думаешь

и т. д.» Начиналось в Тебе суетливо-неровное к себе, которое Ты относила к неровному «между нами». При звуке слова «мышь», я подумал: «Несуществующее недоразумение, ведущее к недоразумениям между нами: его и нет вовсе». Это я подумал на свои ассоциации... Теперь: на представлении мистерий черт сделал жест, как будто схватил мышь⁴², и я совершенно безотчетно воскликнул, повернувшись к Ал. Михайловичу, «Мышь»... Звук слова «мышь» вызвал post factum звук слова «мышь» из разговора с Ал. Михайловичем (не помню, о чем было это случайное слово), а это воспоминание вызвало ассоциации о том, что —> Наташа, относясь к своему отношению к себе не так, думает, что это ее не так к себе есть не так между нами; не так не между, а внутри ее и порождает в ней ассоциации «думаешь, что я думаю, что ты думаешь» и т. д., т. е. суетливое отношение к себе вместо детски простого. Все это пробежало во мне, и я подумал: «Мышь», — никакой мыши и нет, а Наташа, пожалуй, опять подумает, что пробежала мышь между нами; но это оттого, что к прекрасному многому, детскому и простому в себе она относится так, как будто бы [зач.: в ней было]... словом: «spentiosieren»⁴³ о себе самое.

И подумал: оттого она и боится мышей, что в ней живет «мышья» суетня⁴⁴ абстрактных и неверных мыслей о себе самой; она гораздо прекрасней, чем она думает о себе. И вокруг затревожился, что какое-то трудное к себе самоё вызовет у нее реакцию. Реакция эта будет перенесена на меня; и мне достанется (и досталось на другой день); я нарочно после представления подчеркнуто как-то в душе прила-

скался к Тебе под Доктором (помнишь мы говорили, а Доктор стоял и смотрел: я как бы говорил Доктору в это время: какая она милая, прекрасная, мне родная, ясная, простая, хорошая, во всех, всех проявлениях родная мне, чтобы заговорить в Тебе Твое: «Я — сложная». Не сложная Ты, а вся — милая...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо не датировано. Время написания определяется по упоминанию о постановке Рождественских мистерий (26 декабря 1915 г.) и просьбе к Наташе ответить «до Нового года».
- ² Отсылка к сюжету трагедии Шекспира «Король Лир».
- ³ Вечный двигатель (*лат.*).
- ⁴ Так называемый парадокс о лжеце, приписываемый древнегреческому философу Евбулиду (4 в. до н. э.) или поэту Эпимениду (7—6 вв. до н. э.).
- ⁵ Gehirn (*нем.*) — мозг; Gedanken (*нем.*) — мысли. Здесь, видимо, мозговые мысли, умозрительные мысли.
- ⁶ Johannesbau (*нем.*) — Иоанново здание, так первоначально (по имени героя драм-мистерий Штейнера) называли Гетеанум, антропософский центр, возводимый по проекту и под руководством Р. Штейнера в Дорнахе.
- ⁷ Имеется в виду прочитанный Белым в Дорнахе (с декабря 1915 г. по февраль 1916 г.) курс лекций для русских слушателей «Кант и Штейнер в свете современных теоретико-познавательных проблем» — по четыре лекции каждый месяц; Белый называет этот курс в «Ракурсе к дневнику» «Штейнер и Кант» (РД, С. 423—424).
- ⁸ О своем бедственном финансовом положении Белый писал в конце 1915 г. матери: «<...> мы — без гроша доживаем

последние деньги; что делать, не знаю: милая мамочка, помоги временно нам; <...> милая, милая мамочка: помоги — родная, голубка; выручи нас и скорее пришли 300 рублей; помни: мы уже без денег, когда Ты получишь это письмо: я Тебе возвращу (я и пишу новый роман, и продаю собрание сочинений); за романы мне платят хорошо. Еще раз прости: Христос с Тобой, целую, Боря» («Люблю Тебя нежно...»). С. 220—221).

- ⁹ Эти слова традиционно связываются не с Рождеством, а с Пасхой. С 26 декабря 1915 г. до середины января 1916 г. Штейнер читал в Дорнахе курс «Духовное единение человечества через импульс Христа» («Die geistige Vereinigung der Menschheit durch den Christus-Impuls» — 26—28, 31 декабря, 1—7 января. GA 165), в котором рассматривалась рождественская тематика. В «Ракурсе к дневнику» в числе прослушанных выступлений Штейнера указываются «Рождественская лекция» и «лекции о рождественских мистериях» (РД, С. 422), которыми названный курс открывался (26, 27, 28 декабря; см. примеч. 27 на с. 182). Однако ни в одной из них процитированных слов не обнаружено. Возможно, они не попали в те конспекты, по которым осуществлялась публикация штейнеровских выступлений. Однако в этих лекциях, особенно в лекции 28 декабря прослеживаются связи, ведущие от рождения Иисуса-ребенка к смерти и воскресению Христа.
- ¹⁰ Ср. запись в «Ракурсе к дневнику» за май 1914 г.: «Затруднения с Наташей» (РД, С. 412).
- ¹¹ У Белого: «на что» — видимо, описка.
- ¹² У Белого: «придуманного» — видимо, описка.
- ¹³ Далее — другим почерком; видимо, Белый продолжил письмо через некоторый временной интервал (см. далее в письме).

- ¹⁴ Из молитвы «Отче наш» (Мф. 6: 10; Лк. 11: 2).
- ¹⁵ Образ родственен образам из раннего творчества Белого, художественного и эпистолярного. Ср., напр., в «Симфонии (2-ой, драматической)» («Раздавался визг стрижей, и монашка бесцельно сгорала в закатном блеске...» — Белый А. Симфонии / Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. А. В. Лаврова. Л.: Худ. лит., 1991. С. 142, 193); в письме к А. А. Блоку за февраль 1905 г.: «Прилетят ласточки и зачертят острые косяки в голубом, завизжат о зоре. И сердце мое превращалось в летучую ласточку, взвизгнувшую зорей. И я не спал — улыбался, молился»; или от 22—24 июня 1905 г.: «Кротко, безболезненно покрываю пространства, завиваюсь вьюгой по зимам, завиваюсь вьюжным ласточкиным визгом в голубых пространствах» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С. 207, 224).
- ¹⁶ «больше, чем Ты» — вписано над строкой.
- ¹⁷ См. примеч. 3 на с. 133.
- ¹⁸ Обыгрываются слова Ф. Ницше из эссе «Так говорил Заратустра»: «Was fällt, das soll man auch noch stossen!» («Падающего — толкни!»).
- ¹⁹ Ср. запись в «Материале к биографии» за август 1915 г.: «В связи с судьбой и временем в эти дни встало решение: моя судьба — уехать; с Асей путь — кончен (странно, это чувство держалось лишь дней 10; потом его забыл); Наташа мне — мука; я уеду в Россию, оставив все <...>. В этом смысле у меня был разговор с Асей и с Поццо, очень серьезный, около замка Бирзек, над „Ваи“; но Поццо сказал: „Нет, Боря, — тебе уезжать нечего“. И значительно посмотрел: я принял этот взгляд: „Быть тебе с Наташей“. Понял одно: не ритм уехать теперь, но когда события жизни сами поведут в Россию» (МБ. С. 258).

- ²⁰ «(тогда и она упадет)» — вписано над строкой.
- ²¹ Софья Александровна Гамалея (в замужестве Сенявина; ум. 1942), дочь близкой подруги матери Белого А. Д. Бугаевой Екатерины Ивановны Черновой (урожд. Сорохтина) от первого брака (с Александром Николаевичем Гамалеем; 1854 — до 1901). О характере своих чувств к ней Белый писал в «Материале к биографии» в записи за ноябрь—декабрь 1888 г.: «Бурная, но кратковременная влюбленность в девочку, Софью Гамалей (первые поцелуи с ней)» (МБ. С. 34). Думается, что воспоминания о ней также легли в основу образа Сони Дадарченко из романа «Котик Летаев».
- ²² Возможно, имеется в виду Маруся Стороженко (Мария Николаевна Стороженко, в замужестве Митрофанова; род. 1881), дочь профессора Н. И. Стороженко, друга семьи Бугаевых, первая «влюбленность» Белого. Увлечение ею относится к 1885 г., к четырехлетнему возрасту: «<...> мне было прислугою внушено, что Маруся Стороженко — моя невеста; я поверил этому: и убедил себя, что в Марусю влюблен <...>; в ответ на мое заявление о том, что я Марусин жених, Маруся ответила мне, что жених ее не я, а Лея Сизов (сын В. И. Сизова, заведующего Историческим музеем). Тем дело и ограничилось» (Белый А. На рубеже двух столетий. С. 216—217). В «Котике Летаеве» она выведена под именем Сони Дадарченко: «Все, что было, что есть и что будет: теперь между нами <...> Соня Дадарченко есть: ничего больше нет» (Белый А. Котик Летаев // Белый А. Собрание сочинений: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Под ред. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1997. С. 123 — далее КЛ).
- ²³ «Наташа — красота» — вписано над строкой.
- ²⁴ В романе «Котик Летаев» — детская игрушка героя, подарок возлюбленной («Клоуна подарила мне Соня Дадарченко — девочка с длинными волосами и какая-то вся, как

мое пунцовое платье, о которое мне приятно тереться, которое хочется мять <...>») и символ влюбленности как таковой:

«Я помню все: тот миг красноречивый,

Которым вы свою любовь открыли...

<...> меня брали к Дадарченкам; и вернулся я с маленьким, крашеным, деревянно пахнущим клоуном <...>. Он без слов на меня посмотрел; и без слов мне сказал:

— „Вспомни же!“

Мама пела: —

— Я помню все: тот миг красноречивый...

Красноречивый мой клоунчик; и — певучий мамочкин голос — все вспыхнуло мне ярко-красным: мне милым, мне древним; и что-то затеплилось в груди, сжимая мне грудь: — Он пришел — ко мне: Меня взять, меня взять —

— и увести за собой:

— „Не забудь!..“

— „И возьми!..“

— „В свою красную комнату!..“

Красноречие течет к нам оттуда!

.....

Которым вы свою любовь открыли...

<...> клоунчик, все зовет: — «За ним — все, все, все!»

И — ослепительна будущность: моей любви... — я не знаю к чему: ни к чему, ни к кому: —

— Любовь к Любви!» (КЛ. С. 121 и далее).

²⁵ Возможно, отсылка к словам апостола Павла: «<...> уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2: 20).

²⁶ У Белого: «не требуют» (множественное число согласовано с «дарами»).

²⁷ Ср. в статье Белого «Круговое движение (Сорок две арабески)»: «По прочтении Заратустры мы должны проклясть

Заратустру, или стать дерзновеннее самого Заратустры, чтобы тучею голубей из грядущего низлететь к нему в грудь. Мы же Голубя гоним» (Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 71 — Арабеска 37).

²⁸ «(изгнать Берлин и Дорнах)» — вписано над строкой. Под «Берлином» может иметься в виду место, значимое не только для антропософской биографии Белого в целом, но прежде всего для истории его отношений с Наташей, которые, если верить «Материалу к биографии», начались в Берлине в декабре 1913 г.: «<...> я усиленно подготавливаю д-ру отчет о медитациях <...>; целыми днями раскрашиваю я образы, мной зарисованные (символы моих духовных узваний); два-три рисунка я показываю Наташе однажды: увидев их, она воскликнула: „Аа!.. Боря, — не показывай: спрячь это!“ Я увидел, что она чем-то потрясена во мне, точно она меня впервые увидела; я понял, что она поняла, что рисунки архангелов не рисунки, а копии с духовно узренного; и я тотчас понял, что она поняла, что я понял... С того времени странные отношения устанавливаются между мной и Наташей; мне начинает казаться, что она как бы духовно следит за мной, подглядывает; и начинает понимать во мне то, чего Ася не видит <...>. Я без слов перекликаюсь с Наташей; порой встречаю ее недоумевающий взгляд; то она нежно подходит ко мне с оттенком удивления и восторга перед миром Духа, мне открывающимся; то она как бы начинает бороться со мною» (МБ. С. 143). Ср. также запись за 1913 г. в «Ракурсе к дневнику»: «Декабрь. Берлин. Странные отношения: <...> с Поццо, с Наташей, <...> ощущение отхода от Аси; борьба с собой» (РД. С. 407).

²⁹ Очевидно, упомянутый сон был обыгран в процитированной выше «арабеске» из статьи «Круговое движение».

См. об этом в письме Э. К. Метнера Белому от 17—20 ноября (30 ноября — 3 декабря) 1912 г.: «Арабеска XXXVII со- держит точку на i: „мы же голубя гоним“ <...>; гонение го- лубя — мой сон, который я неосторожно рассказал <...>». В «Круговом движении» Метнер усмотрел множество обидных выпадов Белого, в числе которых и критическая интерпретация его сна: «Не увидеть в Арабесках личных намеков, значит быть слепым! <...> Мой сон о Голубе, ры- цари, защищающие бюсты <...> и т. п., все это по моему ад- ресу. <...> Я на Вас вовсе не в обиде, но отрицать направле- ние Вашего жеста на определенных лиц — смешно» (Ан- дрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902—1915: В 2 т. / Подгот. текста, коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т. В. Павловой. М., 2017. Т. 2. С. 405, 411 и примеч. — далее: *Белый — Метнер*).

³⁰ Schale (*нем.*) — оболочка, скорлупа. Ср. в книге Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности»: «На публичных лекциях посетители лекций от д-ра Штей- нера слышали многократно:

Natur bat weder Kern, noch Schale...
Dich prufe du nur aller meiet,
Ob du Kern, oder Schale sciet»

(Белый А. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоз- зрении современности. Воспоминания о Штейнере / Сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. М., 2000. С. 231).

Белый вслед за Штейнером цитирует последние стро- ки стихотворения Гете, напечатанные им в конце заметки «Дружеский призыв» (1820):

Нет у природы ни ядра,
Ни скорлупы; она — все вместе.

В свое взглядишь внимательно нутро:
Ты скорлупа или ядро?

(пер. О. Б. Румера; цит. по: *Гете И. В. Научные сочинения: В 3 т. С приложением биографического и философского вве- дения Р. Штейнера / Сост., ред. и примеч. С. В. Казачкова. Т. 1. М., 2014. С. 141 и примеч. С. 562*). На этот источник обра- за указано в кн.: *Andrej Belyj. Dornacher Briefe Natascha Pozzo: 1913 bis 1917. Dornach: Verlag am Goetheanum, 2019. S. 129.*

- ³¹ Белый уехал в Россию в августе 1916 г. без Аси Тургеневой (она осталась в Дорнахе) в связи с призывом на воинскую службу.
- ³² В немецких семьях елка обычно ставилась днем или вече- ром 24 декабря.
- ³³ А. М. Поццо.
- ³⁴ Лк. 2: 14. Весть ангелов о рождении в Вифлееме Иисуса Хри- ста.
- ³⁵ von Herz zu Herz (*нем.*) — от сердца к сердцу.
- ³⁶ Ср. запись Белого в «Свиданиях с Доктором» за декабрь 1915 г.: «Мой разговор с д<окто>ром о Наташе. Дорнах» (Бе- лый А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. С. 759).
- ³⁷ Три строки густо зачеркнуты.
- ³⁸ Две с половиной строки густо зачеркнуты.
- ³⁹ Возможно, этот образ был навеян Белому Штейнером-ре- жиссером, показывавшим в декабре 1915 г., как надо иг- рать черта в народных мистериях, где «черт уже не похо- дил на „чертика“ <...>: был настоящим чертом» (ВШ. С. 460; см. и примеч. 0042 ниже), а также в эвритмической поста- новке «Фауста» Гете: «<...> Мефистофель <...> вышел у док- тора жутко-ужасным: черт превращается перед ангелами

в старика-рамоли, гнусно сюсюкающего ангелам слова, полные жалкой влюбленности; это был не доктор; это был — сам „черт“» (ВШ. С. 461).

⁴⁰ Строки восходят к стихотворению А. А. Фета «Я плакал во сне. Мне приснилось...» (1847; перевод стихотворения Г. Гейне «Ich hab' im Traum' geweinet...»):

Я плакал во сне. Мне приснилось,
Что друг мой во гробе лежит, —
И я проснулся, — и долго
Катилися слезы с ланит.

Я плакал во сне. Мне приснилось,
Что ты расстаешься со мной, —
И я проснулся, — и долго
Катилися слезы рекой.

Я плакал во сне. Мне приснилось,
Что ты меня любишь опять, —
И я проснулся, — и долго
Не в силах я слез был унять.

Эти же строки Белый цитирует в романе «Записки чудака» (ЗЧ. С. 489) применительно к Асей Тургеневой, являющейся прототипом главной героини Нелли, и — трижды — в романе «Котик Летаев», над которым тогда работал:

«<...> (явь ушла в полусон: в полусон вошла сказка)

— стародавний король просит верного лебеда по волнам, по морям плыть за дочкой в страну незабудок (когда это было?) —

— лампа — лебедь; с лебедем улетаю и я: —

— в волны; несемся по воздуху в голос: забытый и древний: —

Я плакал во сне...

Мне снилось: меня ты забыла.

Проснулся... И долго, и горько

Я плакал потом...

(Это — кто-то: поет из гостиной...)

Полусон мешается мне со сказкой, а в сказку вливается голос: —

— мы

— в воздухе: на лебединых, распластанных крыльях, где на протянутых струнах воздуха разыгрались арфисты и где лебединые перья, как пальцы, сиянием проходят по ним; лебеди переливаются по лазурям, а из лазурей —

— (беззвучно, как прежде, уже киваешь мне ты: тебя не было; плакал я без тебя; все забывши я плакал; ты вернулась ко мне — лебединая королева моя) —

Я плакал во сне.

Мне снилось: ты любишь, как прежде.

Проснулся, а слезы все льются...

И я не могу их унять... —

Несемся: все вместе» (КЛ. С. 66—67; также С. 146).

⁴¹ А. М. Поццо.

⁴² Речь идет о постановке «старинных мистерий» (РД. С. 422), состоявшейся 26 декабря 1915 г. Спектаклю предшествовала речь Штейнера «К представлению двух рождественских игр, пфальцской игры о пастухах и игры о трех королях из Оберуфера под Пресбургом» (nach einer Aufführung zweier Weihnachtspiele, eines pfälzischen Hirtenspieles und eines Dreikönigspieles aus Oberufer bei Preßburg. См. в кн.:

Steiner R. Ansprachen zu den Weihnachtspielen aus altem Volkstum (Вступительные речи к Рождественским играм из старинного фольклора). GA 274. Dornach/Schweiz, 1986. S. 14—23. Ирод и черт действовали в рождественской постановке «о трех королях» (магах). Белый впоследствии характеризовал ее как «страшную» (ВШ. С. 501).

⁴³ Правильно: spintisieren (нем.) — фантазировать, мудрствовать.

⁴⁴ Ср. у А. С. Пушкина в «Стихах, сочиненных во время бессонницы» (1830): «Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня?».

4

Н. А. ТУРГЕНЕВА — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<ДОРНАХ. 1 января 1916 г.>¹

Милый Боря, ты верно примешь это письмо тоже как продуманность и рассудочность, но ты хотел подойти ко мне вплотную, увидеть меня ты должен такую, какая я есть, я не стану применяться [sic!], стараться говорить твоим языком, буду вполне естественна и правдива. Если ты скажешь на это, что я говорю от «малого разума»² и что я не такая, а совсем другая, какую тебе хочется меня видеть, то значит ты и теперь меня не увидишь, если же поверишь и увидишь, то поймешь, как несоответственно ты себе меня представлял.

Я считаю, что ссоры между нами нет и охотно забываю то резкое, что тогда было сказано. Но вот что остается: нам стало трудно простое естественное общение, как ни в чем не бывало быть мы сейчас не можем, хотя и старались, последний разговор показал это, как и предыдущие (ваша ёлка и другие), но положение не такое вовсе, чтобы нам нельзя было и встретиться и приходилось бы бегать друг от друга, как чумным. Если тебе нужен разговор со мной, он конечно может быть, но он возможен, только если смотреть на него совершенно sachlich³ — чтоб выяснить, чтоб понять, чтоб договориться, а не чтоб

пережить, узнать, помолчать, понять без слов. У меня нет предрешенности, п<отому> ч<то> я не вижу нужды в решениях, не вижу им места. У меня есть некоторая продуманность, что и тебе от души желаю. Положение мне кажется ясным, если бы ты взялся за продумание и не доверялся наитию в таком личном деле, то поступил бы много правильнее.

У тебя две полноты, два солнца. Как может это быть, если ты смотрел бы действительно из «надвременного» и надзвездного, то каждый человек был бы солнцем, тут не было бы трудности и влюбленности, их не было бы и в том случае, если бы ты на такой высоте, по ограниченности зрения, мог бы разглядеть их только два.

Все может тебе ясно доказать, что ты в ней не находишься [sic!], и тебе надо не только признать это, но и с этим считаться, быть в этом скромным, а не творческим, иначе это то же, что легкомыслие материалистов, о кот<ором> вчера говорил Д<октор>⁴.

Милый Боря, ты передо мной действительно безоружен — на столе лежит твое письмо, ты думаешь о христианстве, но если бы оно (письмо) вошло в жизнь, то это было бы магометанством⁵ с некоторой чуждой ему окраской; на эту тему писать больше не буду, жестокой быть не хочу, суд предоставляю тебе самому. Положение теперь более благоприятное, чем раньше, если ты не хотел думать о чувствах или думать о них неправильно, то теперь накопился целый материал проявлений, в котором вполне можно разобраться.

Ты пишешь «готов нести тебя всякой, хочу, могу по-всякому дружить с тобой»⁶. Так вот какая я:

у меня есть Саша, Вау, Маша⁷ и целая своя жизнь, нести меня ты можешь только некоторую часть, и если мне приходится тратить на тебя силы — то я могу это делать в ограниченных размерах; если бы ты это помнил, это бы значило, что ты меня не-сешь, а то выходит больше похоже, что я тебя несу. Дружить с тобой сейчас мне все равно, что сидеть «естественно» перед фотографическим аппаратом, я продолжаю с тобой дружить, когда мы не видимся, видеться же я хотела бы только sachlich или на людях, помочь общением я тебе не могу; наоборот, помочь тебе можешь только ты сам. Чтобы отношения наши стали снова естественны и ясны, тебе надо действительно, а не на словах только справиться со своей влюбленностью, это можешь только ты сам сделать, упорная работа во времени, конечно, достигнет этого; механически кладя между нами пространство, я согласна с тобой, прочного ничего не достигнешь. Мое доверие к твоему мужеству, чувству долга и силе и обращение мое к ним <—> единственная помощь, которую я могу тебе оказать.

С надеждой и доверием желаю тебе нового года.

Наташа

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ответ на письма Белого № 2 и № 3. Датируется предположительно, на основании упоминания о прослушанной «вчера» лекции Штейнера, в которой говорилось о «легкомыслии материалистов». См. примеч. 4 на с. 164. Письмо вложено в конверт без почтовых штампов с надписью «Herri

Bugaief» и, видимо, было передано с посылным или оставлено где-то для адресата. Возвращено Белым Н. А. Тургеневой (см. об этом в письме № 5), поэтому сохранилось в ее архиве. В письме много ошибок, практически отсутствуют знаки препинания; орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

² Цитата из письма Белого № 2.

³ Sachlich (нем.) — объективно, по существу.

⁴ Речь идет о курсе «Духовное единение человечества через Импульс Христа» (Steiner R. Die geistige Vereinigung der Menschheit durch den Christus-Impuls. GA 165. Dornach/Schweiz, 1981). О поверхностном взгляде материалистов на мир Штейнер говорил в лекции 31 декабря 1915 г. (S. 91 и далее). См. напр.: «Воистину, мы тогда видим мир в правильном свете, когда мы то, что нас окружает, постигаем не только в том виде, в котором оно представляется нашим чувствам, как это понимает материалистический дух, но когда мы то, что нас окружает во внешнем мире чувств, рассматриваем как символ великих мировых тайн» (S. 97).

⁵ Прозрачный намек на то, что из построений Белого следует двоеженство.

⁶ Цитата из письма Белого № 3.

⁷ Мария Александровна Поццо (1911—1990), дочь Н. А. Тургеневой и А. М. Поццо (Саши); она была оставлена в России и жила с бабушкой — матерью сестер Тургеневых С. Н. Кампиони; потом переехала в Дорнах.

5

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

<Дорнах. Начало января 1916 г.>

Милая Наташа,

Спасибо Тебе за ясное, открытое письмо: оно, — начало устранения трудностей между нами. Если бы эти слова Твои мне были сказаны в октябре 1914 года, воскресенье (не помню какого числа)¹, когда я был у Вас (Алек. Мих.² не было): мы с Тобой вдвоем говорили; я стоял перед Тобой <...>³ и Ты рассказывала мне, что между всеми нами лягут трудности (я тогда гнал их от себя и нас, как потом шел на них)⁴, — если бы эти деловые слова Ты мне сказала, Ты бы тогда же сняла огромную часть трудностей, возникших впоследствии. Если бы Доктор на рисунки, вызванные Тобой, сказал, что они от лукавого⁵, трудностей было бы меньше. Если бы эти слова Ты сказала мне в июне 1915 года, когда я сказал Тебе «Наташа, мне с Тобой трудно», трудного между нами и не было бы⁶. Дело-то в том, что именно я с 1915 года шел к «Sachlichkeit»⁷ между нами, а Ты отходила в молчании, и я шел за Тобой «понять без слов» (Твои слова). И потому-то с такою радостью я приветствую Твои слова «если Тебе нужен разговор, он, конечно, может быть, но он возможен только если смотреть на него совершенно

sachlich⁸ — чтоб выяснить, чтоб понять, чтоб договориться».

Милая, Наташа, действительно, дай мне с Тобой большой деловой разговор и пойми: от любой части его мне снимается с меня бремя молчания многих месяцев; я должен Тебя о многом спросить, многое от Тебя услышать, и многое Тебе объяснить: ведь этот разговор у нас будет один-единственный за все 2 года и вероятно последний на эти темы, действительно снимающий все преднамеренности между нами, а они есть, ибо — 1) я кое в чем Тебя не понимаю, 2) Ты не видишь меня in concreto, ибо пишешь о наитии, христианстве, над-временности, и якобы моей святости, магометанстве и т. д., что все недо-разумения, как Ты увидишь; апеллирую к Асе, которая недавно сказала мне: «Ты во многом сам виноват, что в конкретном, и человеческом Тебя не видят...» Я сам виноват, но действительно я конкретен и личен с Тобой, а кажусь — «творчески интуитивным» что ли?

Вот чтобы этого не было, я хочу ясного открыто-честного, может быть, и мучительного, грубого в иных своих фазах разговора, мучительного, как мучительна благая операция, грубого — от полноты доверия к Тебе и предположения, что у Тебя найдется решение выслушать меня до конца, и во многом грубом, и это грубо-честное нужно (как, быть может, нужны были осенние Versammlungen⁹), чтобы «Die Athmosphäre zu verbessern»¹⁰...

Я глубоко верю, что Ты ясна, пряма и определенна в себе; верь: в себе я ясен, определенен и честен; я все продумал: и свое решение формулировал в ви-

де вопроса Доктору¹¹, на который он ответил мне в этом смысле, что понимает: мне в моем итоге продуманного нужна carte blanche; и вот частью этой carte blanche будут мои и вопросы к Тебе, и ответы Тебе. Но пойми: такой разговор может не раз спотыкаться, застопориваться; он может благополучно пройти и в час, но быть может и в... пять часов; важно, чтобы оба мы поняли, что многое сказано, что все, как на ладони, ясно: и Тебе во мне, и мне в Тебе.

Уж дай мне его царственно, не скупое (во временном отношении). Трудность, верю, не в Тебе, и верь, не во мне, а между нами от взаимно неверного понимания друг друга без слов.

Отнеси эти слова к методике нашего разговора: лучше всего, пусть будет он не в Дорнахском трудном воздухе, а вне Дорнаха; мне вне Дорнаха гораздо легче быть в себе, отчетливей говорить, правдивее чувствовать: атмосфера Дорнаха — атмосфера истерики; лучше всего — горы, хорошо и — Берн или Цюрих. Милая Наташа, подумай, от этого разговора зависит, или мне настаивать на своих формулах, или ехать в Россию, или согласиться на все Твои условия; чтобы согласиться на них, я должен же понять, на что я соглашаюсь, должен и объяснить Тебе, почему без ясного понимания Тебя и объяснения Тебе себя, согласиться на полу-виденья Тебя мне — разрушающая мое бытие жертва, Тебе даже ненужная, «an und für sich»¹² пустая т. е. уступка Ариману. Это же в общих туманных чертах я говорил Бауэру¹³, и он вполне со мной согласен.

Теперь несколько поправок к Твоему письму:

1) В твоём письме стоит везде ненужное слово «влюбленность»; Наташа: поправляю → я в Тебя не влюблен: я тебя люблю; а это две вещи разные.

2) Ты пишешь о двух солнцах: я пойман на слове: comparaison n'est pas raison¹⁴; нельзя ловить на аллегориях; в стиле шутки я могу и не то сказать; и когда Ася меня несколько раз ловила на этих словах, я должен был ей сказать: «Есть солнце, есть звезды, есть небо: есть Христос, есть Доктор, есть Валлер¹⁵, есть Ты: я всех Вас люблю; и так у меня не 2, а 4—5 солнц». Если же разумеешь под словом «я Тебя люблю», что разумеется в жизни, то я Тебе говорю «Я Тебя¹⁶ люблю». Не добивайте же меня: лежачего не бьют. Это же приблизительно я сказал и Асе <...>¹⁷

Но в принципе даже вопросы о двух солнцах не нужны, ибо мы с Асей не муж и жена, отношения у нас абсолютно братские без всякого оттенка... что ли... эротизма¹⁸; если бы Бауэр полюбил, неужели же ему бы ставили в вину, что он дружит и любит Frau Morgenstern?¹⁹ Объясняю это все Тебе, чтобы ненужные слова о магометанстве не вмешивались бы в Твои упреки мне. Где — магометанство? В моем конкретном человеческом чувстве к Тебе или в небесно-ангельских братски-сестринских отношениях с Асей? Объясню в разговоре с Тобою (если забуду, спроси), что в припирации меня к стене с двумя солнцами есть доля ненужной жесткости и ко мне, и к нашим отношениям с Асей.

3) Повторяю: «Лежачего не бьют», на «безоружного» не нападают с оружием: и твои слова «Ты предо мной безоружен» просто утверждение мо-

его «нищого духом»²⁰ письма; я же начинаю письмо с утверждения моей безоружности.

4) Ты подчеркиваешь слова мои «готов нести всякой»; это значит нести в сердце²¹: мне легко от полноты моего чувства к Тебе дать ход и свободе развития «братской ноте» и подавить в себе все жизненное к Тебе; и обратно: я теперь действительно таков, что у Тебя в руках: то, что будет между нами (видеться, не видеться, и т. <п.>) просто «Hilfsmittel»²² роста той или другой ноты: полу-общаться, признать «трудность», отступить от разговора и делового разбора для меня значит: отрезать себе систематически возможность обращаться к Твоему «Я», т. е. видеть в Тебе любимого друга, товарища, человека, сестру и наоборот: поставить себя в положение видеть в Тебе главным образом любимую женщину; обращаюсь к Твоей защите равноправности; неравноправно диктуя отношения, Ты выращиваешь в моем существе себя, как «женщину только женщину»; <...>²³ правдивого тона в письме мне.

5) Ты пишешь «Так вот я какая: у меня есть Саша, Вау, Маша и целая своя жизнь». А у меня, Наташа, нет ни Саши, ни Маши, ни Вау в Твоем смысле, т. е. нет жизни личной (в каком смысле я это пишу, спроси меня); и оттого-то, быть может, у меня «an und für sich»²⁴ более жажды к простой дружбе, а кроме Аси и Вас у меня здесь воистину никого нет: Ася кое в чем отошла от меня с Bergen'a²⁵ (ей кажется, что я отошел, но это не так), и потому в очень важном, глубоком и нужном, в чем отзыв я находил у Вас с Ал. Михайловичем²⁶, я с осени одинок.

Наташа: Ты и как Wirt²⁷ более богата, чем я: у меня действительно же так мало; а давание другим (т. е. творчество) как раз вызывает безудержную жажду общения, т. е. отданный огонь души холодит все существо и является (прости за романтизм) потребностью в дружбе (опять спроси меня: в чем in concreto моя жалоба на одиночество).

Ал. Мих., смеясь, мне сказал: «В мужчине сидит замаскировано Wirt, а в женщине — змея подколодная». И вот, смеясь, я парирую дружески эти слова и отвечаю рапирным выпадом: «Wirt и змея подколодная обусловлены друг другом: чем менее змеи подколодной, тем менее и Wirt». Что Ты с осени мне отдаешься в душе змеей подколодной и резонируешь там змеей подколодной, это я Тебе объясню в разговоре — в чем, почему; я, защищаясь, становлюсь похожим на Wirt'а («Ужасно мрачный человек я»²⁸); и вот растет майя²⁹ сложности: все время из под маски «ужасно мрачный человек я» я стараюсь дать Тебе понять, что по существу в ядре души к Тебе я ни Wirt, ни мрачный вздыхатель в альмавиве³⁰, а брат Твой, Боря, но... «змея подколодная» неуловимым оттенком нет-нет и покажет свое жало, т. е. я прихожу: сидит «Наташа»: я хочу с ней попросту поздороваться, но... «змея подколодная поворачивается на меня, делает вид, что перед ней пустое пространство и заворачивает носик»; бедный «Боря» бормочет что-то невнятное по-русски какой-то немке от растерянности, а «змея подколодная» морщит носик (ей смешно), и Боря, становясь во мгновение ока «мрачным вздыхателем в альмавиве», думает: «Мсть, мсть ей»; а потом «змея подко-

лодная», встретившись, как ни в чем не бывало, говорит «здравствуй, Боря»; и «замысливший мсть» видит не змею, а... «Наташу» до... нового оттенка... «змеи подколодной». Кроме сих препон, проистекающих из разительных контрастов превратной природы Твоей, нет никаких поводов к сложностям. Сумма же всех оттенков «змеи подколодной» создала из меня не только «Гишпанца», но даже стал я «Летков» из-под гущи усов напевающий:

«Наклонишь ты свою головку
И на меня поглядишь
Но знаю я...» и т. д.

И этот самый Летков — «роковой человек» (помнишь у меня из романа)³¹.

Наташа, в Твоей полной власти во мгновение ока меня превратить из Леткова в Борю. Этим и кончаю письмо.

Но в очень важном разговоре нашем должны Тебе вскрыться черты натуры Леткова, сега мрачного человека, укорявшего не раз змею подколодную; уж Ты прости его.

Это все к «методологии» разговора.
Любящий Тебя

Боря.

P. S. Еще раз спасибо за письмо. А все-таки: все, что между намиросло, по чину не Пушкина, а... Лермонтова. Недаром Ты давала мне читать Лермонтова. Ася на все между нами смотрит оком Пушкинской легкости и Heiterkeit³². Зачем... Лермонтов!..

(следующее вполне между нами: я вообще скоро замолчу перед всеми о Тебе (перед Асей и Ал<ександром> Мих<айловичем>) и буду о Тебе говорить лишь с Тобой и с собой)³³.

Р. Р. S. Уже 5 часов утра: а начав шутить, я не могу кончить: посмейся же и Ты над натурой Леткова; летом Летков потерял голову от того, что мрачная имажинация сего рокового человека разыгрались до того, что он вдруг нашел свою душу похожей на Фауста «Zwei Seele ach»³⁴ и т. д.; и доимажинировался до того, что у него, Фауста, [зач.: был] есть роман с Маргаритой³⁵; но когда он подумал, что вот Фауст уже прощается, что вся первая часть³⁶ уже прошла (а у Леткова не было первой части), то Летков схватил себя за голову от огорчения: «Уже прощаются и стало быть там, за прощением, все только himmlisch»³⁷: Летков почти плакал: Ну там, через несколько лет, пусть будет и прощение, а ... сейчас: за что же так рано прощать; и Летков, видя прощение, возлюбил всей душой грех; и переживал прощение как сущее наказание. Накануне первого представления³⁸ Летков воскликнул: «Пусть возьмет меня дьявол!»... Еще раньше, в апреле, Летков помрачнел, одел на голову малиновый берет³⁹ и стал заявлять Асе, что он сделает «индивидуальный поступок»⁴⁰ и все выбирал формы поступка (думал напиться или еще того хуже); и с ним случился ужасающий казус, над которым смеялась Ася и говорила, что «казус» — сущие пустяки и [зач.: я] Летков — дурак; Летков же — глубоко страдал, [зач.: и принес Тебе розовые цветочки⁴¹] признался Асе, что глупый казус — мечь «не-

кой персоны» за холодное обращение и за то, «что она персоне» уклоняется от «sachliche» разговора с Летковым, а предпочитает водиться и разговаривать с Метнером⁴². «Мечь» и глупое поведение тем не менее разыгралось ужасно незаслуженно больно (если хочешь, спроси: все расскажу); «она персоне» в то время разбила красное стекло⁴³; а «Летков» мрачно думал «пусть все разбивается»... Все же это было на почве недовольства и «Фауста» (на Пасхе)⁴⁴; ужасно бесполезны Леткову представления «Фауста». Он склонен переживать Фауста в обратном порядке: от Erklärung к Schale⁴⁵ и от II-ой части к первой⁴⁶. Наконец, это все Леткову надоело и он нашел исход [зач.: душе] в оркестре, где мрачной натуре его дан полный выход в звуках литавр, барабана и демоническом жужжании на бубне барабанными палками⁴⁷.

Р. Р. P. S. А вот это уже совсем к Тебе, и оно серьезно, как жизнь и смерть (вспомни одну из загадок Гете)⁴⁸; пишучи это, я вдруг становлюсь серьезен. Наташа, передаю Тебе вкратце содержание разговора о нас всех Аси с Доктором и М<арией> Яковлевной осенью (вернее, в присутствии М. Я.⁴⁹) — разговора, который был без моего ведома по личному почину Аси⁵⁰. И продумай этот разговор: он ни о чем, но вместе с тем об очень многом, если уметь вслушаться и поставить перед лицом факт 2-х летнего моего тяготения к Тебе. Ася сказала Доктору, что корень моих бунтов, трудностей и очень-очень многого в моем отношении к Тебе, в туманной невыясненности их мне (так Асе казалось осенью; она многого еще не понимала тогда⁵¹); Доктор страшно

насторожился и стал очень упорно расспрашивать ее, но Ася, не понимая и ½ моего чувства к Тебе, не могла толком ничего объяснить: выходило, что мы с Тобой чувствуем братское расположение друг к другу, кроме этого я в Тебя влюблен (так Асе казалось), кроме этого (этот разговор был в эпоху нашего расхождения с Тобой, когда, по непониманию Тебя, порой сильно роптал на Тебя), кроме того, как говорила Ася, у меня есть «schlechte<s> Gefühl für und gegen»⁵² (так говорила Ася по непониманию меня); Доктор спросил Асю, понимает ли она тут что-либо. Ася сказала, что — нет: Доктор, как передает Ася, вдруг ужасно обрадовался и сказал: «Ja, ja er ist ein sehr komplizierte<r> Mensch»⁵³, но при этом все время смеялся; потом сказал «Die Verheltnisse sind furchterlich komliziert, Ich weiss nicht was sagen»⁵⁴. Асю спросила М. Я., в дружбе ли Ася с Тобой: Ася сказала, что да и что ей хочется, чтобы мы с Тобой были бы больше вместе, что ужасно не понравилось тогда М. Я., как Асе показалось (и что я знал, ибо нота моего охлаждения к М. Я. есть предполагаемое мною полное непонимание меня в моем повороте на Тебя), но что понравилось Доктору, который сказал, что, по его мнению, надо, чтобы мы с Тобой были бы вместе, т. е. не расходились, что вообще не надо ничего пресекать и преднамеренно нарушать, а выжидать и дать свободу выявлению <тому>, что есть между мной и Тобою; вообще же нести сложности, но ввиду Асиной усталости от моей усталости меня временно удалить; тут Доктор смеясь сказал: «А согласилась бы Frau Pozzo с ним поехать на несколько дней, чтобы они вдвоем разобрались, что

между ними? Не отправить ли их вместе?», и со смехом прибавил: «или Вы думаете, что это опасно, а?» Ася сказала, что ничего не имеет <против>, но что Ты вероятно не согласишься; М. Я., как Асе показалось, опять это не понравилось⁵⁵, Доктору же понравилось... И было положено: меня отправить⁵⁶. (Это было уже после моего разговора с Тобой за Вау). Уезжая и напутствуемый нашим разговором за Вау⁵⁷, я знал, что из нас 3-х (Я, Ася, Ты) я более всех чую степень важности будущего, что разговор за Вау ничего изменить не может, ибо все есть, было и будет «fürchterlich kompliziert»⁵⁸, как сказал Д-р уже после нашего разговора, Ася чувствует более Тебя, а Ты в выявлении себя ко мне, в положении границ и т. д. более всех нас абстрактна: больше же всего в моем чувстве к Тебе я опираюсь на Доктора, ибо все, что идет от Него о Тебе для меня верно в ритме; Доктор сказал тогда Асе, что со мной надо тише, мягче, ласковей; после этого разговора, на другой день, мы ужинали у Доктора, и лейтмотив разговора был, что человек — вселенная, что отношения одного к другому суть как отношения вселенной к вселенной, до того сложны и до того смыслы слов невнятные и пусты⁵⁹. Оттого-то во всех Твоих решениях и ответах мне я буду руководиться стремлением понять до дна себя и Тебя логикой, чувством, чтобы не нарушить ненужно что-либо в себе осязаемое, как ценное (сейчас мне эта ценность Любовь: а каковы ее формы, в чем точка ее, в чем должна быть точка ее, вот тут-то мы sachlich и потолкуем, чтобы перенести в 1916 год итог нашего разговора и постараться Verbessern⁶⁰ невнятное). Под новый год я нале-

тел на Доктора (он шел на фортраг⁶¹) и спросил его: может ли человек быть решительным и смелым в своих выводах и поступках, зная, что вероятно они вызовут сложности для окружающих, может быть, и боль. Доктор мне ответил: «А знает ли человек, чего он хочет», я сказал: «Если он хочет правды и передает в руки Божии решение, то думаю, что знает». Доктор ответил: «Надо помедитировать и потом быть смелым: не бояться трудностей, нести их». Сказал очень серьезно. Теперь, Наташа, отвечаю и на последнюю фразу письма: «Мое доверие к Твоему мужеству, чувству долга и силе — единственная помощь, которую я могу Тебе оказать». «Под доверием, мужеством и чувством долга подписываюсь», но, проводя эти слова в жизнь, я должен наполнить их внятным содержанием; когда говорят долг, то понимают императив Канта в лучшем случае; а по Доктору долг индивидуален, конкретен и результат моральной фантазии⁶²; под словом конкретного, правдивого долга я подпишусь, но тем более мне причин сообразоваться с внутренней хранимой действительностью, что в формулировку долга входит у Тебя требование, чтобы я боролся с влюбленностью (мне и нечего бороться, ибо влюблен Летков, а Летков восстал из-за непонимания кое в чем меня Тебя [sic!]; я же, Боря (а не Летков), люблю Тебя, а с любовью бороться не стану, ибо это было бы против моего представления о конкретном долге; вообще я тогда внятно отвечу, когда Ты точно сформулируешь: в Твоей формуле долга стоит слово «влюбленность» (слово зыбкое, расплывчатое — не влюбленность ли «Песнь песней»,

не влюбленность ли — чувственное увлечение, не влюбленность ли sui generis⁶³ Antropo-Sophia⁶⁴ [sic!] и т. д.; есть гамма содержаний, покрытая звуком слова влюбленность); в Твоей формуле долга стоит звук слова влюбленность, а должен бы быть поставлен звук слова «лю-бо-вь»; в чем долг любви? Что есть любовь?⁶⁵ И в частности моя к Тебе, это и есть одна из тем нашего разговора, и от его поворота зависит самая формула моральной фантазии, т. е. той, что вместо слова долг (в формальном смысле) стоит в «Philosophie der Freiheit»⁶⁶. Что есть Freiheit, мы оба знаем. По поводу Твоих слов «положение мне кажется ясным, если бы ты взялся за продумывание, и не вверялся наитию в таком личном деле», — скажу, я с ними наполовину согласен: положение мне кажется ясным в смысле слов Доктора «fürchterlich kompliziert»⁶⁷ (не в вопросе видаться или нет, а перед Небом, т. е. это я о себе); «наитию» я не отдаю, а именно хочу блюсти сложность в душе, не утеривая до времени и не отрезывая многого, что еще вопрос, должно ли оно быть отмеченным: когда пойму, отмечу. Наконец: «личное дело»: именно личное для меня; и именно, что оно, будучи очень личным, очень мне лично опасно (т. е. иногда встает «жизнь или смерть»), я и прошу во времени большой мягкости терпения ко мне (не к моим проявлениям, а к сложности, ибо в части лишь моих отношений к Тебе стоит, увы, осознанность, что есть у меня к Тебе (Тебя лично я не касаюсь) чувство избирательного сродства (прочти роман Гете)⁶⁸; а это чувство есть чувство обреченности и гибели, если с этим чувством будут неосторожны.

Увы, Наташа, скоро 2 года, как я содрогаюсь от страха за это осознание, около 2-х лет перед собой я отмахивался; и это знает Доктор; оттого-то для меня все тут *furchterlich kompliziert*; и этого не знает никто, кроме Аси, которая, кажется, уже начинает догадываться, но боясь за меня, часто «зашучивает» свое сознание.

Это прошу Тебя положить в душу и помнить, что в разговоре *sachlich* мы коснемся и этого вопроса (но *sachlich*, четко, ясно, чтобы благополучно его миновать и провести между Сциллой и Харибдой, помня, что Ты и Я оба хотим друг другу блага).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Воскресенья в октябре 1914 г. приходились на 4, 11, 18, 25 числа.
- ² А. М. Поццо.
- ³ Густо зачеркнуто два или три слова.
- ⁴ Ср. запись за октябрь 1914 г. в «Материале к биографии»: «Первая половина октября проходит под знаком все повторяющихся сердечно-нервных припадков, мучительных переживаний, связанных с Наташей <...>» (МБ. С. 187).
- ⁵ Белый в «Материале к биографии» отмечает, что в октябре 1914 г. был у Штейнера «с целой папкою раскрашенных схем, которые готовил ему в течение всей зимы 13—14 года и осени», и описывает его доброжелательную реакцию: «<...> д-р очень хвалил меня за схемы, вообще был невероятно кроток и добр, подбодрял меня, улыбался и говорил про мое сердце, что оно — совершенно здорово, что мои сердечные припадки есть показатель не органической

болезни, а внутреннего развития <...>» (МБ. С. 187). Однако не исключено, что речь здесь идет об апреле 1915 г., когда Белый, находясь в состоянии «полусна», «взял бумагу и пером стал царапать какие-то закорючки; из закорючек сложилось до ужаса жуткое, женское лицо; в лице была печать сатанизма» (МБ. С. 209). Эта явившаяся в кошмаре страшная женщина, к ужасу Белого, вскоре материализовалась в неприятного вида даму и стала ассоциироваться у него с Наташей: «<...> Наташа тоже была вся в черном; и мне показалось, что черная женщина могла бы быть противоположением *Наташи*; если бы Наташа была уродлива до последних пределов, если бы она стала ведьмой и участвовала бы в черных шабашах, то лицо ее могло бы приобрести этот отвратительный отпечаток...» (МБ. С. 212).

- ⁶ Ср. запись в «Материале к биографии» за июль 1915 г.: «<...> продолжают двусмысленные отношения с Наташей; я, махнув рукой на необычность их, добиваюсь лишь одного: довести их до конца» (МБ. С. 226).
- ⁷ *Sachlichkeit* (нем.) — объективность, деловитость.
- ⁸ *Sachlich* (нем.) — объективно, по существу.
- ⁹ *Versammlung* (нем.) — собрания. Сентябрь 1915 г. Белый характеризует в «Ракурсе к дневнику» как «эпоху скандалов» (РД. С. 420). Ср. также запись за конец августа 1915 г.: «Ряд „разборных“ заседаний: скандалы, скандалы, скандалы» (РД. С. 420).
- ¹⁰ *Die Athmosphäre zu verbessern* (нем.) — чтобы атмосферу улучшить.
- ¹¹ В «Свиданиях с доктором» декабрем 1915 г. помечено: «Мой разговор с доктором о Наташе. Дорнах» (Белый А. Автобиографические своды... М., 2016. С. 759).
- ¹² Само по себе (нем.).
- ¹³ Авторитетного антропософа и мистика Михаила Бауэра (1871—1929) Белый считал своим другом и защитником.

Белому казалось, что в самые тяжелые моменты в его жизнь «просовывается лик Михаила Бауэра, который где-то <...> ждет к себе и издала тайно помогает» (МБ. С. 229). В «Ракурсе к дневнику», в записи за декабрь 1915 г. Белый отмечал: «Трудности с Наташей. Посещения Бауэра <...>», в январе 1916 г. также было «дважды посещение Бауэра» (РД. С. 423, 434). Их интенсивное общение, начавшееся в августе 1915 г., продолжилось и в 1916 г. См. подробно: Спивак М. «И издала тайно помогает»: Андрей Белый и Михаил Бауэр // Арабески Андрея Белого. М., 2007. С. 209—224.

- ¹⁴ *Comparaison n'est pas raison* (фр.) — сравнение неправильно.
- ¹⁵ Миета Валер (1883—1954) — немецкая антропософка, эвритмистка; ближайший друг и помощница М. Я. Сиверс и Р. Штейнера (жила в одном доме с ними). Белый считал, что она «поворачивается» к нему «враждебно» (МБ. С. 195).
- ¹⁶ Подчеркнуто четыре раза.
- ¹⁷ Густо зачеркнуто пять строк.
- ¹⁸ Ср. запись в «Материале к биографии» за март 1913 г., когда Белый и Ася, уже вступившие на путь антропософии, ненадолго приехали в Боголюбы, имение отчима сестер Тургеневых: «Этот месяц запомнился мне в одном отношении: Ася объявила мне, что в антропософии она окончательно осознала свой путь, как аскетизм, что ей трудно быть мне женой, что мы отныне будем лишь братом и сестрой. С грустью я подчиняюсь решению Аси» (МБ. С. 134).
- ¹⁹ После смерти поэта Христиана Моргенштерна (1871—1914) М. Бауэр жил вместе с его вдовой Маргаретой Моргенштерн (урожд. Гозебрух фон Лихтенштерн; 1879—1968), сначала в Швейцарии, в Дорнахе—Арлесгейме (1915—1917), потом — в Германии, в маленьком баварском городке Брейтбрунн на Аммерзее (Breitbrunn am Ammersee). См. объяснение этому в «Материале к биографии»: «<...> Михаил Бауэр,

ближайший ученик доктора, очень замечательный антропософ, один из 3-х глав нашего Общества; он болен туберкулезом; за ним ухаживает Frau Morgenstern, вдова покойного поэта; она поселяется с Бауэром в одной квартире <...>» (МБ. С. 198).

- ²⁰ Из Нагорной проповеди. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5: 3), также: Лк. 6: 20.
- ²¹ «нести в сердце» — вписано над строкой.
- ²² *Hilfsmittel* (нем.) — помощь, вспомогательные средства.
- ²³ Густо зачеркнута строка.
- ²⁴ См. примеч. 12 на с. 179.
- ²⁵ Белый и А. А. Тургенева выехали из Христиании в Берген 8 октября 1913 г., пробыли в Бергене до 10 октября, потом отправились вслед за Штейнером в Копенгаген и с середины октября по конец января 1914 г. жили в Берлине. В это время Белый испытывал мистическую экзальтацию и ощущал себя стоящим на пороге истинного посвящения: «<...> мне начинает казаться, что ко мне подкрадывается какая-то посвятельная болезнь (падучая ли, летаргический сон ли), что скоро я паду на свой одр, буду умирать; и д-р произведет надо мною опасную операцию» (МБ. С. 141 и ранее). Тогда же, по мнению Белого, Ася перестала его понимать и началось ее отчуждение: «<...> Ася объявляет мне, чтобы мы не говорили друг с другом на темы наших путей; я ощущаю, что в точке священнейшей Ася покидает меня, отъединяется, ускользает; до сих пор наши окк<ультные> узнания совпадали; с Бергена мы идем порознь: Ася бросает меня; не говорит ничего о себе; и меня просит молчать: я чувствую первую грань, разделяющую наши пути; с этого времени грань росла; и в годах выросла в непереступаемую бездну между нами» (МБ. С. 142).
- ²⁶ А. М. Поццо.

- ²⁷ Здесь и далее у Белого слово написано с ошибкой: Wirth; вместо правильного: Wirt (нем.) — хозяин. Образ, кажущийся, на первый взгляд, неуместным и непонятным, отсылает к словам Штейнера о мистериях (народных средневековых играх), представление которых состоялось «на Рождестве 15 года» (26 декабря): «<...> ставились две мистерии (два разных текста); в одной очень фигурировали: маги, Ирод и черт; она — страшная; в другой — пастухи. В связи с последней была построена лекция», на которой Штейнер «говорил о собственничестве и о пастушестве; собственник, хозяин гостиницы, не принял Марию с Иосифом; Мария родила в вертепе, куда пришли пастухи; и — выступили два типа: „Вирт“ и „Хирт“ от собственничества, в каком бы разрезе ни проявилось оно, он звал нас к пастушеству: умалению перед вертепом младенца» (ВШ. С. 501). Hirt (нем.) — пастух. Эта тема была поднята во второй (27 декабря) лекции курса «Духовное единение человечества через Импульс Христа», и ей была посвящена почти вся третья лекция (28 декабря). См.: Steiner R. Die geistige Vereinigung der Menschheit durch den Christus-Impuls. GA 165. Dornach/Schweiz, 1981. S. 43—80).
- ²⁸ Возможно, отсылка к пьесе А. П. Чехова «Три сестры» (1901), где Соленьый характеризуется как «ужасно страшный человек», который «воображает, что он Лермонтов, и даже стихи пишет».
- ²⁹ Категория индуизма. Здесь: иллюзия, морок, ложное представление. Ср. в статье «Пути культуры» (1920): «Впереди, перед собой „око“ индуса еще не видит чувственного мира в его конкретности, но лишь дым морока, Майю; <...> древний перс <...> ощущает ее как покров, под которым прячутся духи тьмы, ведущие борьбу с духами света <...>» (Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 309).

- ³⁰ Испанский широкий мужской плащ без рукавов; название получил по имени влюбленного графа Альмавивы, персонажа комедий П. О. Бомарше «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784) и написанным по ним операм. В бархатный берет и альмавиву одет влюбленный герой стихотворения Андрея Белого «Роскошная дева» (1908):

<...> Надвинув над темною бровью
 Свой бархатный, мягкий берет,
 К тебе пламенеет любовью
 Колючий и жгучий брюнет —
 Поэт. Горделиво, стыдливо
 «Я — твой» над тобой он поет:
 Под сливой своей альмавивой
 Взмахнет и замрет: и зовет.
 Любовник нескромный и томный,
 В беседку соседку влеки —
 Бегите в шиповник укромный,
 В густые его лепестки! <...>

(Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. Т. 1. С. 357).

- ³¹ Имеется в виду сцена из романа «Котик Летаев», где дядя Вася «стал тихонько наигрывать на гитаре» (КЛ. С. 150), а его приятель Летков («этот самый Летков — роковой человек». — КЛ. С. 149) «из-под гущи усов меланхолично подпевал»:

«Наклонишь ты свою головку,
 И на него поглядишь;

Но знаю я твою уловку —

Ты только ревность мою дразнишь» (Кл. С. 150).

Поют они, несколько изменив слова, цыганский романс, восходящий к стихотворению Е. П. Ростопчиной «Сон Факира» (1855), на мотив вальса «Московские вечера» А. А. Вилламова. Видимо, здесь Белый намекает на тайную влюбленность героя в «тетю Дотю», сестру матери «Котика». Эта линия в романе «Котик Летаев» не очень выявлена.

³² Heiterkeit (нем.) — веселость.

³³ Текст в скобках вписан над строкой.

³⁴ Из «Фауста» И. В. Гете: «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust» (ч. 1, сцена 2: «У городских ворот»). В переводе Н. П. Холодковского: «Ах, две души живут в большой груди моей, / Друг другу чуждые, — и жаждут разделенья!». Ср. в «Материале к биографии», в записи за август 1915 г.: «Я стал чаще думать о фаустовской натуре своей, посещая репетиции сцены спасения Фауста от Черта: я стал перелаживать и на себя текст жестикюляции ангелов, принесших душу Фауста» (МБ. С. 252):

³⁵ Ср. в «Материале к биографии», в записи за август 1915 г.: «Образ Фауста не раз мною ассоциировался с собою; мои отношения с Наташей и Асей чем-то напоминали отношения Фауста к Гретхен и Елене; кто Елена, кто Гретхен — не знал; и не знал даже, в чем аналогия; но — аналогия была» (МБ. С. 249).

³⁶ В ней раскрываются земные отношения Фауста с Маргаритой.

³⁷ Himmlisch (нем.) — небесный, райский; Himmel (нем.) — небо, рай; скорее всего здесь отсылка к эвритмической постановке последней сцены «Фауста» и ее трактовке Штейнером. См. лекцию Штейнера «Fausts Himmelfahrt»

(«Вознесение Фауста») 14 августа 1915 г. в: Steiner R. Faust, der strebende Mensch Geisteswissenschaftliche Erläuterungen zu Goethes «Faust». Band I. GA 272. Dornach/Schweiz. 1981. S. 142—155.

³⁸ Эвритмические представления сцен из «Фауста» происходили в апреле, мае, августе, декабре 1915 г. 4 апреля была постановка сцены пасхальной ночи из первой части («Ночь. Старинная комната с высокими готическими сводами»). Комплекс изложенных в письме переживаний Белый в «Материале к биографии» связывает с эвритмическим представлением 15 августа 1915 г. «последней сцены „Фауста“, сцены «Вознесения Фауста», в которой описано, «как ангелы, вырвав „Фауста“ из когтей смерти, принесли его в небо» (МБ. С. 239).

³⁹ Такой же экзотический головной убор носил Петр Иванович д'Альгейм (1862—1922), муж певицы М. А. Олениной-д'Альгейм, тетки сестер Тургеневых. Это мог помнить не только Белый, описавший его экзотический наряд в мемуарах, но и Наташа Тургенева, так как жила в Москве в доме д'Альгеймов. Ср.: «<...> он испытывал частые приступы меланхолии; видел победу „врагов“; и тогда надевал свою тальму, садился крутить сигаретку; перед болезнью завел он малиновый, яркий берет, надевал театральный халат, в одеянии этом выглядывая старым „магом“ <...>» (Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). СПб., 2014. С. 431). См. также примеч. 30 на с. 183.

⁴⁰ Возможно, пародийное обыгрывание штейнеровской идеи «поступка, совершенного из свободы», которая мыслится «только с точки зрения этического индивидуализма» (Штейнер Р. Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественнонаучному методу / Пер.

Б. П. Григорова; сверка и ред. К. А. Свасьяна. Ереван: Ной, 1993. С. 145).

⁴¹ Возможно, с этим эпизодом как-то связана запись в «Материале к биографии» за август 1915 г.: «Я рванулся к Асе, как к последнему прибежищу; и попросил ее настойчиво обратить внимание на Наташу, принять меры к тому, чтобы меня освободить от постоянного ее присутствия, на что Ася расхохоталась: „Дари ей хоть цветы, что ли?“. И попросила меня о Наташе не говорить с ней; кроме того: она отказалась принимать меры к изоляции нас друг от друга» (МБ. С. 244).

⁴² Ср. запись в «Материале к биографии» за март 1915 г.: «<...> отношения к Наташе, принявшие форму болезненного эротизма, меня удручали (примешивались припадки ревности к Метнеру) <...>» (МБ. С. 205). В конце 1914 г. и в 1915 г. Метнер часто приезжал из Цюриха (где он жил) в Дорнах. Его общение с Н. А. Тургеневой, столь сильно и вполне основанно беспокоившее Белого, продолжалось и после того, как в марте 1915 г. отношения Белого и Метнера были окончательно разорваны. См. об этом: Юнзгрен М. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект, 2001. С. 114—139. Об отношениях Метнера с Н. А. Тургеневой см.: Там же. С. 114—116 и далее.

⁴³ Имеются в виду специально заказанные, очень дорогие цветные стекла для окон Гетеанума, на которых по особой технологии должны были быть выгравированы сделанные по эскизам Штейнера символические изображения: «<...> стекла пришли из Парижа; они были вылиты из разноцветного, цельного стекла (одно окно — красное; два — синих; два — розовых; два — зеленых; два — желтых и т. д.); толщиной они были не менее дюйма; каждое окно состояло из трех крупнейших стекол; их надо было вырезать

особыми сверлильными аппаратами, соединенными электрическим проводом с бор-машиной; работа должна была производиться на площадках, перемещающихся на рельсах; чтобы стекла не трескались от нагревания во время сверления, они поливались все время холодной струей воды; работать надо было в каучуковых балахонах и в каучуковых перчатках, чтобы не промокнуть. <...> все тело сотрясалось и резец ежеминутно выскакивал из руки и ударял по стеклу: стекло — разбивалось; <...> разбить цельное стекло — значило: уничтожить 20000 франков (каждое стекло стоило до 20000 франков)» (МБ. С. 170). К судьбе «красного стекла» у Белого был, можно сказать, личный интерес. Ср. запись в «Материале к биографии» за март 1915 г.: «Наташа в это время усиленно занималась у Рихтера в мастерской на стеклах; ей поручили красное стекло, на котором должна была быть вырезана огромная голова „посвящаемого“, сделанная с наброска доктора Эккартштейн (помнится, когда Эккартштейн работала над рисунком своим, она рисовала „глаза“ с меня) <...>» (МБ. С. 208. Тадеуш Рихтер (1873—1943), польский художник, руководивший в то время стекольной мастерской в Дорнахе; Имме фон Эккартштейн (1871—1930), немецкая художница, антропософка). Запись о том, что «Наташа, разбив красное стекло в мастерской Рихтера, более не работает у него», относится к маю 1915 г. (МБ. С. 220).

⁴⁴ См. в мемуарах Т. В. Киселевой: «Большим событием 1915 года стали инсценировки „Фауста“. 4 апреля 1915 г. была показана „Пасхальная ночь“, при этом оформление сцены менялось: черные кулисы заменялись на красные перед пением „Христос воскрес“» (Киселева Т. В. Эвритмическая работа с Рудольфом Штейнером. С. 80. Гл. «Сцены из „Фауста“, 1915»). Имеется в виду постановка первой сцены

первой части («Ночь»), действие которой происходит в пасхальную ночь.

⁴⁵ Erklärung (нем.) — объяснение, толкование. Однако не исключено, что Белый использовал это слово по ошибке, имея в виду Verklärung (нем.) — преображение («Fausts Verklärung» — название третьей части «Сцен из „Фауста“ Гете» Ф. Шуберта). Schale (нем.) — скорлупа (см. примеч. 30 на с. 156—157).

⁴⁶ То есть от небесного к земному, от духовного к плотскому, от вознесения и преображения (Verklärung) к земной скорлупе (Schale).

⁴⁷ Ср. в записи за декабрь 1915 г. в «Ракурсе к дневнику»: «Конец месяца посещаю ряд репетиций к „Фаусту“; <...> я же участвовал в оркестре и старательно проходил свою партию: второй, турецкий барабан» (РД, С. 423).

⁴⁸ Возможно, имеется в виду стихотворение Гете «Блаженное томление» из «Западно-Восточного дивана» (1819). Ср. в пер. Н. Вильмонта:

Скрыть от всех! Подымут травлю!
Только мудрым тайну вверьте:
Все живое я прославлю,
Что стремится в пламень смерти.

В смутном сумраке любовном,
В час влечений, в час зачатъя,
При свечей сиянье ровном
Стал разгадку различать я:

Ты — не пленник зла ночного!
И тебя томит желанье
Вознестись из мрака снова
К свету высшего слиянья.

Дух окрепнет, крылья прянут,
Путь нетруден, не далек,
И уже, огнем притянут,
Ты сгораешь, мотылек.

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой

(Гете И. В. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. М., 1975. С. 332).

Благодарю С. В. Казачкова за высказанное предположение.

⁴⁹ Этот разговор упоминается в письме Белого от 13 января 1916 г. к Марии Яковлевне Сиверс (1867—1948), секретарю и (с 1914 г.) жене Штейнера. См. в наст. изд.

⁵⁰ Ср. в «Свиданиях с Доктором»: «Сентябрь — Разговор Аси с <окто>ром обо мне и Наташе. Дорнах» (Белый А. Автобиографические своды... С. 759). Этот разговор произошел за день до ужина у Штейнера 27 сентября 1915 г., описанного им в письме к Михаилу Сизову (см. далее), то есть 26 сентября.

⁵¹ «она многого еще не понимала тогда» — вписано над строкой.

⁵² Плохое чувство за и против (нем.).

⁵³ Да, да, он очень сложный человек (нем.).

⁵⁴ Правильно: «Die Verhältnisse sind fürchterlich kompliziert, Ich weiss nicht was ich sage soll» (нем.) — Отношения ужасно сложные. Я не знаю, что я должен сказать.

⁵⁵ См. об этом в письме Белого к М. Я. Сиверс от 13 января 1916 г. в наст. изд.

⁵⁶ Имеется в виду поездка в Монтре, Глион (где Белый начал работать над романом «Котик Летаев»), потом в Лозанну,

Невшатель, Цюрих. Ср. в «Ракурсе к дневнику» в записи за конец сентября: «Опять долгая беседа с Штейнером, после которой уезжаю из Дорнаха»; и за октябрь: «2-го или третьего уезжаю. Монтрэ. Не нахожу здесь себе покоя. <...>. Глион. Несколько успокаиваюсь; пишу первую главу „Котика Летаева“. Много брожу по горам <...>» (МБ. С. 421). Также в письме Белого к Михаилу Сизову из Глиона: «<...> я вылетел в „Montreux“ (второй раз вылетаю: первый во Флюэлен — [в начале сентября 1915 г. — *Сост.*]). На этот раз меня сослал д-ръ: велел 6 недель не являться в Дорнах и писать книгу; Ася нажаловалась ему, говоря, что я слишком „бурлю“; д-ръ сказал ей: „Подумаем, куда бы направить поток его энергии; что ж, пусть пишет лекции, пусть ему переводят их, а он пусть читает...“ Но пока что решили меня изгнать в уединение. И вот сижу в „Glion“ — горном местечке над „Montreux“» (*Спивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 83). Возвращение в Дорнах произошло в ноябре.

⁵⁷ Непосредственно после разговора с Наташей «за Вау», в начале сентября (см. упоминание о нем в письме Белого № 2), писатель также уехал из Дорнаха: «Ссора с Наташей. Тяжелые объяснения с Асей. Денежный кризис. Моральный кризис. Эпоха скандалов. Долгий разговор с Штейнером (за чаем у него). <...> Не могу оставаться в атмосфере Дорнаха. Уезжаю в Флюэлен. <...> Десять дней бегаю в горах (по озеру и около С<ен> Готарда)» (РД. С. 420).

⁵⁸ Ужасно сложный (*нем.*).

⁵⁹ Речь, очевидно, идет о встрече 27 сентября 1915 г., подробно описанной Белым в письме к Михаилу Сизову. Белый приводит слова Штейнера о том, что «человек — вселенная» (*Спивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 86), и несколькими примерами поясняет созвучную

ему мысль Штейнера о том, что «люди разное понимают под словом» (Там же. С. 88). См., напр.: «<...> русские не умеют взять всего, что у них в языке; язык скрытно „несет в себе слова“, а русские больше говорят о „бессловесном“ и „несказанном“. Если бы уметь расставлять слова и дать им свободу от связанных с ними абстракций, если б прислушаться к слову, к его собственной жизни и уметь выговаривать слово, то речи о „несказанном“ прикончились бы: нашлись бы многие слова <...>» (Там же. С. 87); или: «В сущности, мы не знаем то, о чем говорим. Мне это страшно: я ничего не знаю о других: как другим отдается то, что я понимаю под словом; Вы говорили сегодня на лекции, что, говоря „прилежный“, не выговариваю я всего комплекса деятельностей, слагающих во мне представление, которое я фиксирую словом „прилежный“. Вы говорили, что, выговаривая звук слова „прилежный“, передаю я не комплекс, словом покрытый, а — слово. Ну вот: у меня всегда так; говоря о чем бы то ни было, я не знаю, слышат ли меня; и слыша звук слова, я не знаю, что под ним понимают окружающие» (Там же. С. 88).

⁶⁰ *Verbessern* (*нем.*) — улучшить.

⁶¹ *Vortrag* (*нем.*) — лекция.

⁶² Ср. в книге Р. Штейнера «Философия свободы»: «Если Кант говорит о долге: „Долг! Ты возвышенное, великое имя, не содержащее в себе ничего излюбленного, сопровождаемого льстивой вкрадчивостью, но устанавливающее закон... перед которым умолкают все склонности, хотя бы втайне они и противодействовали ему“, — то из сознания свободного духа человек возражает ему: „Свобода! Ты, приветливое, человеческое имя, содержащее в себе все нравственно излюбленное, поскольку оно наиболее отвечает моему человеческому достоинству, и не делающее меня ничьим слугой; ты, что не устанавливаешь голого закона, но выжидаешь того,

что моя нравственная любовь сама признает за закон, ибо перед каждым только навязанным законом она чувствует себя несвободной“» (*Штайнер Р.* Философия свободы. С. 149). Или: «У кого нет способности в каждом отдельном случае переживать особую максиму нравственности, тот никогда не достигнет и действительно индивидуального волнения. Прямой противоположностью этого принципа нравственности является кантовское: поступай так, чтобы правила твоего поведения могли иметь значение для всех людей. Это положение — смерть для всех индивидуальных побуждений к действию. Решающее значение для меня может иметь не то, как поступили бы все люди, а как следует поступить мне в индивидуальном случае» (Там же. С. 141).

Понятие моральной фантазии, крайне важное для философии Штейнера, раскрывается там же: «Конкретные представления человек производит из суммы своих идей прежде всего посредством фантазии. Следовательно, то, в чем нуждается свободный дух, чтобы осуществить свои идеи, чтобы проявить себя, — это *моральная фантазия*. Она — источник деятельности свободного духа. Поэтому нравственно продуктивными являются, собственно говоря, только люди, обладающие моральной фантазией. Простые проповедники морали, т. е. люди, выдумывающие нравственные правила, не будучи в состоянии уплотнить их до конкретных представлений, — морально непродуктивны. Они похожи на критиков, которые умеют толком объяснить, какими качествами должно обладать произведение искусства, но сами неспособны создать даже самого незначительного» (Там же. С. 165; и далее гл. «Моральная фантазия (дарвинизм и нравственность)» — С. 164—173).

⁶³ *Sui generis* (лат.) — своеобразный, единственный в своем роде.

⁶⁴ Так у Белого. Правильно: *Anthroposophia* — от греч. *Anthropos* (человек) и *Sophia* (мудрость).

⁶⁵ Этому же вопросу («Что есть любовь?») посвящено письмо Белого к М. Я. Сиверс от 13 января 1916 г. (см. в наст. изд.).

⁶⁶ Книга Р. Штейнера «Философия свободы (1893; «Die Philosophie der Freiheit»). См., напр.: «Отчего это мой поступок должен меньше служить общему благу, когда я совершил его из любви, чем когда я выполнил его только на том основании, что я ощущаю своим долгом служить общему благу? Голое понятие долга исключает свободу, поскольку оно не хочет признавать индивидуального, а требует подчинения последнего всеобщей норме» (*Штайнер Р.* Философия свободы. С. 145).

⁶⁷ См. примеч. 58 на с. 190.

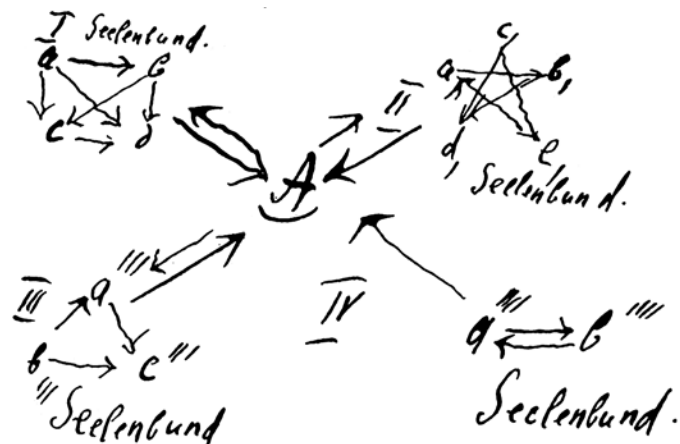
⁶⁸ Белый не только использует метафору «избирательное сродство» (химический термин, обозначающий притяжение и соединение определенных химических элементов), взятую Гете в заглавие одноименного романа (1809), но, как кажется, намекает на сходство их дорнахской ситуации с сюжетом произведения: любовь между бароном и племянницей его жены, с одной стороны; между его женой и его ближайшим другом, с другой. Страх героев последовать чувству приводит к тому, что жизни всех оказываются разрушенными.

<Дорнах. Начало января 1916 г.>¹

Милая Наташа,

позволь мне по дружбе с Тобой поделиться о Тебе «горестною заметою»²... Мне всегда противен был Брант, Штокман, Нора³ и прочие узкие прямолинейные «будители совести»⁴... Но есть минуты и времена, когда «брандизм» и «штокманизм» есть необходимое стремление человека, если у него в душе есть мораль, а не ее «рудименты»... И вот: доживая здесь последние месяцы, может быть, недели, у меня встает строгое решение знать, уезжаю ли я навсегда прочь отсюда от здешнего «антропософского» воздуха, или как-никак я «член» в большем смысле, нежели член о-ва «Свободной эстетики»⁵... Членский билет и согласие с двумя §§ устава нашего Общества⁶ у меня есть; и стало быть: ради Доктора и циклов я его не верну... Но — и только... Стало быть: Вау, «организм», «общественная совесть» и т. д. нашего О-ва суть для меня вопросы праздные и меня не касающиеся, как «anthroposophische freunde» и «freundinnen»⁷ [sic!], которых я принимать должен как досадный придаток к циклам. Такова моя позиция при отъезде отсюда, которую, знай, провести сумею на все прочее

время моего антропософского бытия. Или: если это не так, то я кровно, навсегда связан с организмом, Вау, «Freunde» и «Freudinnen» [sic!]) и не по «товарищески» («товарищ» понятие социал-демократическое), а согласно духу мистерий. «Hier schließt sich ein Seelenbundniss», — как говорит в этом роде Бенедикт⁸, а — Seelenbund⁹, это — едино-мыслие, едино-чувствие, едино-волие, т. е. то, что характеризует дружбу (Freundschaft). Что же есть дружба? Это есть по крайней мере двое-душие в одном или трое-, четверо-душие и т. д. Ведь у нас 4 души: Луна, Астрид, Филия, другая Филия¹⁰ суть четыре образа, имеющие свое отражение на физическом плане, как четыре человека, четыре носителя душевных сторон; «организм» общества есть вот что:

И организм общества не есть «товарищеский» конгломерат
a, b, c, d, a', b', c' и т. д.,
ведущий к «Klatscherei»¹¹ и «амикошонству».

Отношение к первому «органическому» строению организма апеллирует¹² к тому, что молекула его (молекула есть минимум « $a \lesseqgtr b$ »).

Относительно «молекулы» ($a \lesseqgtr b$), т. е. пары, так говорит Фома Кентерберийский: «верность раз завязавшейся дружбы, строгая, как неразрывность брака, твердость до конца (не предательство, не переменность), до „кровей мученических“»¹³. И, вскрывая дружбу, священник Флоренский комментирует Фому Кентерберийского: 1) Мэтерлинком; 2) Псалмопевцем Давидом.

1). Мэтерлинком:

«Слезы — это цемент дружбы, но не всякие, а те, которые струятся от не могущей выразить себя любви и от огорчений, причиненных другом... Слезы в дружбе — это то же, что вода при пожаре спиртового завода: больше льют воды — больше вздымается пламя. Любовь ищет... доказательств любви... Очень часто те, кто крепче любил, наиболее заставлял страдать, ибо неведомо, какая нежная и застенчивая жестокость обычно бывает беспокойною сестрою любви»¹⁴ («Trésor de <s>humbles»)¹⁵.

2). Давидом:

«Душа Ионафана прилепилась к душе его (Давида) и полюбил его Ионафан, как свою душу. — Ионафан заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу» (1 Царств. 13, 1, 3, 4);

«И снова Ионафан клялся Давиду своей любовью к нему: ибо любил его, как свою душу» (1 Царств. 20, 17)¹⁶.

Св<ященник> Флоренский прибавляет: «рано или поздно является внутренняя близость, тесней-

шее сплетение двух внутренних миров» (стр. 446) и опять приводит Мэтерлинка:

«В каждой дружбе... наступает... момент, когда мы начинаем различать, так сказать точное место нашего друга... Вот с этого-то момента он действительно принадлежит нам... Непогрешимое ведение... зародилось в нашей душе в тот день, когда глаза наши открылись таким образом... С этого момента особая часть души царит над дружбою... Происходит как бы перестановка жизни... И когда мы встречаем случайно одного из тех, кого мы узнали так, и говорим с ним о падающем снеге, то есть в каждом из нас что-то, что приветствует друг друга, рассматривает, вопрошает помимо нашего ведома...»¹⁷.

«Двум лучше, чем одному... Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Так же, если лягут двое, то тепло им... И если станет пересиливать кто-нибудь одного, то, то... противостоянут ему...» (Еккл. 4: 9—12).

Св<ященник> Флоренский прибавляет: «Дружба ничем не может быть разрушена, кроме как тем, что направлено прямо против самого единства друзей, что ударяет в сердце Друга, как друга, — вероломством, издевательством над самою дружбою»... «И наконец другу принадлежит высшее доверие»...¹⁸ Св<ященник> Флоренский прибавляет: «Харисмы — первое всего, целомудрия и девственности»¹⁹ («харизмы» от χάρις — милость, милость, милость) («милый — милая — милое»)²⁰.

Это же разумею я всей моей литературной деятельностью: «дружба» у меня в идеологии то, что

«общество» противопоставляет «государству», т. е. Лик Жены лику Зверя²¹ (см. «Луг Зеленый», «Арабески»)²² — т. е. мои «рудименты морали» строго согласны с христианским пониманием дружбы и любви (они отвергаемы Тобою и Кантом при помощи — императива долга, который Д-р называет «Кнутом»²³: «по Твоему, что не кнут», то — рудименты морали: на «кнут» — «кнут»). На «кнут» — «кнут» будет моим последним действием здесь перед отправленьем на фронт²⁴. И оттого-то я твердо желаю знать: кладется ли в основе О-ва молекула «пары», «тройки», «четверки» и т. д., т. е. дружба (von Herz zu Herz²⁵).

Содержание «пары» — «тайны»; форма «парного» расширения (тройка, четверка и т. д.) есть «антропософическое О-во». Вне его, т. е. вне таинственной связи «пар» → существует: социал-демократическое амикошонство «товарищества», единственная острастка, на которую есть «кнут»; «императив», «долг» по принуждению (а не по любви).

При таком строении общения имеет место выдержка, приводимая священником Флоренским:

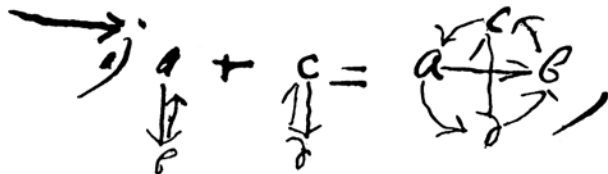
«Половое воздержание... связанное с возбужденностью... — вредно...: душа грязнится и гниет, равно как и тело гибнет. Быть может, главный вред — от постоянной неудовлетворенности. Не то же ли самое надо сказать и относительно выхождения из себя через душевное общение — в дружбе. Ведь брак есть «два в плоть едину», а дружба — два в душу едину... Представливание в одиночестве «дружбы» действует вредно (как и половая неудовлетворенность); особливый же вред для личности, особливое

опустошение личности, умирание ее, происходит тогда, когда желая дружбы и думая о дружбе, человек вынужден толочься на людях (в нашем «обществе», — прибавлю я), общаться без действительной дружбы. Не получая... удовлетворения, но вечно бегая за ним и около него, он дразнит себя мечтой... и на нее утекают все его духовные силы» (Из христианского дневника)²⁶.

(«Fall» мой²⁷: мне нужна «женщина»: постоянная неудовлетворенность» половая — источник заблуждения моей души и тела; мне нужен «организм друзей», т. е. антропософическое общество, а не конгломерат амикошонств с «кнутами» императива и с непроизвольно-иезуитской организацией. Не желая гибнуть нравственно и физически, я борюсь за изменение воздуха в нашем «обществе» в кавычках: за право признания [зач.: сохранения] моего законного желания, чтобы у меня была «женщина», все равно что, когда, как, кто... И за право, чтобы у меня были милые (все равно «милый», «милая», «милые»: «харисмы», милование выше даже целомудрия. Целомудрие — целостная мудрость; поцелуй дружбы → целокупность, т. е. целостность душевного объятия: мудрая любовь и целомудрие — одно: целомудрие понимается нами извращено; «аскетизм», то совпадая (очень редко), то не совпадая с целомудрием, не имеет к нему никакого отношения; подстановка «аскетизма» под «целомудрие» есть источник гниения часто наших душ: есть удар «кнута» по целомудрию; и вызывающий ответ: душевный разврат; «аскетический душевный разврат» — вот с чем воюют мои «христианские рудименты морали».

Возвращаюсь к моей теме:

Если краеугольным камнем нашего О-ва является не «пара» и ее расширение, соплетение «пар» в организм, если в каждую пару бросаются и будут бросаться все равно каким образом камни, если строение «общества» не таково:

а таково²⁸

a, b, c, d,

с душевным развратом и с «аскетическим кнутом»,

то → я даю клятву устроиться в организме друзей вне «Общества», отнявшего у меня этот «хилый» организм и давшего мне взамен: «парок бабье лепетание»²⁹, хлыст императива, душевную и физическую неудовлетворенность (т. е. мое психофизиологич<еское> заболевание с его признаками<:> сердечным неврозом и далее с другими, отнявшими у меня «работоспособность»...).

Поэтому: не имея лично ничего против Фридкиной³⁰, я принципиально не оставлю всех поднятых вопросов и в нашем же кружке вместе с Трап<езнико>вым³¹ поставлю ряд вопросов и выдвину ряд требований... Уезжая в Россию, я буду знать, что есть «Antroposophische Freund u Freundin» не в словесном, а в реальном содержании этого слова.

Рука, занесенная над «парой», есть рука, занесенная над самым бытием О-ва. Так завтра я и скажу Бауэру³². Если в принципе это не изменится, я обратно не вернусь в «Общество» (билет останется при мне, но всем я буду отсоветовать от поступления в О-во: я буду себе искать своего общества, и в своем «обществе» буду с своим подлинным ликом; по отношению же «о-ву» нашему буду я индивидуалистом, эстетом с «рудиментами морали»<:>

«Подите прочь: какое дело

Поэту мирному до вас...

В разврате каменейте смело...»³³

Есть «разврат» и «разврат». Разврат «добрый» и разврат едкий, гадкий, «каменный»...

Относительно «добротого» разврата В. В. Розанов когда-то писал: «Добр, сердечен, гостеприимен, обилен, хотя и — ест и спит с блудницами»... «Сух, зол, черств — с блудницами не общается...»³⁴ Прав Розанов!

У нас — «каменный разврат»...

Ну и: →

«В разврате каменейте смело»...

У нас был Зейлинг:³⁵ по условиям нашей встречи в «Норд-Чöпинге»³⁶ (будут дни — и Вы с Ал. Мих-м³⁷ узнаете «новые встречи здесь» на эсотер<ической> почве «по окончанию войны...»)³⁸; есть особые отношения: я знал, когда Зейлинг пошел к нам, что идет — «Друг»...

Стукнул в дверь — открыл объятия...
Поцелуй — и вновь, и вновь...
Посмотрите — «Сестры, братья!» —
Как светла наша любовь...³⁹

В тихой «вечере» нашей сказал мне Зейлинг: попробуйте, чтобы 4 человека научились едино-мыслить; и какая магия добрая отсюда изойдет. И уходя, повторил: «Не забывайте!»...⁴⁰

Я и пытаюсь → «в последний раз»... Уступок «обществу» от меня не ждите. Не ждите уступок лицемерию, лжи, вероломству, смешению планов, превратности в понимании дружбы, общения, любви, «аскетизма», целомудрия и т. д.

Я хочу, чтобы едино-мыслие водворилось хотя бы... в ближайшей «антропософской» ячейке. Если таковой для меня нет → о-ва нет.

Наташа, третьего дня: Ты так красиво, эстетически-красиво говорила, а я «любовался» эстетикой построения твоих жестов и слов... Но медитируя, я нашел в Твоих словах ложь... Аристократическое презрение к «малым сим» у тебя смешано с «самоунижением» и «смирением» паче гордости: наоборот: в Devotion⁴¹ у тебя утаена нотка «ужимки» и «смешка»... Что-то мне тут чувствуется лживое, лицемерное, несознательное...

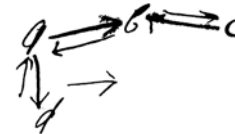
Может быть, я ошибаюсь...

Но уезжая отсюда, я буду знать, «едино»-мысленники ли мы, т. е. я узнаю: каково⁴² реальное содержание Твоего «Freundschaft»⁴³ ко мне: ведь мы «Antroposophische Freinde»...

Во вторник:⁴⁴ Наташа, → почему Тебе показалось, что я на Тебя обиделся? Я не подавал повода; почему, когда я вчера был у Вас узнать, в чем дело (как Вы были у меня, т. е. из лучших чувств), мне показалось, что я Вас чем-то обидел, что самый факт моего появления из лучших чувств встречен Тобой с «протестом»? Все это пустяки, мелочи, но все это проявление чего-то иррационального между нами.

И вот я спрашиваю:

Или мы с тобой «a ↔ b», т. е. пара (каждый человек многократно «парится»

в цепи: Зейлинг сказал: «Нужна цепь: если цепи не будет, все распадется...»); если «пара», то — недостаточно «пара». Если не пара:

a, b, → то: но... об этом «то» мы узнаем очень скоро (будем ли мы вообще относиться друг к другу, когда я выйду из «О-ва» вовсе: т. е. отъеду от всех вас...

Поживем, увидим: ждать не долго...

Не отвечай на письмо. Я отношусь к Тебе прекрасно... Письмо — лишь уведомление Тебя, что я с Тобой не согласен, что принципиально между нами будет еще многое происходить, пока отчетливо не определится мне, с кем я в чем согласен и несогласен.

Кстати: возвращаю Тебе твое письмо рождественское:⁴⁵ перечти его: В нем для меня полное смешение двух несмешиваемых принципов:

«дружбы» и «товарищества», «кнута» и «свободы», «организации» и «конгломерата», «общества» и «государства», «пар» и «единиц», «рабства» и «господства». Со стороны внешней Твое письмо просится в хрестоматии на подобные темы:

«Но я другому отдана
И буду век ему верна»⁴⁶.

Зачем это? Ведь ты меня не любишь⁴⁷...

Перечти письмо: искренне любящий тебя «друг»
(в каком смысле?)⁴⁸.

Б. Бугаев⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Еще один ответ на письмо Н. А. Тургеневой Белому от 1 января 1916 г. (№ 4). Написано до отправки письма Белого М. Я. Сиверс 13 января 1916 г. (см. в наст. изд.). Письмо не датировано. Предполагаем, что этот второй (резкий) ответ на письмо Наташи следовал за первым ответом, так как был спровоцирован неласковой реакцией Наташи на встречу с ним.
- ² Ср. посвящение к «Евгению Онегину» А. С. Пушкина: «...Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет».
- ³ Герои пьес Г. Ибсена «Брант» (1865), «Враг народа» («Доктор Штокман»; 1882), «Кукольный дом» (1879). См. трактовку Белым проблематики этих пьес в его статье «Кризис сознания и Генрик Ибсен» (1910).
- ⁴ Выражение (возможно, калька с немецкого «Gewissenswecker»), ставшее в русской публицистике начала XX в. расхожим штампом. Ср., напр., в лекции С. Н. Булгакова 1904 г.

«Чехов, как мыслитель»: «<...> демократический художник, говорящий о социальных нуждах и болезнях своего времени, тем самым и неизбежно становится и обличителем, социальным пророком своего времени, будителем общественной совести <...>» (Впервые: Новый путь. 1904. №№ 10, 11; отдельное издание: М., 1910. С. 42—43); или в знаменитой, вызвавшей скандал статье В. И. Экземплярского «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых»: «...гр. Л. Н. Толстой — это живой укор нашему христианскому быту и будитель христианской совести» (О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. Сб. 2. С. 112). Оба издания были Белому хорошо знакомы. Благодарим А. А. Долинина, П. В. Резвых, М. Ю. Эдельштейна за подсказки.

- ⁵ Московское Общество Свободной эстетики (1907—1917) объединяло писателей, художников, музыкантов, актеров и др. деятелей культуры. На еженедельных собраниях Общества устраивались лекции, музыкальные и литературные вечера, выставки. По словам Белого, являвшегося активным членом Общества, в нем «соединялись живые силы искусства» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 195). См. подробно главу «Общество Свободной эстетики» (Там же. С. 194—198).
- ⁶ Имеются в виду разработанные и сформулированные Штейнером принципы, которые на общем собрании Немецкого отделения Теософского общества 2—7 февраля 1913 г., принявшем решение от выходе из Теософского общества и организации нового общества — Антропософского, были утверждены в качестве устава. Белый, присутствовавший на этом собрании и вместе с другими теософами вслед за Штейнером перешедший в новое общество, подразумевал следующие параграфы:

«I. В обществе могут братски сотрудничать все те, кто основой проникнутого любовью сотрудничества считает духовное начало, общее всем человеческим душам, как бы они ни различались верой, национальностью, сословием, полом и т. д.

II. [В нем] следует содействовать исследованию скрытых за всеми чувственными сверхчувственных явлений и служить распространению настоящей науки о духе» (*Steiner R. Entwurf der Grundsätze einer Anthroposophischen Gesellschaft*; цит. по: *Unger C. Schriften. Bd. 2. Stuttgart, 1966. S. 98—102*; перевод С. В. Казачкова. Приносим ему благодарность за указание на этот текст и помощь в работе).

- ⁷ Антропософские друзья и подруги (нем.); у Белого здесь и ниже слово «Freudinnen» написано с ошибкой, с одним «п». Подобное обращение, внешне корректное, но без глубокого внутреннего понимания, а потому неискреннее, Белый и впредь подвергал критике. Например, в письме к Михаилу Бауэру 1921 г., жалуясь на холодность жены, А. А. Тургеневой: «„Дорогой антропософский друг, дорогая антропософская подруга?“ — как... фрейлин Мюкке и как фрейлин Киттель? Разве они не являются „дорогими подругами“? О, — вот и чудесно: у меня есть столько подруг — сотни, тысячи! <...>» (*Белый А. Письмо Михаилу Бауэру (1921) / Подгот. текста и примеч. М. Л. Спивак; пер. Х. Шталь // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, М.: Изд-во филол. ф-та в Белграде, 2017. С. 233*). То же в работе 1928 г. «Почему я стал символистом...», где Белый называл подобный стиль общения «маниловщиной» (*Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 462*).

- ⁸ Герой всех четырех драм-мистерий Штейнера (см. примеч. 4 на с. 104). В мистериях «Врата посвящения», «Испытание души», «Страж порога» Бенедикт представлен как «иерофант», «глава Солнечного Храма», в котором «группа учеников видит знатока глубоких духовных тайн». «В „Страже Порога“ он является выразителем духовного течения, которое хочет заменить новой живой духовностью древние духовные традиции, охраняемые „Союзом Мистов“». В „Пробуждении Душ“ Бенедикт уже не просто стоит над своими учениками, но и вплетен собственной своей судьбой в душевные переживания этих учеников» (*Штайнер Р. Драммы-мистерии / Пер. с нем. Н. Н. Белоцветова, сверен с оригиналом и отредактирован А. А. Демидовым. М.: Энигма, 2004. С. 442 — прамбула к мистерии «Пробуждение душ*). Приведенных Белым слов Бенедикта («Здесь заключен союз душ» — нем.) в мистериях Штейнера нет; писатель, видимо, дает вольный пересказ их идеи.

⁹ *Seelenbund* (нем.) — связь душ.

- ¹⁰ Персонажи драм-мистерий Р. Штейнера, «существа человеческого духовного элемента». В мистериях «Испытание душ», «Страж порога», «Пробуждение душ» «Филия, Астрид, Луна — духовные существа, которые связывают человеческие душевные силы с космосом», являются «посредниками» между ними; в мистерии «Врата посвящения» они — «подруги Марии, прообразы которых раскрываются в действии как Духи душевных сил Марии». «Другая Филия» в мистерии «Пробуждение душ» — «носительница элемента любви в том мире, к которому принадлежит духовная личность»; в мистериях «Испытание душ» и «Страж порога» — «духовное существо, препятствующее соединению душевных сил с космосом» (во «Вратах

посвящения» не действует). См.: Штайнер Р. Драмы-мистерии. М.: Энигма, 2004.

¹¹ Klatscherei (нем.) — сплетни, болтовня.

¹² У Белого: «Отношения», «апеллирует». Синтаксис предложения несколько нарушен.

¹³ Белый цитирует не Фому Кентерберийского (Томас Беккет; 1118—1170), архиепископа Кентерберийского, убитого на ступенях алтаря собора и причисленного к лику святых, а Павла Александровича Флоренского (1882—1937, с 1911 г. священника), его «Столп и утверждение истины: Опыт утверждения православной теодицеи» вышло в издательстве «Путь» (М., 1914), с которым Белый познакомился в марте 1914 г.: «Читаю книгу Флоренского „Столп и Утверждение истины“» (РД. С. 410). Ср.: «Так, говоря о хождении монахов по два, Фома Кентерберийский приводит народную пословицу: „Miles in obsequio famulum, clericus socium, monachus habet dominum“, т. е.: „для воина послушник — слуга, для клирика — со-товарищ, для монаха — господин“.

Да; и всякая дружба, как и вообще жизнь христианская в этом смысле есть монашество. Каждый из друзей безропотно смиряется пред своим спутником жизни, как слуга пред господином: тут вполне оправдывается французская пословица: „Qui a compaignon, a maître, — у кого спутник, у того — и господин“. В этом-то и лежит послушание дружбы, несение креста Друга своего.

Верность раз завязавшейся дружбе, неразрывность дружбы, строгая, как неразрывность брака, твердость до конца, до „кровей мученических“ — таков основной завет дружбы, и в соблюдении его — вся сила ее» (Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины: Опыт утверждения православной теодицеи. М.: Путь, 1914. С. 444—445. Гл. XII: Письмо одиннадцатое: дружба).

¹⁴ Там же. С. 445.

¹⁵ Книга бельгийского писателя Мориса Метерлинка (1862—1849) «Сокровище смиренных» (1896). В переводе Л. Н. Вилькиной и Н. М. Минского неоднократно издавалась в России (напр.: Метерлинк М. Сокровище смиренных. СПб.: Типо-литография С. Н. Цепова, 1903; Метерлинк М. Полное собрание сочинений / Под ред. Н. М. Минского. Пг.: Товарищество А. Ф. Маркс, 1915. Т. 2). Флоренский ссылается на издание: Maeterlinck M. Le Trésor des Humbles, 24-me éd. Paris 1901, на главу XI «La bonté invisible» («Незримая доброта»). С. 236—237 и оговаривает, что «текст слегка изменен» (Флоренский П. Столп и утверждение истины. С. 788).

¹⁶ Ср.: «Библия показывает и осуществление этого идеала дружбы в живой действительности. Разумею трогательную до остроты дружбу Давида с Ионафаном, изображенную в словах не многих, но, быть может, от того именно трогательных до боли: „Как будто для меня именно написанных“, — подумает о них каждый» (Там же. С. 416).

¹⁷ Там же. С. 447. Флоренский ссылается на то же сочинение Метерлинка (С. 198—200).

¹⁸ Там же. С. 415.

¹⁹ Ср.: «Призвав „двенадцать“ учеников, Господь посылает их на проповедь по два, — καὶ ἤρξατο αὐτοὺς ἀποστέλλειν δύο δύο — причем это отправление по два ставится в связь с дарованием власти над нечистыми духами, т. е. харизмы, — первое всего, — целомудрия и девственности: „и призывает их — и начал посылать по два, — и дал им власть над духами нечистыми...“ (Мк. 6: 7)» (Там же. С. 419—429).

²⁰ χάρισμα (греч.) — харизма, божий дар, χάρις — благодать, красота.

²¹ Ср. отсылку Белого к статье «Общественная совесть» (Свободная совесть: Литературно-философский сб. Кн. 1. М., 1906.

С. 296—304) в разговоре со Штейнером 27 сентября 1915 г.: «Будучи совсем юн, я напечатал статью, где сравнивая Левиафана с государством, а Жену Облеченную <в> Солнце с общиной, я мыслил самое „земское собрание“ собранием двенадцати апокалиптических старцев» (Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 86).

²² Сборники статей Белого: «Луг зеленый» (М.: Альциона, 1910), «Арабески» (М.: Мусагет, 1911).

²³ Возможно, Белый отсылает к книге Штейнера «Философия свободы»: «Если Кант говорит о долге: „Долг! Ты возвышенное, великое имя, не содержащее в себе ничего излюбленного, сопровождаемого льстивой вкрадчивостью, но устанавливающее закон... перед которым умолкают все склонности, хотя бы втайне они и противодействовали ему“, — то из сознания свободного духа человек возражает ему: „Свобода! Ты, приветливое, человеческое имя, содержащее в себе все нравственно излюбленное, поскольку оно наиболее отвечает моему человеческому достоинству, и не делающее меня ничьим слугой; ты, что не устанавливаешь голого закона, но выжидаешь того, что моя нравственная любовь сама признает за закон, ибо перед каждым только навязанным законом она чувствует себя несвободной“» (Штейнер Р. Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественнонаучному методу. GA 4 / Пер. Б. П. Григорова; сверка и ред. К. А. Свасьяна. Ереван: Ной, 1993. С. 149). Анализ философии Канта с антропософских позиций был посвящен дорнахский курс из 12 лекций «Кант и Штейнер в свете современных теоретико-познавательных проблем» (см. примеч. 7 на с. 150).

²⁴ От службы в армии Белый после возвращения в Россию был в конце концов освобожден.

²⁵ Von Herz zu Herz (нем.) — от сердца к сердцу.

²⁶ Флоренский П. Столп и утверждение истины. С. 455—456. По словам Флоренского, он приводит в книге «почти в их сыром виде» «чуть ни на удачу несколько отрывков из разных мест» дневника, который достался ему «после смерти одного из близких»: «Среди многих других жизненных затруднений покойный мучился этим трагизмом дружбы, этой необходимостью положить душу свою за друга, — собственно и точнее, — кажущуюся бессмысленностью такой жертвы. И, думается, было много взаимного непонимания. Мне думается также, что покойный так и не сумел смириться до конца. Но, для пояснения мысли моей, для конкретности представлений о дружбе, его заметки дают довольно ценный материал» (Там же. С. 452).

²⁷ Fall (нем.) — случай, ситуация.

²⁸ У Белого здесь и выше «такого».

²⁹ Из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» А. С. Пушкина: «Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня?» (1830).

³⁰ Ср. запись Белого в «Материале к биографии» за сентябрь 1914 г.: «<...> наступает туманная и дождливая осень; на сердце грустно; страсть к Наташе усиливается: я проклинаю свое чувство к Наташе, мучаюсь угрызением совести; со мной происходит страшный сердечный припадок; я думаю, что это — ангина; меня начинает лечить Фридкина; выясняется, что это сердечный невроз» (МБ. С. 186). Фридкина Генриетта Гинда (1879—1943), антропософка, участница строительства Гетеанума, художница, врач, лечившая Белого и А. А. Тургеневу антропософской методикой. В 1915 г. Белый часто общался с Фридкиной, подозревал, что

она в курсе его личных проблем и относится к нему недоброжелательно (МБ. С. 207, 217 и др.).

³¹ С Т. Г. Трапезниковым у Белого с конца 1914 г. «начали складываться очень тесные отношения»; он был посвящен в личные проблемы писателя, поддерживал утешал его: «Так в беседах с Трапезниковым <...> черпал я некоторую моральную силу; и кроме того: в этих беседах я выходил из той густой атмосферы „тургеневщины“, в которую погружали меня по-разному сестры „Тургеневы“, т. е. Наташа и Ася, каждая по-своему; Трапезников как бы мне говорил: „Будьте свободны и независимы: не висите душевно на Анне Алексеевне: она — человек холодный и сдержанный; вы разобьетесь о ее холод“ <...>; в этих беседах впервые наметилась мне моя будущая эмансипация от „Наташи“ и „Аси“, кончившаяся свержением навсегда „татарского ига“ моей души (род Тургеневых — татарского происхождения)» (МБ. С. 192).

³² См. примеч. 13 на с. 179—180.

³³ Из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1829).

³⁴ Ср. в статье В. В. Розанова «Когда-то знаменитый роман» (Новое время. 1905. 8 ноября): «Я долго наблюдал. И совершенно не знал исключений из правила: 1) умеренность и аккуратность в сфере пола — сухость, лживость, бессердечие, жестокость, часто бесталанность; 2) „еда и питье с блудницами“ и доброта, открытость, товарищество к человечеству „всем ровня“ и часто гениальность или большой талант» (Розанов В. В. Собр. соч. Т. 4. О писательстве и писателях / Сост., подгот. текста и коммент. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 191). Сообщено И. А. Едошиной.

³⁵ Вильгельм Зеллинг (Selling; 1869—1960), берлинский антропософ, один из «внутренних», «эзотерических» учеников Штейнера. Белый познакомился с ним в Берлине

в 1913 г. и дал в «Воспоминаниях о Штейнере» развернутый его панегирический портрет (ВШ. С. 409—413) как «праведника», «стража храмового порога, крылатого рыцаря (с невидимыми пурпурными крыльями за плечами)»: «<...> строго-синий, иконописный луч больших глаз из-под очков, пронизывающий Зеллинга-добряка, Зеллинга-шутника, Зеллинга-хлопотуна, есть взгляд ангелической скорби, вперенной в мать зла мира сего и говорящего этому миру строгое, гневное, непримиримое: — „Не принимаю: отдаю огню и мечу!“ Таков строгий Зеллинг, живущий в добряке Зеллинге: Зеллинг-эсотерик» (ВШ. С. 412).

³⁶ В июле 1914 г. в шведском городе Норчепинг Белый и А. А. Тургенева были допущены на «интимнейшие собрания у доктора для избранных членов, посвятивших себя духовной работе» и приняты в узкий эзотерический круг учеников Штейнера («посвящение в М. Е.», то есть «Mystica Aeterna». — МБ. С. 175, 246). Тогда же Белый отмечает в «Ракурсе к дневнику» «встречи с Зейлингом» (РД. С. 413). Видимо, именно на них намекал Белый в мемуарах, когда указывал, что Штейнер «высоко поднял» Зеллинга «в гиератическом отношении на внутреннейших собраниях», и подчеркивал, что «кто имел счастье на них попасть, — никогда не забудет роли Зеллинга в них <...>» (ВШ. С. 412).

³⁷ А. М. Поццо.

³⁸ Последнее собрание М. Е. состоялось в Базеле 27—28 июля 1914 г. Из-за войны такие встречи были прекращены.

³⁹ Заключительная строфа стихотворения М. А. Кузмина «Окна плотно занавешены...» (третьего в цикле «Мудрая встреча»; 1907) из его сборника «Сети. Первая книга стихов» (М.: Скорпион, 1908). Белый ранее использовал эти строки как эпиграф к четвертой симфонии «Кубок метелей» (М.: Скорпион, 1908).

⁴⁰ Возможно, речь идет о встрече, несколько иначе описанной в «Воспоминаниях о Штейнере»: «„Знаете, как я говорю, — объясняет мне Зеллинг, приехав в Дорнах и зайдя к нам ужинать. — Я открываю рот, — и — ничего: но я знаю — пришло то, что я должен сказать; оно — и тут вот“, — и он показал на сердце. „Я — жду, чтобы внешние мысли не замутили; и меня ждут; а большая мысль не приходит. И вот чувствую — пора говорить; и говорит не ‘старый Зеллинг’, а кто-то другой. Кончил, — и опять: только ‘старый Зеллинг’“. Рассказывая мне это, он, выскочив из-за стола, произвольно присел чуть ли не на корточки, заглядывая на меня огромными, строгими, синими глазами, расширенными с каким-то невыразимым выражением и напоминая в эту минуту мне иконописный лик старого новгородского письма, реставрированного от копоти — лик... ангела... написанного Рублевым; странно сказать: бритый муж (под пятьдесят лет), с большим носом, в очках, в черном сюртучке, но — сидящий странно на карачках, и... Рублевский ангел; а между тем в чем-то неуловимом да: только с древней иконописью мог бы сравнить его; употребляю выражение „ангел“ <...> в смысле суровой дорической строгости, горности и какого-то „со страхом Божиим“, которым он сопровождал это неожиданное признание, как бы перстом руки грозя: „Не предай духу тьмы слов моих, чтобы признание мое не обернулось в тебе грехом“. И не ему бы сидеть почти на карачках, а мне бы сидеть под ним, сложив руки и принимая звучащую мне весть о тайнах мудрости, в которую он уже введен <...>, а я — нет» (VIII. С. 411).

⁴¹ Devotion (англ.) — преданность, верность, самоотдача.

⁴² У Белого «какого».

⁴³ Freundschaft (нем.) — дружба.

⁴⁴ 28 декабря 1915 г.

⁴⁵ См. предыдущее письмо.

⁴⁶ Из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (заключительные строки письма Татьяны Онегину).

⁴⁷ Возможно, отсылка к предыдущей строке письма Татьяны Онегину: «Я вас люблю (к чему лукавить?)».

⁴⁸ «в каком смысле?» — вписано над строкой (без скобок).

⁴⁹ Подпись («Б. Бугаев» вместо прежнего «Боря») свидетельствует о попытках Белого перевести отношения из интимных в официальные.

7

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

<ДОРНАХ. ЯНВАРЬ 1916 Г.>¹.

Милая Наташа, —
— трушу, но... не уступаю; подставляю за письмо остатки вихра (оттаскай меня за него по-дружески!): ругай, бей, но... не сердись; — а то — право! — страшно... Ведь я напуган и со страху уже готов встать в боевую позицию («на, вот, бей!»).
Милая, не сердись,

Боря.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо не датировано. Извиняющаяся интонация позволяет предположить, что оно было написано сразу после резкого ответа Белого (письмо № 6) на письмо Н. А. Тургеневой (№ 4).

8

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

<ДОРНАХ. ЯНВАРЬ 1916 Г.>¹

Милая милая Наташа, —
Спасибо Тебе за ласковое посещение. Прости, если вчера я был с Тобой — смутный; мне после наших слов стало невыразимо больно; но вот — боль утихла: и сердце подсказывает: это был кризис; мне удалось, кажется, вовсе с корнем вырвать все смутное между нами; хочу Тебя видеть впредь ясной, ко мне расположенной (сестрой Аси) и стало быть: радоваться, что все миновало; чувствую: гроза была и прошла; и последние вспышки смутности загорелись от Твоих хотя и милых, но мне больно слышимых слов.

Господь с Тобой, милая Наташа.

Спасибо.

Прости меня за неровности: скоро все — очистится между нами.

Любящий Тебя

Борис Бугаев².

Что ж мне делать, если даже вне всякой влюбленности Ты мне так близка и так... непонятна³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо не датировано. Очевидно, написано после того, как состоялся разговор, о котором Белый просил Наташу в письме № 5.
- ² Подпись, как и в письме № 6, является знаком перехода на более прохладные, официальные отношения.
- ³ Последняя фраза вписана сверху листа.

9

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И А. А. ТУРГЕНЕВА — Н. А. ПОЦЦО

ЛУГАНО. 29 АПРЕЛЯ 1916 Г.¹

Милая Наташа,

Извещаю Вас о нашем адресе: Lugano-Paradiso², Hotel—Bellevue et du Lac. Ch<ambre> № 34³. Нам.

Передай М. В. Волошиной, что зовем ее. Т. А.⁴ пробудет до 15 мая и тоже зовет ее (она не хочет возвр<ащаться> в Дорнах). Привет Гаранту⁵.

Привет А. М.⁶

Б. Бугаев.

Приписка А. А. Тургеневой:

Здесь красиво. Целую, А.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Почтовая открытка с видом Лугано. Датируется по штемпелю. Адресовано: Dornach-Brugg. Soleure. Aeschstr<asse>. 64. III. A Madame N. Pozzo. Suisse.

Dornach-Brugg (нем.) — Дорнах представляет собой объединение двух деревень: Dornachdorf (или Oberdornach), то есть Верхний Дорнах, расположенный на холме, где строился Гетеанум, и Dornachbrugg, Нижний Дорнах, находящийся у подножия этого холма; Soleure (фр.) — французское

- именование швейцарского кантона Золотурн, в котором находится Дорнах.
- ² Парадиз — крохотное поселение (тогда деревня, сейчас городок) рядом с Лугано, на берегу Луганского озера и склоне горы Сан-Сальваторе. Белый и А. А. Тургенева жили там с конца апреля примерно по середину мая 1916 г. См. в письме матери А. Д. Бугаевой от 10/23 июня 1916 г.: «В мае 2 недели прожили для отдыха в Лугано <...>» («Люблю Тебя нежно...»). С. 229).
- ³ Правильно: Hotel Bellevue au Lac. Lac (фр.) — озеро; chambre (фр.) — номер в гостинице.
- ⁴ Татьяна Алексеевна Бергенгрюн (см. примеч. 67 на с. 127) была теткой М. В. Сабашниковой (Волошиной), сестрой ее матери Маргариты Алексеевны, урожд. Андреевой. Ср. запись в «Ракурсе к дневнику» за апрель 1915 г.: «Лугано. Ряд прогулок, частые встречи с Бергенгрюн <...>» (РД. С. 425).
- ⁵ Гарантом русской антропософской группы в Дорнахе был Т. Г. Трапезников.
- ⁶ А. М. Поццо.

10

А. А. ТУРГЕНЕВА И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. А. ПОЦЦО

ЛУГАНО. 12 МАЯ 1916 Г.¹

Наташа, выезжаем в субботу утром² и приедем в понеделник* или вторник вечером. Можешь сказать это Frau Thomann?³ и чтобы она приготовила масла, хлеба, молока и спирту. Здесь хорошо, но рада домой.

Боря отдохнул⁴.

Целую Ася.

Приписка Андрея Белого:

*Милая Наташа,
выезжаем в [зач.: воскресенье] понедел<ь>ник,
вторник, вероятно будем в [зач.: вторник] или в сре-
ду, четверг. Здесь хорошо, но... проживаемся.

Привет А. М.⁵

<...>⁶ Бор. Буг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На почтовой открытке с видом Лугано. Адресовано: Frau Pozzo. Aeschstrasse 64 III. Dornach bei Basel. Датируется по штемпелю.

² Т. е. 13 мая 1916 г.

³ Хозяйка дома в Дорнахе, где Белый с А. А. Тургеневой жили с февраля 1915 г. (Kanton Solothurn. Dornach (bei Basel). Blumenweg 3). Ср. запись в «Материале к биографии»: «<...> это — домик, стоящий на перекрестке дорог, ведущих из Арлесгейма в Обер-Дорнах и из Нижнего Дорнаха к „Вау“ <...>; этот домик — изолирован; его окружает зелень; он стоит как раз против Villa „Hansi“, принадлежащей доктору <...>; второй этаж домика сдается; в нем 3 комнаты, коридор и чистая удобная кухня с террасой <...>; владелица домика милая старушка, Frau Thomann, отдает его нам за сравнительно дешевую цену; у нее для нас оказывается приходящая прислуга, которая с 9 до 12-ти должна нам убирать комнаты, мыть посуду и заготавливать что-нибудь для ужина; с обедом мы устраиваемся с кантиной; нам берутся доставлять обед из кантины, находящейся в расстоянии 7-минутной ходьбы до домика <...>» (МБ. С. 198). Белый с А. А. Тургеневой занимали две комнаты, третью сдавали.

⁴ Ср. записи Белого об отдыхе в Лугано в «Ракурсе к дневнику»: «Ряд прогулок, частые встречи с Бергенгрюн; встречи, беседы и завтраки с Боборькиными, живущими в Лугано» (РД. С. 425); и в автобиографическом регистре «Работа и чтение»: «Поездка в Лугано. Читаю Тургенева. Много прогулок в горах» (Белый А. Автобиографические своды... С. 655).

⁵ А. М. Поццо.

⁶ Перед подписью зачеркнуто слово.

11

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

<ДОРНАХ. КОНЕЦ МАЯ — НАЧАЛО ИЮНЯ 1916 Г.>¹

Дорогая Наташа,

Я прошу довести до сведения Л. Л. Кобылинского (Эллиса), что в ответ на слухи вызвать меня свидетелем против Л. Л. Кобылинского², я послал адвокату г. Польмана³, д-ру Мюллеру письмо следующего содержания:

Я уведомляю д-ра Мюллера о глубоком моем удивлении, что я вызываюсь по делу, меня не касающегося [sic!], против Л. Л. Кобылинского⁴, которого я могу охарактеризовать в нравственном отношении с самой лучшей стороны; я уведомляю через него г. Польмана, что в случае его вызова меня свидетелем я с радостью готов дать самые лучшие показания о Л. Л. Кобылинском, с последним вот уже 2 ½ года у меня глубокое идейное расхождение⁵; тем с большей охотой я готов поддерживать честь и доброе имя Л. Л. Кобылинского; оба мы принадлежим к одному классу; оба мы писатели по призванию (между прочим, я член ряда обществ в России и корреспондент из Швейцарии Бирж<евых> Ведомостей⁶); там, где затрагивается наша взаимная честь, мы должны друг друга поддерживать;

в этом — наше корпоративное чувство; письмо отослано 28 мая н<ового> ст<илия>.

Копия с письма и квитанция у меня хранятся⁷.

Вместе с тем я не отсылаю копии с письма адвокату г-жи Польшман на следующих основаниях: 1) Я настоятельно прошу меня устранить от всякого свидетельствования, потому что настоящий судебный процесс есть процесс супругов Польшманов, а не Эллиса. 2) Письмо столь решительного содержания я написал адвокату г. Польшмана, чтобы сему лицу стало ясно, что меня привлекать к свидетельствованию нечего. 3) Отправив копию с сего письма адвокату г-жи Польшман я как бы напрашиваюсь на то, чтобы противная сторона меня привлекла в свидетели против г-на Польшмана. Между тем: я не желаю вмешиваться в дела господ Польшман и не знаю во все в точности, что происходило между г. Польшманом и г. Л. Л. Кобылинским за эти 2 ½ года. Если бы на г. Эллиса напали на суде, то я мог бы дать письменное показание в пользу г. Эллиса, основываясь на общении с ним от 1902 года до 1913 года; мог бы вкратце указать на Рум<янцевский> инцидент, его исчерпанность⁸ и т. д.; но до явного нападения на г. Эллиса, порочащего его честь, я не считаю возможным вмешиваться в [зач: чужие] судебные разбирательства столь интимного свойства: ко всем бракоразводным делам питаю я инстинктивную неприязнь, и быть замешанным в них, хотя бы по поводу Эллиса, весьма тягостно было бы для меня.

Кроме того: я устал и усиленно работаю над романом⁹; часть которого мне надо непременно окон-

чить до воинского призыва¹⁰, чтобы суметь его пристроить и этим знать, что обеспечена Ася¹¹.

Между тем, я чувствую себя неважно и очень нервно: прошу очень ни во что меня не замешивать. У меня множество тягот и огорчений, а сил — мало; я полагаю, что должно уважать право писателя работать над своим произведением.

Прошу уведомить, что я не обязан на протяжении всей своей жизни испытывать прямые и косвенные неприятности от Эллиса; что по отношению к членам А<нтропософского> О<бщества> у меня те же критерии отношений, что и по отношению ко всем людям; ни отстаивать 4000 человек (антропософов), ни нападать на них у меня нет намерения; среди 4000 могут быть умные, глупые, злые и добрые люди — нравственные и не нравственные; сами тезисы «нападать на А. О.», «защищать А. О.» кажутся мне негуманными, дикими, нелепыми; и как нелепо думать обо мне, что я могу хотеть кого-либо губить за Антр. О-во, т. е. за конгломерат разнообразных людей, так же нелепо желание показывать за А. О. или против него: быть за А. О. или против него нельзя на суде против отдельного человека; это значит переносить критерии об индивид<уальных> свойствах человека на 4000 неповинных в этих свойствах людей, т. е. инкриминировать, ибо всякая психологич<еская> характеристика, например, «общества» на суде в условиях и формах суда есть немотивированная инкриминация. И столь же нелепо из-за А. О. нападать на отдельного человека: тот факт, что Эллис мог думать, что из-за О-ва я мо-

гу унизиться до «гадостей», т. е. клевет на него на суде — печально характеризует мне Эллиса и лишь поддерживает мое желание и почти требование — не «ввязывать» меня в мало известное мне дело: тяжбы супругов Польшман друг с другом.

Я желаю быть лишь свободным от этих принуждений и, не желая быть свидетелем против Эллиса (я не могу быть свидетелем против него, надо это понять), я не хочу быть и свидетелем против Польшмана. Как удаляюсь я от всех разборов внутри А. О., так же я желаю стоять в стороне от предстоящего дела.

Передай, что я работаю над ответств<енным> худож<ественным> произведением, и надеюсь, что встречу уважение со стороны людей, заявляющих о своем уважении к искусству, — уважение в праве художника стоять далеко от «житейского шума»¹² в период творчества.

Кроме того: меня, кажется, и не будет под Базелем¹³ в дни суда.

Б. Бугаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо не датировано; написано между 28 мая и 8 июня 1916 г. Первая дата упоминается ниже как дата отправки Белым письма адвокату Дж. Польшмана с отказом от участия в судебном процессе. 8 июня отправлено письмо Э. К. Метнера Н. А. Тургеневой, в котором обсуждается это письмо Белого (см. на с. 294—296 наст. изд.).

² Речь идет о начавшемся в 1916 г. в Базеле бракоразводном судебном процессе между Иоганной Польшман-Мой

(Polman-Mooy Johanna; урожд. ван дер Мойлен (van der Meulen); псевдоним Intermediarius; 1874—1953), голландской оккультисткой, ясновидящей, создательницей собственного эзотерического учения, и ее мужем, Джоном (Иоганном) Польшман-Мой (род. 1858). Согласно версии Эллиса, привлеченного к процессу в качестве сожителя Иоганны (она стала его подругой и спутницей жизни в 1912 г.), «брак Пульманов был заключен с условием немедленного Scheidung'a» (то есть развода) «в случае желания одной из сторон. Дело началось с того, что пожелал сам Джон, встретивший госпожу Грундер и желавший на ней жениться. Узнав, что она Грундер уже именуется г-жой Пульман, Johanna также решила на Scheidung. Тогда вдруг Джон заявил, что низачто не даст согласия на расхождение, ибо Johanna — ненормальная <...>. Johanna 2 раза все подробно описала Steiner'у и Sivers, прося уговорить Джона согласиться на развод. Ответ === г-жа Грундер была с честью принята в число лиц, слушающих вступительный курс по антропософии, письма Johann'ы остались без ответа, а когда она начала процесс о разводе, ибо иных путей не осталось, супруги Steiner мобилизовали своих рабов для судебного трактования Johann'ы — блудницей, меня — сутенером, а г-жу Грундер — невестой Джона» (Письмо от 20 октября 1917 г. // ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 10—10 об. Полужирным выделены слова, подчеркнутые дважды, полужирным и разрядкой — трижды). Суд завершился 26 июня 1917 г. победой И. Польшман. См.: *Нефедьев Г. В., Логунова Л. Ю., Кудрявцева Е. Л.* Размышления о «Размышлениях о Гете»: дуэль четверых // «Мой знак пред жизнью вереск гор»: Русская эмиграция в архивах Швейцарии / Сост. Е. Л. Кудрявцева, Г. Риггенбах; ред. В. Янцен. М., 2003. С. 421—446; Глуховская Е. А. Последний год «Мусаета»: Эллис между

Эмилием Метнером и Андреем Белым // *Арабески Андрея Белого* / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, 2017. С. 289—290 и примеч.).

- ³ Джон Польшман мог надеяться на участие Белого в судебном процессе, так как оказался непосредственным свидетелем его окончательной ссоры Эллисом в октябре 1913 г. (разрыв отношений был вызван отходом Эллиса от антропософии и подготовкой к публикации в издательстве «Мусажет» антиштейнеровской брошюры «Vigilemus!» — М., 1914). См. об этом в письме Белого к Э. К. Метнеру от 1(14) ноября 1913 г.: «Все это было мною высказано г-же Пульман в присутствии свидетелей г-на Пульмана и моей жены. Было высказано и то, что я прошу его выйти не для теоретических разговоров или пререканий, а для ознакомления с историей отсылки им брошюры; но он спрятался; тогда я выдвинул, что понимаю его уклонение от 5-минутного разговора как жалкий страх, и предупредил, что если он не выйдет, то я развязываю себе руки называть его лишенным чести перед всеми. Он — не вышел <...>» (*Белый — Метнер*. С. 626). Эллис также подозревал, что Белый при последующих встречах с Польшманом рассказывал про него различные компрометирующие истории (см. письмо Метнера к Н. А. Тургеневой от 8 июня 1917 г. в наст. изд. (с. 294—296)).
- ⁴ Белого внесли в список свидетелей со стороны Джона Польшмана без его ведома.
- ⁵ См. об этом в записях за 1913 г. в «Материале к биографии»; а также: *Лавров А. В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусажете» // Книгоиздательство «Мусажет». История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы / Сост. А. Резниченко. М., 2014. С. 13—33.
- ⁶ См.: *Белый А.* Очерки 1916 года для газеты «Биржевые ведомости» / Подгот. текста и коммент. Д. О. Торшилова,

Е. В. Глуховой // *Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы* / Отв. ред. В. В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 174—242.

- ⁷ Эти документы нам неизвестны.
- ⁸ Имеется в виду получивший широкую огласку скандал: летом 1909 г. Эллис был уличен в том, что, работая в библиотеке Румянцевского музея над своей книгой «Русские символисты. Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый» (М.: Мусажет, 1910), вырезал страницы из музейных книг (испорченными оказались две «Симфонии» Белого). Эллис в письме к В. Я. Брюсову от 20 августа 1909 г. объяснил случившееся следующим образом: «Случалось, что у меня под руками находились дубликаты книг, одна книга музейская (по требованию), другая моя. Дело в том, что, вклеивая вырезку ради стр. 100, я гублю при вклейке и стр. 101. Поэтому у меня очутились два экземпляра симфоний А. Белого. Я по ошибке вырезал и вклеил открыто музейским клеем при чиновниках и солдатах две цитаты из музейского экземпляра. <...> Я сейчас же съездил в „Скорпион“ и вернул свежие экземпляры книг (1 стр. из „Кубка метелей“, другая из „Северной симфонии“). Дело кончилось, и я продолжал заниматься и успел закончить свой труд» (*Писатели символистского круга: Новые материалы* / Публ. и коммент. А. В. Лаврова. СПб., 2003. С. 323).

Той же версии придерживался и Белый, считавший, что беспочвенные обвинения Эллиса в воровстве вызваны прежде всего желанием скомпрометировать символистов из журнала «Весы»: «<...> он работал в музее над книгою о символизме; к несчастью для него, его посадили в отдельную комнату; и кроме того: в эту комнату его допустили с комплектом его же книг, только что подаренных ему

„Скорпионом“ специально для нужных вырезок и вклеек в рукопись; пользовался же он двойным комплектом: музейским (для справок) и „скорпионовским“ (для вклейки); и раза два, перепутавши книжные экземпляры, выкромсал ножницами — из экземпляров музейских; именно: он испортил вырезками страницу в моей книге „Северная симфония“ и страницу в моей же книге „Кубок метелей“; <...>; Эллису сделали строжайший выговор: конечно, за неряшество, а не за воровство; и лишили права его работать в музее. <...> пронюхал какой-то газетчик; враги „Весов“ вздули до ужаса инцидент; неряшество окрестили именем кражи <...>» (Белый А. Между двух революций. С. 328—333 и примеч. 535—537; гл. «Инцидент с Эллисом»).

По факту порчи книг было проведено тщательное разбирательство; 7 ноября 1909 г. состоялся «третейский суд» (Суд чести Общества периодической печати и литературы), не обнаруживший в действиях Эллиса злого умысла.

- ⁹ Речь идет о работе над романом «Котик Летаев». Белый писал его в Швейцарии с октября 1915 г. по июль 1916 г.; пять готовых глав выслал Иванову-Разумнику 11/24 июля 1916 г. (Белый — Иванов-Разумник. С. 70—71); последнюю шестую главу и эпилог дописывал уже в России, в октябре 1916 г.
- ¹⁰ См. о том же в письме к матери от 19 апреля 1916 г.: «<...> мне надо упорно и много работать в спокойнейших, несуетливых условиях, чтобы успеть кончить **до призыва**, или до мира, если таковой будет, первую часть нового моего романа — **во что бы то ни стало** <...>» («Люблю тебя нежно». С. 222). О своем призыве на воинскую службу Белый он узнал из посланной из Москвы в Дорнах телеграммы А. С. Петровского от 15/28 июля 1916 г. («Мой вечный спутник по жизни»: Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского. Хроника дружбы / Вступит. ст., сост., коммент.

и подгот. текста Дж. Малмстада. М.: НЛО, 2007. С. 257). Призыв стал причиной возвращения Белого в Россию осенью 1916 г.

- ¹¹ Речь про договоренности с Ивановым-Разумником о публикации «Котика Летаева» в альманахе «Скифы». Ср. в письме Иванова-Разумника Белому от 13/26 мая 1916 г.: «Дорогой Борис Николаевич <...>. Сегодня пишу лишь об одном деле: пришлите мне скорее Ваш роман, я имею возможность хорошо устроить его к осени. Посылайте мне на типографию Стасюлевича <...>» (Белый — Иванов-Разумник. С. 67).
- ¹² Образ из стихотворения Владимира Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892): «Милый друг, иль ты не слышишь, / Что житейский шум трескучий — / Только отклик искаженный / Торжествующих созвучий?». Однако, как кажется, Белый понимает его по-пушкински, полагая, что поэт в период творчества чувствует, что рожден «не для житейского волнения, не для корысти, не для битв» («Поэт», 1827), а потому «бежит он, дикий и суровый, / <...> На берега пустынных волн, / В широкошумные дубровы» («Поэт и толпа»; 1829).
- ¹³ То есть в Дорнахе, находящемся рядом с Базелем.

<МОСКВА>. 10 МАЯ 17 ГОДА

Милая Наташа,

прости, что не писал Тебе эти восемь месяцев¹. Темп нашей жизни огненный². Иногда по 2 недели не могу улучшить время, чтоб написать Асе.

У меня к Тебе просьба: если Тебе не трудно, напиши мне всю правду об Асином здоровье. Я очень обеспокоен. Она пишет, что — слаба³.

Между прочим: я послал 400 рублей Асе, а Саша послал Тебе 100 рублей. Но по техническим условиям пришлось все 500 рублей переслать на имя Аси, ибо с переводами в 100 рублей обстоит дело трудно. Саша — на Кавказе⁴. Ему хорошо. На Пасхе⁵ он был у Софьи Николаевны. Теперь — он там⁶.

Софья Николаевна чувствует себя хорошо и бодро. С Владимиром Константиновичем у них — ладно.

Прости, что так пишу коротко. У нас 3 часа ночи. А завтра рано вставать. Желаю Тебе всего доброго и ясного. Очень, очень, очень буду благодарен хотя бы за несколько строк об Асе.

Остаюсь искренне преданным.

Борис Бугаев.

P. S. Одновременно пишу Асе длинное письмо⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ То есть с отъезда из Дорнаха в середине августа 1916 г.
- ² О бурной жизни Белого в России в то время см. в «Ракурсе к дневнику» (РД. С. 428—435) и в автобиографическом регистре «Жизнь без Аси» (Белый А. Автобиографические своды... С. 664—671).
- ³ Это письмо нам неизвестно. Ср. «Жизнь без Аси», запись за 22—30 апреля 1917 г.: «Письма от Аси (радость)» (Там же. С. 669).
- ⁴ А. М. Поццо, в отличие от Белого, был призван в армию и проходил службу на Кавказе. См. «Жизнь без Аси», запись за 27 августа — 8 сентября 1916 г.: «Взятие Саши в солдаты» (Там же. С. 665) и за январь 1917 г.: «Прощание с Сашей, уезжающим на Кавказ» (Там же. С. 667).
- ⁵ В 1917 г. Пасха была 15 апреля.
- ⁶ С. Н. Кампиони, мать Н. А. и А. А. Тургеневых, и В. К. Кампиони, ее второй муж и отчим сестер Тургеневых, жили в имении в селе Боголюбы Волынской губ., недалеко от Луцка.
- ⁷ Это письмо нам неизвестно.

Поворотка¹. 30 июня 17 года

Милая Наташа,

Я уже писал Тебе. Но, вероятно, письмо не дойдет; поэтому считаю нужным повторить, уже написанное. Известие, что Ася больна, получил впервые 10 июня: оно меня взволновало. С той поры не нахожу покоя². И вот обращаюсь к Тебе — пожалуйста, если Ася будет внушать опасение, пиши мне. Все равно я буду чувствовать на расстоянии, что с ней что-то происходит; буду мучиться в беспредметной тоске. Если же она здорова, то и в этом случае, я буду спокойнее в подсознании, но сознание будет все спрашивать: «Что, что с нею?». Ася же ужасно неаккуратна: она пишет без дат.

Кроме того: милая Наташа, где можно, удержи-вай ее от работы; здешние доктора говорят, что при ослабленности легких, работа над деревом³ есть «яд» для легких, потому что при этом незаметно глотается деревянная пыль; и легкие, раздражаясь, ослабляются незаметно. Очень, очень прошу Тебя: где можно, следи за Асей.

И во всяком случае, я был бы Тебе бесконечно благодарен, если бы Ты высказала мне свои впечатления об Асе.

Милая Наташа, если пожелаешь, напиши мне и о себе. Я несколько раз спрашивал Асю о Тебе, но она со свойственной ей рассеянностью ничего не писала (или — не дошли письма?). Мне о Тебе все знать интересно: и если я Тебе не писал, то это происходило не от рассеянности, а из сознания, что Тебе, может быть, было бы хлопотливо и скучно писать мне.

Получила ли Ты 100 рублей от Саши? Нам с большим трудом удалось их переслать: вообще посылка денег обставлена большими затруднениями; затруднения растут; и часто я тревожусь за будущее: Вы можете оказаться отрезанными в денежном отношении⁴. Так вот уже 10 дней назад (или, около того) Надежда Афанасьевна⁵ посылала 400 рублей Асе. Деньги взяли, но разрешение на посылку еще не пришло⁶.

Только что приехала Маргарита Васильевна⁷. Видел ее мельком. Завтра увижу основательно.

От Саши⁸ уже 2 месяца нет писем мне. Я ему послал письма. Но почта у нас очень плохо функционирует. Особенно плохо идут письма с Кавказа. Если Ты долго не получаешь от него известий, не беспокойся.

Ну, Наташа, прощай: не забывай меня вовсе, как я не забываю Тебя. Я очень Тебя люблю. Ряд столкновений и ссор между нами все же не должен стоять между нами непроходимой стеной.

Остаюсь искренне уважающий Тебя и любящий
Борис Бугаев.

P. S. Мой адрес: Москва. Арбат. Никольский пер. д. 21 кв. 5⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду станция Поворовка (Николаевской железной дороги) под Москвой, рядом с которой находилось имение Б. П. и Н. А. Григоровых. Летом 1917 г. Белый там бывал и работал.
- ² См. о том же в письме Белого Иванову-Разумнику от 16 июня 1917 г.: «Москва же притягивает меня, потому что в Москву приходят Асины письма. <...> (Ася — больна, и я мучаюсь от письма до письма)» (*Белый — Иванов-Разумник*. С. 118) или от 21 декабря 1917 г.: «Аська нездорова, проезду нет: денег просят, а я выслать ей не могу. Не переводят. Жить стало невозможно: все идет прахом! Уже 2 месяца лежу, высунув язык, и напрягаю последние усилия, что-то царапая. Скоро объявлю забастовку Богу, людям, всему святому!» (Там же. С. 147).
- ³ Имеется в виду работа над архитравами Гетеанума.
- ⁴ Эта проблема постоянно волновала Белого. См., напр., в его письме Асе от 4 ноября 1917 г.: «<...> уж теперь, дитя родное, просто не знаю, смогу ли послать тебе деньги; у меня давно приготовлены для Тебя 500 рублей, но месяц не мог послать; теперь узнал, что предпринять для посылки <...>: надо посылать прошение в Кредитную Канцелярию (в Петроград) о высылке Тебе денег, ждать разрешения оттуда, затем уже просить Банк и опять ждать разрешения: в такой волоките прошло 5 недель во время последней посылки; теперь уже, вероятно, еще труднее <...>; деньги вовремя до сей поры удавалось готовить, но — выслать вот уже ½ года — суцая мука, не говоря уже о курсе <...>» (*Malmstad John E. Andrej Belyj at Home and Abroad (1917—1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis*. 1989. № 8. P. 437—438).
- ⁵ Н. А. Григорова. См. примеч. 65 на с. 127. Возможно, именно она и подразумевается под «здесьними докторами».

- ⁶ О получении денег см. в письмах Аси Тургеневой к Наташе в наст. изд.
- ⁷ Имеется в виду приезд М. В. Сабашниковой из Дорнаха 27 июня 1917 г. О перипетиях ее возвращения (через Германию, в plombированном вагоне вместе с революционерами-эмигрантами и их семьями) см.: *Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея*. С. 145—158.
- ⁸ А. М. Поццо.
- ⁹ В этой квартире жила мать Белого А. Д. Бугаева. Белый поселился у нее после возвращения из Дорнаха, переехал в феврале 1918 г.

Поворочка. 6 июля 17 года.

Милая Наташа,

Пишу Тебе это третье письмо, которое есть повторение двух написанных. Пишу его, потому что уверен, что два, написанных до него, дойдут не на верное из-за блокады, плохой почты вообще и т. д. Между тем, несмотря на успокоительные телеграммы Аси о ее здоровье, я все еще беспокоюсь, зная абстрактное отношение Асе к себе самоё. И вот: очень-очень прошу Тебя написать мне два слова о подлинной картине ее самочувствия, Асина слабость, ее легкие меня серьезно тревожат, и я был бы Тебе ужасно благодарен, если бы от времени до времени Ты писала бы краткие бюллетени о том, как Ася выглядит. Если бы Ты знала, как это важно для моего спокойствия, Ты бы писала мне.

Я бы писал Тебе раньше, если бы был уверен, что получение писем от меня (получение писем вызывает подчас неприятный осадок: я «де» обязана отвечать) не вызовет в Тебе неприятного осадка. Но услышавши от Маргариты Васильевны¹, что Ты стала «очень кроткая» (как будто бы Ты была прежде не кроткой?), я стал апеллировать к Твоей «доброте», в третий раз обращаясь к Тебе.

И между прочим: несносность «натуры» моей, в противоположность Твоей кроткости, тотчас же обращается к Тебе с полемикой против Тебя. Марг<арита> Васильевна рассказала мне один разговор, происходивший между Вами; разговор касался «духовной науки». Ты будто бы утверждала, что «духовная наука фактична в смысле „протофеномена“»²; ну разумеется — нет: трижды нет! Протофеномен, будь он факт мысли, или факт эмпирический — «предметен» всегда. Духовная же наука касается мира объективных идей, т. е. всего «типového» коренящегося в сфере без-образного (арупа³), как таковая, она — «вне-предметна»; ее абстракция — мысль; и поэтому сфера ее начинается в мысли; путем плавления мысли мы приходим к субъективной имажинации и сквозь нее, имажинацию, и т. д. восходим в мир сущностный, где нет никаких протофеноменов, а лишь существа (т. е. типы и прототипы); если бы мы соединяли духовную науку с миром прото-феноменов, мы бы ее подменяли миром вещественных идолов; т. е. сотворили бы себе «кумир»; и вместе с тем, прикрепляя мысль к кумиру, останавливали бы развитие движения мысли, т. е. обрекали б себя на «абстрактное» взятие духовной науки; «протофеномены» восставали б нам вместо движенья существ, уплотняя чувства (идолы чувств) и иссушая мысли.

Милая Наташа, прости меня за полемику. Шлю сердечный привет.

Борис Бугаев.

- ¹ М. В. Сабашникова. См. примеч. 7 на с. 237.
- ² О «протофеномене» (категории натурфилософии Гете) см. в книге Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (Белый А. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. С. 42—43 и примеч. С. 559—565).
- ³ Буддийский термин «арупа» (санскр.), т. е. бесформенное, бестелесное (в противоположность «рупа» — телу, форме), активно использовался Е. П. Блаватской. Р. Штейнер в теософский период также к нему обращался. О ментальном плане «арупа» Белый мог читать в курсе лекций 1906 г. «Эволюции мира и человека» Р. Штейнера (их конспект опубликован Е. Ф. Писаревой в журнале «Вестник теософии» (1911. № 1—4, 5/6, 7/8; пер. Е. Ф. Писаревой; см., напр.: № 7/8. С. 12—16) или в курсе лекций 1907 г. «Теософия розенкрейцера» (М.: Энигма, 1999).

«Осколки Единой Любви»

ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО М. Я. СИВЕРС
(13 ЯНВАРЯ 1916 Г.)

Мария Яковлевна Сиверс (1867—1948), верная соратница Штейнера, его многолетний (с 1902 г.) секретарь, а с 1914 г. жена, в жизни Белого-антропософа играла совершенно особую роль. Сиверс происходила из семьи прибалтийских немцев, родилась во Влоцлавске (Варшавская губерния), училась и жила в Петербурге¹; она дружила со многими русскими теософами и вообще покровительствовала приехавшим к Штейнеру из России. Огромный авторитет Сиверс в русскоязычной среде не в последнюю очередь был связан с тем, что она владела и русским, а потому часто в общении русских со Штейнером выполняла роль переводчика.

Через Сиверс первоначально шло и общение со Штейнером Белого и Аси. Именно она помогла Белому и Асе, приехавшим в мае 1912 г. без предварительных договоренностей и приглашений в Кельн к Штейнеру, встретиться с будущим Учителем. Через Сиверс было передано Штейнеру в 1913 г. «судьбоносное» письмо, в котором Белый с Асей заявляли о готовности посвятить жизнь делу

¹ Линденберг К. Рудольф Штейнер: Биография. М., 1995. С. 113.

«Доктора», и через нее же было получено приглашение приехать в Дорнах на строительство Иоаннова здания².

С 1913 г. Белый чувствовал себя не просто последователем Штейнера, а его любимейшим учеником, специально ведомым к посвящению и к исполнению великой миссии. Роль Сиверс в жизни Белого в этот период также все возрастала и достигла своего пика, кульминации:

<...> вся огромность Марии Яковлевны открылась мне <...> с октября 1913 года; с этого времени я почувствовал, что между нами возникла особая, непередаваемая связь; М. Я. стала являться в моих снах, в моих медитациях; она всегда стояла в центре моей души; я спрашивал советов у образа ее, возникавшего из моих медитаций; и этот образ показывал мне ослепительные духовные горизонты <...> я духовно видел то, что лежало выше меня; я чувствовал себя приподнятым над самим собою; и я знал, что эта приподнятость есть «оккультная» помощь, посылаемая мне Марией Яковлевной, которую я боготворил; она стала для меня одно время всем: сестрой, матерью, другом и символом Софии <...> Разумеется, в этом непонятном мне обоготворении М. Я. не звучали ноты «влюбленности»; и все же: образ ее был для меня символом Софии <...> (МБ. С. 193).

Однако неопитская эйфория, с которой начиналась антропософская биография Белого, вскоре сменилась депрессией, обусловленной не в последнюю очередь проблемами в отношениях с сестрами Тургеневыми. В курсе происходящего оказываются Штейнер и — в еще боль-

² Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 41—116. Гл. «Андрей Белый — Мария Сиверс — Рудольф Штейнер».

шей степени — Сиверс. Ее отношение к Белому в этот период теряет былую гармоничность, портится:

<...> образ духовный М. Я. глядел на меня с укоризною, а на физическом плане Мария Яковлевна становилась ко мне неприятной, враждебной; так на физическом плане между нами начинались размолвки и споры без слов; потом — наступало примирение: М. Я. опять давала мне свою помощь; и на крыльях этой помощи я вновь чувствовал себя вознесенным в «мир духа» до... следующего падения (МБ. С. 193).

Белый в «Материале к биографии» объясняет разлад причинами идейного порядка, выработкой в себе нового подхода к антропософии: «<...> во мне происходит крах всей „антропософской догмы“; и впервые слагается новый очерк „антропософии“, как путь свободы и критицизма» (МБ. С. 195).

«Новый очерк» своей, свободной от догмы антропософии он осознает как бунт против Сиверс:

<...> если до сей поры я шел под знаком мироощущения чистого «оккультизма»; то теперь я стою под знаком мироощущения чистого «логизма»; я ощущаю в себе новое познавательное восприятие антропософии, как переход от средневековья в эпоху возрождения <...> Все это в себе я называю «свержением ига М. Я.», т. е. свержением средневекового, оккультически-догматического ига антропософии, возглавляемого М. Я., и рождением в душе свободной, гетеански оформленной антропософии; я как бы переживаю упадок в себе «оккультного» пути, т. е. антропософии как пути жизни; и одновременно

переживаю ренессанс в себе антропософской философии <...> (МБ. С. 195).

При этом всем, включая и самого Белого, было ясно, что мировоззренческие разногласия — лишь следствие разногласий иного свойства, лишь шаткая надстройка, их маскирующая. Причина же — история с Асей и Наташей: «<...> часто спрашиваю: „Если я мировоззрительно окреп, то — какую цену? Ценою падения своего...“» (МБ. С. 195).

В запутанном клубке взаимоотношений Белого, Аси, Наташи и А. М. Поццо, подробно и откровенно описанных в «Материале к биографии», М. Я. Сиверс выступает как охранительница моральных устоев и духовный арбитр. Она все еще остается для Белого воплощением нравственных идеалов и «символом Софии». «Высокое» и «низменное» в своих помыслах и поступках Андрей Белый сопрягает соответственно с образами Марии Яковлевны Сиверс и Наташи Тургеневой, рассматривая конфликт долга и страсти как «конфликт света с тьмой», как «борьбу Софии с Наташей»:

<...> на М. Я. я посматривал с озорством «бунта»; «ссора» с нею вела меня не к «примирению», как прежде, а к внутреннему наступлению на нее: отношение к ней выразилось во мне своеобразным чувством, которое я нес в своей душе, как «озорство». Да, я стал по отношению к М. Я. «озорником» и «бунтарем»; она сперва сердилась на меня, потом как бы махнула на меня рукой; я знал, что где-то отношение ее ко мне осталось неизменным, что она верит, что затянувшийся во мне конфликт света с тьмой окончится победой света, но что на время этой перепутанности раздвоенных половинок

души моей она внутренне покидает меня; как в верхних сферах сознания моего в предыдущий период жила М. Я., так после октября в низших сферах сознания моего зажил образ «Наташи» <...> (МБ. С. 194).

Несмотря на бунтарские настроения и показную бравду, Андрей Белый серьезно переживает охлаждение в отношениях с Марией Яковлевной. По мере продолжающегося «грехопадения» «примирения» становятся все реже, а разлад сильнее. Осуждение со стороны Сиверс Белому уже не просто видится, а даже мерещится:

Мария Яковлевна, встретив меня перед домом и прогуливаясь со мною по дорожке, со странной усмешкой сказала: «Да, — разлагается личная жизнь».

Мне отдалось: «Ваша личная жизнь».

И душа рванулась в протесте: «Она точно издевается надо мною» (МБ. С. 235).

Нервозность Белого подогревается еще и ревностью к Сиверс: сестры Тургеневы, особенно Ася, оказываются в этот период к ней, наоборот, наиболее «приближены»:

<...> все антропософы, внутренне связанные с М. Я., в моем сознании встают передо мной, как враги; я ощущаю круг людей, которыми дирижирует М. Я.; этот круг людей воспринимаю я, как «двор» М. Я. <...> я с удивлением вижу, что Наташа и Ася (особенно «Ася») тоже внутренне как бы приняты в этот придворный штат; и в этом смысле находятся в другой линии антропософии, которую я называю «антропософией догматической» <...> (МБ. С. 195).

Или:

<...> была партия Тургеневых «*par excellence*»; я чувствовал в ней Марию Яковлевну, которая точно в ответ на мое некоторое разочарование в ней, ответила подчеркнутым покровительством (покровительством «в пику мне»), которое она оказывала Асе: последнюю все более и более обласкивала; Ася попала в группу эвритмисток, постоянно репетировавших при докторе; быт ее жизни все более сливался с бытом студии; а это был быт Марии Яковлевны, рядом с которой постоянно появлялся доктор; я, отрезанный от этого быта, все более отрезывался и от Марии Яковлевны <...> (МБ. С. 230).

На таком невыгодном для Белого фоне происходит вовлечение Штейнера и Сиверс в проблемы его личной жизни. Причем утечка информации о том, что «не все спокойно» в клане Тургеневых — Бугаевых — Поццо, осуществляется по инициативе Аси и Наташи. Перечисляя запомнившиеся «свидания» со Штейнером, Белый отметил в сентябре 1915 года «Разговор Аси с Доктором обо мне и Наташе»³. И в декабре — возможно, как следствие асиной беседы и своего рода ответ, — «Мой разговор с Доктором о Наташе»⁴. С Сиверс на эту болезную тему говорили и Ася, и Наташа, причем, как обиженно отмечает Белый, обе рассказывали об интимных сторонах его жизни — «без его ведома».

.....

³ Белый А. Свидания с доктором // Белый А. Автобиографические своды... С. 759.

⁴ Там же отмечен в октябре 1915 года «Разговор с Доктором у нас», но содержание разговора не уточняется.

«Женский взгляд» на его поведение не просто тревожит, но откровенно пугает Белого. Конечно, он не знал дословно, что было рассказано о нем женой Асей и объектом страсти Наташей, но легко мог представить характер их претензий и жалоб. Их интерпретации, предположительно упрощенной и пошлой, Белый хотел бы противопоставить свою версию происходящего. Как объясняет в приводимом ниже письме сам Белый, именно «мысль о возможном неверном освещении меня Асею или Наташей Алексеевной Поццо вынудила и меня обратиться к Вам».

Симптоматично, что слова «и меня» Белый подчеркивает, показывая тем самым, что воспринимает Сиверс как высшего судию и потому желает, чтобы были выслушаны все свидетели по делу и уж после выносился вердикт.

«Вынудило» Белого написать письмо и известие, полученное от Наташи: та просила Сиверс переговорить с Белым, чтобы оказать на него некое, не трудно догадаться какое, влияние. Отправляя письмо, Белый, очевидно, хотел опередить события и взять инициативу в свои руки: оказаться именно свидетелем, а не обвиняемым. Но при этом, видимо, он опасался, что не сможет убедить собеседницу в своей правоте и чистоте. Поэтому в письме Белый, с одной стороны, настаивает на том, что не Ася с Наташей, а только он сам может раскрыть правду, но, с другой, пугает Сиверс, обещая, что разговор должен быть «большим» и трудным, что потребует много времени от него — на подготовку, а от нее — на выслушивание его сложной и запутанной истории с самого начала, чуть ли не с детства. В общем, с одной стороны, настаивает на необходимости личного интервью, с другой — встречу пытается отложить.

Письмо к Сиверс представляет собой попытку Белого прорваться сквозь пелену возникшего отчуждения и хотя бы частично восстановить свою репутацию в глазах той, чей нравственный авторитет для писателя был все еще безусловен. Однако личную мотивацию Белый искусно прикрывает, ведет разговор не столько о своих взаимоотношениях с Асей и Наташей, сколько об общих проблемах идейного, психологического и философского порядка. Обращаясь к началу творчества, истокам мировоззрения, Андрей Белый старается представить свой жизненный путь как единство, в основе которого непрестанный поиск «смысла любви». Философская проблематика письма представляет самостоятельный интерес, однако оказывается производной от глубоко интимных переживаний. Экскурсы в прошлое содержат аллюзии на настоящее. Монтаж цитат и автоцитат складывается в своеобразный «символ веры» и используется как способ передачи личного и сокровенного. Возможной «низкой» трактовке событий Белый таким образом противопоставляет их возвышенную, облагороженную интерпретацию (с помощью обильного цитирования Лермонтова, Достоевского, Вл. Соловьева и пр.), предлагает рассматривать свои проступки «на почве религиозных исканий прошлых лет», в контексте искания «тайны воплощенной Любви с верою, что в центре этой тайны стоит новое откровение о Христе».

Отстаивая свое право на «Любовь», Белый, однако, по всему письму оставляет своеобразные «зарубки» — примеры преданности антропософии и делу Штейнера, которые свидетельствовали бы в его пользу и на чаше судебных весов перевесили бы «ошибки» настоящего. Это и «безоглядная» «поездка в Кельн к Доктору», и «без-

оглядное» «оставление России», и откровение, полученное на лекции «Христос и XX век», и многое другое.

В сходном ключе можно рассматривать и упоминание Белого о работе над «Котиком Летаевым»: ведь работа велась по непосредственному заданию Штейнера, о чем Сиверс знала⁵.

Любопытны в этой связи и пространные рассуждения Белого о сложности выговаривания своих переживаний в слове. Кажущиеся непосредственным выражением состояния Белого, они тоже во многом аллюзивны. В них просматриваются отсылки к разговору со Штейнером, состоявшемуся осенью 1915 года и запротоколированному в письме к Михаилу Сизову. Сиверс не могла не помнить этот разговор, так как принимала в нем живейшее участие⁶.

Тогда, за ужином, Штейнер жаловался на недопонимание даже со стороны учеников:

Очень многие слушают невнимательно и стараются сделать свое заключение; часто утверждают, будто бы я сказал «то-то и то-то», когда я ничего подобного не говорил; например: Я был в Сицилии и увидел, что в атмосфере там есть нечто от Эмпедокла; после этого я сказал, что воплощение Эмпедокла — на Севере; одна барышня сделала вывод, что Север — Норвегия; я разумел же Германию (Германия северней ведь); и вот — следствие: Г-на Хаугена возвели в воплощение Эмпедокла⁷.

.....

⁵ Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 74—91.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 85.

И при этом самокритично указывал, что и ему самому бывает трудно прорваться сквозь смыслы слов:

Всякое бывает: Меня останавливает в одном городе человек (это было на улице); и быстро спрашивает: «Как дорога... к Луне?..» Я сначала остановился и..., потом вспомнил и любезно ответил: «Направо — за угол...» «Луна» — было кафэ...⁸

В письме к Сиверс Белый рисует себя жертвой точно такого же недопонимания, приводя пример, совершенно аналогичный штейнеровскому, — о том, как окружающие перепутали философа Канта, с книгой которого ходил Белый-студент, с белым кантом на сюртуке, и таким образом создали ему дурную репутацию «фата».

Белый на своем собственном трагическом опыте будто бы демонстрирует те «болезни», которые Штейнер диагностировал у современного человека: «<...> я так не умею говорить (хотя говорю очень много), так устал от путаницы и недоразумений словесных даже между близкими мне и мною (сколько раз я ловился на случайно сказанном слове!)»; «Говорить мне ответственно всегда было трудно — может быть от сознания трудности в выборе слов, от сознания трагического положения слова в современных условиях жизни».

И он так же выражает свои опасения быть не адекватно воспринятым: «<...> всякий подлинный большой разговор должен сопровождаться и критическим разбором слов разговора, чтобы ты сам не превратил твое слово в словесное *quo pro quo*».

⁸ Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 86.

При этом Белый подчеркивает, что проблема, для определения которой сейчас подбираются слова, много сложнее тех частных проблем, которые обсуждались в 1915 г. за ужином у Штейнера:

Степени сложности переживаний моих последних лет, думаю, не с достаточной конкретностью представляет себе ни Ася, ни Наталия Алексеевна Поццо; обе находятся в более счастливом положении, чем я, когда им приходится по имени называть тот круг переживаний, к которому мучительно я все еще ищу имена; все это не может не накладывать теней недоразумений между нами.

Итак, восстановим ход событий. В августе 1915 г. началось болезненное увлечение Белого Наташей. В сентябре произошел разговор об этом Аси со Штейнером. В конце декабря — начале января Белый атаковал Наташу письмами и получил вежливый, но решительный отпор. В начале января Наташа посвятила в эту историю Сиверс и попросила ее вмешаться, о чем сообщила и Белому. Возможный неприятный разговор с Сиверс Белый предварил письмом, в котором хотел, во-первых, оправдаться, во-вторых, попытаться отодвинуть аудиенцию на более спокойное время.

В «Ракурсе к дневнику» в записях за декабрь значится: «Обмен письмами с М. Я. Штейнер». Там же приписка: «Может, в январе». И после: «Трудности с Наташей» (РД, С. 423). Очевидно, что речь идет именно о письме от 13 января 1916 г. и о некоем ответе Сиверс, нами не найденном. О содержании ответного письма можно лишь гадать. Думается, что ответ был кратким. Вряд ли Си-

верс настаивала на разговоре, и Белый остался наедине со своими неразрешимыми проблемами.

Сложный клубок взаимоотношений писателя с Асей, Наташей, Александром Михайловичем Поццо будет не распутан — разрублен внешними обстоятельствами. Призванный на военную службу, Белый в августе 1916 г. вернется в Россию; А. М. Поццо, с которым он вновь познакомится, — тоже; Ася и Наташа останутся в Дорнахе. «Лишь в последние недели, — по свидетельству Аси, — прощаясь с прошлым, он вновь обрел спокойствие»⁹.

Разговор на темы, обозначенные в письме, по-видимому, не состоялся. Но очевидно, что самые светлые и теплые воспоминания о М. Я. Сиверс были отрадой для писателя и во время его долгого пути домой, и в нелегкой адаптации к российской действительности. С трепетом и любовью, как о человеке, ему бесконечно дорогом и близком, напишет он о Марии Яковлевне в «Записках чудака», целомудренно не называя имени «той, что стояла на гранях духовного мира, звала за собой» (ЗЧ. С. 297).

⁹ Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1968. № 13/14. С. 248.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — М. Я. СИВЕРС

ДОРНАХ. 13 ЯНВАРЯ 1916 Г.¹

Глубокоуважаемая Мария Яковлевна.

Я осмеливаюсь Вас утруждать этим своим письмом ввиду того, что еще в сентябре минувшего года жена моя без моего ведома ознакомила Вас с некоторым материалом моей личной жизни², а позднее Наталия Алексеевна Поццо вне моего ведома ознакомила Вас с иными чертами моего отношения к ней, ввиду только этого смею и я утруждать внимание Ваше нижеследующими словами, поясняющими, быть может, Вам слова моей жены в сентябре:

— раз Ася, жена моя, сочла нужным коснуться в разговоре с Вами интимных событий в моей личной жизни, раз Наталия Алексеевна Поццо коснулась меня в разговоре с Вами, я, питая к Вам глубочайшее уважение и доверие, могу только благодарить Вас за внимание, уделенное Вами словам обо мне; и при этом мне остается прибавить: мне нечего таить от Вас, к которой у меня такое глубокое доверие; более того: мне нечего утаивать от людей; более того: я допускаю право всякого (не говоря уже о лицах, мне особенно близких — Аси и Наталии Алексеевны Поццо) разбирать и обсуждать со-

стояние моего сознания и его внятно выговаривать мне, дабы я имел возможность знать, что разумеют другие под миром моего сознания; хуже всего, когда о тебе думают то-то и то-то, а ты не имеешь возможности исправить ошибки твоего отношения к себе.

Осенью 1914 года в кантине³ я получил несколько уроков на тему о том, что нельзя быть шовинистом⁴, отучивал меня от шовинизма даже... Рихтер!⁵ А моя литературная деятельность с 1907 года выговаривалась в следующем лозунге:

«Если мы верим в ... святость безумия Гоголя, Толстого и Достоевского, мы скажем образу России, возникающей из болезненных, как муки рождения, корч: „Буди, буди“⁶. „Буди“ еще не значит „есть“. Что же есть? Невежество, хаос, немота, тьма. И этой всей немой, больной, невежественной, темной России вместе со всем Западом, гениальным, так и не гениальным, мы скажем:

Исчезни в пространство, исчезни,

Россия, Россия моя⁷».

(Из моей лекции, читанной в заседании Московского Религиозно-Философского О-ва в 1910 го-ду)⁸.

Или:

«И потому-то активность наша иррациональна, как иррациональна борьба за свободу и ценность жизни. И потому-то соприкоснутся стремления наши с народным стремлением... в будущем, если во истину хотим мы иного, живого будущего. А по-

ка: — настоящее наше темно, как и прошлое наше темно — искони, искони. Тьма сливается с тьмой в единую ночь над единой равниной — сплошной, ледящей, гробовой — равниной русской».

(Из публичной лекции, читанной в Москве в 1907 году)⁹.

«А теперь мы стоим перед... видением Смерти. И потому-то видение Гоголя ближе нам всего, что было сказано о нас и о родине нашей. Мы должны помнить, что покрывало смерти спадет лишь тогда, когда мы души очистим для великой мистерии: мистерия эта — служение родине не только в формах, но и в духе и истине. Тогда только спадет с нее саван, явится нам душа наша, родина».

(Из статьи на юбилей Гоголя)¹⁰.

«Так создаем мы себе убеждение, что мы необыкновенно глубоки. Но глубина эта — часто словесное пьянство. Да, слова наши — пьянство, и часто мы в кабаке. Кабак всегда с нами».

(Из газетного фельетона о русском интеллигенте)¹¹.

Или я писал:

«Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся,
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.

Позволь же, о родина мать,

В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: —

Туда, на равнинах горбатой, —
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой
В косматый свинец облаков...—

Где в душу мне смотрят из ночи.
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!»¹².

Или я писал:

«Я уверен, что всякий немец немного гений...; только ему недостает слов, чтобы сказать о своей душе. Не потому ли он так откровенно упивается пошлостью, что не боится растерять то, что ему грезится за кружкой пива... Колдовскими существами еще станут германцы...» (1906 год)¹³.

И когда меня в кантине пытались отучивать от примитивного русского шовинизма, я действительно говорил более «по-русски», чем до этого времени: было больно, что за три года твоего пребывания в О<бщест>ве большинство обращалось более

к твоему «носу» и твоему «сюртуку», чем к содержанию твоего сознания.

Будучи студентом и работая над Кантом, я написал книгу, которую сочли сумасшедшей¹⁴: кто-то спросил у кого-то: «Что такое этот Белый?». И получивши ответ «Он ходит с Кантом» (Иммануилом), этот кто-то распространял обо мне слух, что «Андрей Белый» ходит с белым кантом (на сюртуке); «белый кант» на студенческих сюртуках носили «снобы» и «фаты»: так мои занятия с Кантом некогда превратили меня в «фата»!¹⁵

Подобное со мной бывало не раз.

Меня учили популярным брошюрам о том, что есть естествознание, в то время, когда я просиживал днями в химической лаборатории¹⁶, и распространяли слухи о том, что я даю маскарад в подмосковной, своей собственной вилле¹⁷, в то время, когда я жил в Москве без гроша денег и, изнемогая, от усталости строчил публицистические статьи, меня считали «эстетом» в то время, когда я самым жестоким образом высмеивал эстетизм, меня собирались оставить при Университете для подготовки к профессорской деятельности, когда моей тайной мыслью было уйти в монастырь и «православные» называли меня своим в то именно время, когда главный мой интерес был направлен к «Doctrine Sécrete» Блавадской¹⁸. Все эти опыты жизни легли на меня, как бремя и недоверие к высказыванию в «слове». Ты говоришь образно, — тебя упрекают в эстетизме; говоришь терминологически, теоретико-познавательным языком, — тебя упрекают в сухости и «термины»

твоей речи берут в обыкновенном житейском, «здоровом» смысле.

Вот потому-то мне и хочется отметить, что глубоко веруя в каждое слово своего Учителя, Д-ра Штейнера, и желая следовать по пути его слов, — все, исходящее не от него лично, а от слов обо мне, переданных как характеристика, гипотеза, мнение, должен я сопоставить пред Вами с подлинным миром сознания моего, если бы Вы захотели иметь отчетливое представление о подлинной картине моих отношений к чему бы то ни было: и конечно же я не навязываюсь с разговорами; я только прошу: если Вам угодно иметь подлинное представление о событиях моей интимной жизни или той или иной черте моего мира идей, то лучше уж я поставлю Вас в известность сам; и повторяю: с разговорами о себе я не навязываюсь.

Мои отношения к людям мне дорогим и близким (к Асе, Наталии Алексеевне Поццо, к Александру Михайловичу Поццо) установились не на основании того или иного круга субъективных переживаний, могущих временно и по-разному овеивать, установились они и не на основании абстрактных представлений о дружбе, родственности, товариществе, сочленстве в О-ве; установились они не на основании одной только симпатии, или интимного понимания друг друга, или совместного искания пути жизни, а всего вместе; и кроме того: с каждым по-разному была радость встречи; с Наталией Алексеевной Поццо были у меня глубокие и важные разговоры и встречи еще до моего приближения к Асе¹⁹; с Асей мы связаны нашим совмест-

ным путем; Александр Михайлович Поццо²⁰, будучи мне братом по духовному устремлению, еще с 1902 года был одним из немногих, кто понял мои юношеские устремления в литературе; целое наших отношений несу я, как событие дорогое, ценное и огромное в моей жизни. И потому-то: развитие этих отношений, временные дисгармонии их доношу я в душе, как проблемы, как развитие симфонической темы, не уяснимой извне наложенною программю абстрактного понимания; отношения эти даже в их временных диссонансах, я хочу нести внутри их, а не вне их, сознавая, что разрешение чего-то мне не внятного тут есть процесс долгой, упорной душевной работы; и если я когда-то писал: «Есть несказанные лица... Есть слова, веющие ветром, — сквозные, как золотое, облачное кружево... Есть слова тишины, в которых слышатся грома неимоверного приближения души к душе... Есть тайная связь всех тех, кто перешагнул за грань оформленного. Они знают друг друга»²¹, то я мог бы эти слова приложить к лейтмотивам отношений нас 4-х друг к другу. Многое, что во мне еще ложно, допускаю, может быть подвержено критике, но мнение о моем мире сознания должно покоиться на подлинном моем материале сознания, не на представлениях о нем, не на изложениях моего мира мысли хотя бы и близкими мне людьми.

Только я могу дать подлинную картину моего мира мысли, моего опыта сознания; поэтому я не могу принимать того, что может быть составлено на основании слов о моем мире мысли до ознакомления с лабораторией моего сознания в процессе

выработки представлений о конкретном поступке в отношении к окружающим меня людям.

Наталия Алексеевна Поццо передала мне, что она просила Вас поговорить со мною. Глубокоуважаемая Мария Яковлевна, у меня к Вам очень большое доверие и нет ни одного вопроса сознания, которого бы я не захотел вскрыть перед Вами в его конкретнейшем проявлении: но именно перед Вами любой из вопросов сознания моего хотел бы я вскрыть во всей его запутанной сложности, со всем материалом недоумений, мнений, гипотез, вопросов, чаяний — как все это во мне возникало биографически, идейно, имагинативно и т. д. Самая постановка любого вопроса сознания для меня есть описание всего материала конкретнейших содержаний, освобожденного от обыденного, абстрактного взятия, догматических пред-рассудков и субъективных переживаний. Иные вопросы сознания (как то: вопросы о смысле, правде), если глядеть конкретно и не натягивать на вопрос субъективного переживания или абстракции, разрастаются в очень сложное целое, о котором как-то даже страшно касаться обыкновенным *usus*’ом слова; самые слова, которыми ты покрываешь нераздельную цельность содержания, самые слова тебе хочется критически разобрать, вскрыть: так инструменты перед хирургической операцией должны быть отточены и очищены [зач.: от случайных примесей обычного взятия слова]; грамматический корень слова не должен смещать значения слова; пыль «здорового смысла» не должна тут сорить; но и термин не должен заслонять кон-

кретную осмысленность тобой приготовленных к разговору слов.

Словом: всякий подлинный большой разговор должен сопровождаться и критическим разбором слов разговора, чтобы ты сам не превратил свое слово в словесное *quo pro quo*.

Говорить мне ответственно всегда было трудно — может быть от сознания трудности в выборе слов, от сознания трагического положения слова в современных условиях жизни; как литератор, привык ценить я самый звук слова; как интересовавшийся некогда миром абстрактной мысли, я чувствую всю трудность методического проведения слова в его терминологической чистоте; и более всего боюсь я импрессионизма картин образного слова: боюсь слова «ни о чем» и подмены слова красочным *Stimmung*’ом²², т. е. боюсь эстетизма; для ответственного разговора надо подчас готовиться месяцами; а в разговоре случайном я отступаю: в молчание, согласие, робость, шутку, парадокс и т. д. Следствием обычного разговора является для меня горечь сознания: подлинный контур мысли твоей твоими словами изломан.

Чувствуя к Вам глубокое уважение, неоднократно в течение этих лет хотел я спросить Вас о недоумениях, сомнениях, во мне возникавших; были моменты, когда желание с Вами поговорить возникло во мне какую-то неудержимой волной (я знал, что совет у Учителя мог бы я попросить лишь в экстренных, катастрофических случаях жизни); меня удерживало сознание о Вашей огромной работе, которую Вы несете, сознание, что большой разго-

вор очень мне труден; что к нему я могу приготовить месяцами собирания материала в моем мире мысли.

С Наталией Алексеевной Поццо у меня было два разговора; в них попытался я дать картину моей смятенности, которая вопреки моему желанию и устремлению воли росла во мне, доводя до полной перепутанности в мире чувств. Наталия Алексеевна Поццо, выслушав меня, нарисовала мне интересную картину меня самого, каким я кажусь ей; некоторые из черт этой картины приемля, всю картину я принимаю как одну из возможных гипотез, объясняющих мне мир моего сознания; в эту картину постараюсь я вжиться; но... характеристика мне меня Наталией Алексеевной Поццо кажется мне в целом неверной; в чем ошибки восприятия меня Наталией Алексеевной Поццо, постараюсь я впоследствии ей членораздельно представить; но сперва мне надо действительно вжиться (может быть месяцами) в мой образ, поднесенный ей мне.

Доброе же этих двух разговоров есть все же то, что ряд сложностей в отношении меня к себе самому, Асе, Наталии Алексеевне Поццо и Александру Михайловичу Поццо, несмотря на боль сознания, проясняются мне, и я постараюсь исправить ошибки, вкравшиеся в мир моего сознания вследствие многомесячного уклонения Наталии Алексеевны Поццо от разговора со мной; это я ей обещал. Добиваясь этих двух разговоров, я знал, что их следствием будет горечь, которую я доставлю людям, мне бывшим близкими, и себе самому; но этим близким надо мне было нарисовать ряд гипотетиче-

ских картин основного, невскрытого тона отношений последних месяцев; опыт сопереживания этих картин вместе со мною со стороны Аси и Наталии Алексеевны Поццо мне нужен был 1) для уяснения себя самого, 2) для представления о том, что же есть ныне мне долг в нашем общении, 3) для очищения атмосферы моего отношения к нам четверем. Вот чего я хотел на ближайшее время; теперь вижу я: долг мой — в исправлении иных сторон моего помутневшего сознания; и центр тяжести переношу я от нас четырех на себя; выработать мне критерии поведения на будущее, это значит: вскрыть себе самому себя, свое отношение к антропософии, свои ошибки в антропософии; пересмотреть тот идеологический багаж, который был со мною в момент моего вхождения в О-во и т. д.; все это временно как-то само собой выключает меня из общения с окружающими — тем более, что надвигается время работы (первую часть моего романа должен я скоро кончить²³); каким я выйду из своей душевной изолированности, не знаю я: постараюсь выйти антропософом; как это удастся, не знаю я. Выработать мне критерии конкретного отношения к окружающим и себе самому мне действительно трудно, потому что я, не желая подчинить своего поведения субъективным эмоциям, тем не менее не хочу его подчинять и абстракциям, соотносить с отвлеченными представлениями о правде и долге, не хочу абстрактного взятия даже... антропософских понятий, а вопросы конкретного долга, признаюсь, мне сложны и запутанны: но я хочу правды...

Я не эстет, не поклонник классовой морали, но и не моральный идеалист, сообразующий свое поведение с «принципом» той или иной философской системы; менее всего мне приемлема бытовая мораль и ее примеси к абстракциям. Я хотел бы следовать словам Доктора:

«Was der freie Geist nötig hat, um seine Ideen zu verwirklichen, um sich durchzusetzen, ist also die moralische Phantasie. Sie ist die Quelle für das Handeln des freien Geistes» (Ph. d. Fr. 181)²⁴.

«Eine Ethik als Normwissenschaft kann es daneben nichtgeben» (Ph. d. Fr.181)²⁵.

«Der Irrtum entsteht dadurch, daß die moralischen Gesetze nicht in jedem Momente inhaltlich neu geschaffen werden...» (Ph. d. Fr. 182)²⁶.

Многие ошибки моей жизни восставали из того, что я отдавался ритмическим переживаниям моральной фантазии и действовал безоглядно; но безоглядность в другие минуты приносила мне правду: безоглядно было мое доверие к Анне Рудольфовне Минцловой²⁷, но безоглядно же я отошел от иных ее предложений, почуяв неправду (за что меня иные считали изменником); безоглядна была наша поездка в Кельн к Доктору²⁸, безоглядно было наше оставление России²⁹ и т. д.

Глубокоуважаемая Мария Яковлевна, до прихода к Доктору у меня был рой моральных мыслей, в которых моральная фантазия играла большую

роль: если бы сжать мои моральные представления прошлого в 2 тезиса, то я бы их формулировал так:

1) поступая по формулам Кантова императива³⁰, ты исключаешь Любовь, лежащую в основе христианской морали.

2) Отдаваясь ритмическим импульсам любви, твердо веря, что «любовь зла не мыслит и все покрывает» (Иоанн)³¹, забывая всякое абстрактное представление о долге, ты именно осуществишь, воплотишь то, что в 3-х формулах императива у Канта³² сказано *in abstracto*. Т. е. я верил, что конкретное выполнение долга, понятного в формуле столь же трудно и мертво, сколь трудно а priori исчислить в формулах механики грацию движений танца; наоборот: отдаваясь грации танца, ты не нарушишь этих формул: т. е. формула долга, ее чистота и изящество зависит от творчества. Вопрос о морали предопределялся для меня вопросом: «Что есть любовь?» И этот вопрос для меня был сложнейший, потому что мы имеем целую лестницу «любвей» и ни единой полной Любви: любовь братская, социальная, религиозная, романтическая, любовь-солидарность, любовь дружбы, любовь мужа к жене, влюбленность и т. д. Все это для меня были осколки Единой Любви, осколки, которые надо было наполнить реальным содержанием, т. е. творчески воплотить, потому что в жизни осталось — лишь слово, покрывающее какие-то «*peinliche Resten*»³³... разных Любвей. Я переживал и искал настроения этой Полноты, то подходя к ней со стороны идеи служения людям, то со стороны «обожения» (термин Соловьева), т. е. попытки увидеть в конкретном человеке черты Божества; да-

же всякое «обожание» (тривиальное слово) хотелось мне переплавить и довести до точки «обожения»³⁴; статьи Соловьева «Смысл Любви»³⁵ были мне лишь одной гранью исканий, но я хотел видеть «Плерому Любви»³⁶ и сквозь слова Ницше: «О душа моя, теперь нет души, которая была бы любвеобильнее тебя... Кто бы мог смотреть на твою улыбку и удержаться от слез...»³⁷; «Не говори больше, выздоравливающий, — иди к розам, к пчелам, к стаям голубей» (Ницше)³⁸. Хотел видеть и за словами Достоевского: «Брак? Что это... брак... — неслось, как вихрь, в уме Алеши. — А дорога... дорога-то большая, прямая, светлая, хрустальная и солнце в конце ее» (Братя Карамазовы³⁹). И видел за словами старца Зосимы (монаха) у того же Достоевского: «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите! Любите животных... любите всякую вещь... и тайну Божию постигнешь в вещах» (Братя Карамазовы⁴⁰). Прислушивался и к словам полусумасшедшей из того же Достоевского: «Богородица что есть, как мнишь? Великая мать, упование рода человеческого. — Так, богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость» («Бесы»⁴¹).

Основными настроениями того времени для меня были:

«Бархатная шкура зори разбросает по небу и золото, и багрец. И золотые зори самообожествления, и красные зори Голгофы одинаково содержатся в ... заре. И не сам ли Феникс воскресения пролета-

ет в душе, когда на осиянном горизонте протянется леопардовая шкура. Не глядя ли на нее подслушал великий музыкант лейтмотив Парсифаля...⁴² Мы все немного Фениксы на заре. И если хоть раз в жизни мы становимся Фениксами, значит тайна Феникса с нами. Она нас любит, как невеста жениха. Бархатно подкрадывается она, она целует нас — милая, милая сердцу тайна — заря»

(Андрей Белый. Феникс. Статья 1906 года⁴³).

Или:

«„Нет, не тебя так пылко я люблю“ говорит Лермонтов. Но кого же, кого?

“Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня”⁴⁴.
Вот кого любит Лермонтов.

Если бы Лермонтов до конца сознал взаимодействие между реальным созданием мечты „с глазами, полными лазурного огня“ и его символом, которым становится любимое существо, он сумел бы перейти черту, отделяющую земную любовь от вечной.

Брак и романтическая любовь только тогда принимают надлежащий оттенок, когда являются символами иных, еще не достигнутых, сверх-человеческих отношений... Тают пространства. Начало времен сливается с концом. Образуется круг времени — „Кольцо колец — кольцо возврата”⁴⁵.

Оттуда брызжет солнечность...

Подымается голос из безвременья: „Ей, гряди скоро!”⁴⁶»

(Андрей Белый. Статья «Священные цвета» 1903 года⁴⁷).

Эти отрывки я привожу для того, чтобы Вам были понятны мои слова: в основе моих прежних исканий стояло нечто, что переживалось, как нераскрытая в своей полноте тайна Любви, а вся моя идеология со всеми ее даже теоретико-познавательными экскурсами обосновывала право искать раскрытие этой тайны в себе и в творчестве человеческих отношений: поскольку тайна эта есть воистину, постольку она — Воплощение; поскольку все лишь намекает о ней, постольку все символы; символизм есть учение о скрытом за символами; теория символизма обосновывает теоретически право творчески искать раскрытие тайны Любви; в центре ее, этой тайны, Христос:

«Христос — воплощенная Вечность — наш полновременный день. Приканчивается символизм, начинается воплощение. Мы должны воплощать Христа... И как в преображении любовью постигаешь Его, так во всякую преображенную любовь воплощается Он...»⁴⁸.

«Часто застигнутые в одиноких, переулках глубоко полночью, останавливались пред пунцовым блеском лампадки, моля о том, чтобы вся жизнь озарилась пунцовым... Окончателность христианства, новозаветность мысли о конце, неожиданное облегчение и радость, которая неизменно содер-

жится в этой мысли — вот свет, запавший нам в душу. Откуда нам сие? За что?»

(статья 1903 года⁴⁹).

Вот Grund Stimmung'⁵⁰ моей юности, бывшие для самого загадкой, вызвавшие целый ряд книг, исканий и построений мировоззрения, где идеи морали, долга определялись исканием раскрытия тайны воплощенной Любви с верою, что в центре этой тайны стоит новое откровение о Христе. Пока слова откровения скрыты были для меня, я называл свое мировоззрение символизмом; я чувствовал, что Христос откроется по-новому в жизни, пронижет всю жизнь, пресуществит все формы; как это будет, не знал я; и поэтому ту часть своей системы, которая бы оправдывала право мое творчески относиться к жизни, я теоретически обосновывал; обращаясь же к содержанию творчества, я начинал говорить образами и настроениями (главным образом в моей 1-ой, 2-ой и 4-ой «Симфониях»⁵¹). Нечего прибавлять: по этой-то грани исканий и подошел я к Доктору; решающим моментом для меня была публичная лекция в Кельне «Христос и XX век»⁵².

Никогда я не был «эстетом»: в юности более тянуло меня к монахам, священникам (у меня было интересное общение с одним епископом⁵³), религиозным философам, нежели к «декадентам»; рос я идейно в доме брата Вл. Соловьева М. С. Соловьева⁵⁴, имел общение и с Вл. Соловьевым⁵⁵; числюсь основателем Московского религ<иозно>-филос<офского> О<бщест>ва и членом Петербургского рел<игиозно>-филос<офского> О<бщест>ва;

все это мне хочется подчеркнуть, чтобы ошибки жизни моей не рассматривались на почве «эстетизма», а скорее на почве религиозных исканий прошлых лет.

Мировоззрение свое я выговаривал без страха, за него боролся (рядом книг, статей, фельетонов; и — с трибуны); не только защищался им, но — им напал; нажил себе множество врагов в России, потому что оказался слишком независимым и резким в высказывании публично своего крайнего убеждения; наперекор всем течениям свободно пришел к Доктору, свободно склонился пред правдою его слов, свободно хочу по крайнему разумению проверять себя в свете учения Доктора.

От иных частей прежнего мира мысли не отошел и донныне я; я стараюсь по мере сил антропософски их проработать, чтобы быть в состоянии говорить и думать об истинах антропософски, как они отражаются в моем мире мысли, не с чужого голоса, а по крайнему убеждению; эта сложная и мучительная работа (не доведенная до конца) необыкновенно усложняет мне все отношения к близким мне людям, когда я хочу поступать сообразно понятой части моего мира мысли, т. е. сообразно с целым моего нынешнего, антропософией преломленного убеждения о том, что есть конкретный мой долг сегодняшнего дня. Для того нужен мне 1) фактический материал взаимоотношений, 2) контроль этих взаимоотношений с моим перестраиваемым антропософией миром идей.

Я хочу из свободы искать формы конкретного долга; и из свободы исправить ошибки моего ми-

ра сознания, когда свободно признаю: вот здесь — ошибка.

Степени сложности переживаний моих последних лет, думаю, не с достаточной конкретностью представляет себе ни Ася, ни Наталия Алексеевна Поццо; обе находятся в более счастливом положении, чем я, когда им приходится по имени называть тот круг переживаний, к которому мучительно я все еще ищу имена; все это не может не накладывать теней недоразумений между нами; с миром сознания моего мне познакомить Вас очень трудно: следует для этого рассказать всю мою жизнь, ее связь с миром идей, ее мучительные антиномии на этой почве; следует показать, как плаваются ныне мои переживания, мысли, волевые импульсы в круге моих нынешних узваний (теоретических и имажинативных); и лишь на этом фоне могу я начать разбирать вкравшиеся сложности в моих отношениях к Наталье Алексеевне Поццо; так что все слова обо мне и слова на основании слов обо мне, если они не „Ergebniss“⁵⁶ духовной науки, мне покажутся мало внятными.

Многоуважаемая Мария Яковлевна, я готов говорить с Вами о чем угодно (и готов был во всякое время); но мне надо теперь именно и время для того, чтобы подготовиться к разговору, и большой разговор; иначе я ничего не скажу и предпочту молчать, в полном уединении себя проверяя.

Этого разговора я боюсь у Вас попросить, не желая Вас отрывать от круга Вашей работы тем более, что слова мои будут касаться событий личных и интимных моей жизни; определение отношения

к ним связано со всем моим идейным миром: оно мучительно в своей свободе; оно медлительно ищет конкретных форм долга по отношению к другим и себе.

Примите уверение в глубоком уважении и преданности.

Борис Бугаев. Дорнах. 13 января 1916 года.

P. S. В заключении этого письма позвольте мне еще раз подчеркнуть мои чувства глубокого уважения, доверия, удивления и любви к Вам, а также прошу меня извинить за то, что докучаю Вам этими словами моими; но я так не умею говорить (хотя говорю очень много), так устал от путаницы и недоразумений словесных даже между близкими мне и мною (сколько раз я ловился на случайно сказанном слове!), что мысль о возможном неверном освещении меня Асею или Наталией Алексеевной Поццо вынудила и меня обратиться к Вам.

P. P. S. Конечно, на разговор с Вами я бы смотрел как на нечто очень важное и ценное для меня, как на крупное событие в моем мире переживаний; что удерживает меня от просьбы говорить с Вами, так это память о том, что 1) содержание разговора касается моей личной жизни 2) Вы действительно отдаете столько сил нам, путающимся и слабым, пристающим к Вам, — и стыдно пользоваться Вашей добротой, отвлекать Ваше внимание на себя и этим тормозить Вам Вашу деятельность общественную.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письмо хранится в архиве «Rudolf Steiner Nachlassverwaltung» (Дорнах). Благодарим швейцарских коллег Вальтера Куглера и Тайю Гута за помощь в работе с этим материалом. Письмо публиковалось в переводе на немецкий в кн.: Andrej Belyj und Rudolf Steiner: Briefe und Dokumente (Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe). Dornach, 1985. № 89/90; Andrej Belyj: Symbolismus Ein Weg Anthroposophie. Texte. Bilder. Daten / Herausgegeben von Taja Gut. Dornach, 1997. На языке оригинала: Спивак М. Л. Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 44—69; Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 91—107.
- ² Этот разговор Белый отметил в автобиографическом регистре «Свидания с доктором»: «Сентябрь — Разговор Аси с <окто>ром обо мне и Наташе. Дорнах» (Белый А. Автобиографические своды... С. 759). В «Ракурсе к дневнику» в записи за сентябрь указан тот фон, на котором этот разговор происходил: «Ссора с Наташей. Тяжелые объяснения с Асей» (РД. С. 420).
- ³ См. запись в «Материале к биографии» за март 1914 г.: «В эти дни впервые открылась вновь отстроенная *кантина*, т. е. столовая для антропософов; она была наскоро построена под „*Vau*“, на зеленом лугу, среди вишенных деревьев <...>» (МБ. С. 155).
- ⁴ Возникший с началом Первой мировой войны всплеск шовинизма в Дорнахе был обусловлен тем, что на строительстве Гетеанума работали антропософы из 19 стран, в том числе из воюющих между собой. В этой напряженной обстановке Штейнер, как вспоминал Андрей Белый, «прочитывает нам о культурах Франции, Италии, Англии, Германии,

- России; он старается говорить положительно о каждой из культур; и эти лекции вносят значительное умиротворение в настроение различных национальных групп, соединенных вокруг „Ваи“» (МБ. С. 187).
- ⁵ Тадеуш Рихтер (1873—1943) — польский антропософ, художник; в Дорнахе руководил стекольной мастерской, где над витражами Гетеанума работала Ася Тургенева. Сыграл в судьбе Белого и А. А. Тургеневой значительную роль, повлияв на решение ехать в Дорнах — «„друг“, затаскивший нас сюда» (МБ. С. 234). Белый описывает Рихтера, «богемца-художника», эзотерика, дающего «„внутренний“ урок», в «Воспоминаниях о Штейнере» (ВШ. С. 397 и др.).
- ⁶ Отсылка к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880) — Ч. 2. Кн. 6. Гл. III («Из бесед и поучений старца Зосимы».
- ⁷ См. ниже примеч. 10.
- ⁸ С лекцией «Трагедия творчества Достоевского» Андрей Белый выступал в Московском Религиозно-философском обществе 1 ноября 1910 г. См.: *Белый А. Трагедия творчества: Достоевский и Толстой*. М., 1911.
- ⁹ С лекцией «Настоящее и будущее русской литературы» писатель выступал в Москве в ноябре 1908 г., в Политехническом музее; была опубликована в № 2/3 журнала «Весы» за 1909 г. Вошла в книгу статей Белого «Луг зеленый» (М.: Альциона, 1910). См.: *Белый А. Собр. соч.: Арабески. Книга статей; Луг зеленый. Книга статей / Общ. ред., послесловие, и коммент. Л. А. Сугай*. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. С. 406. Далее — ЛЗ.
- ¹⁰ Из статьи «Гоголь», опубликованной в журнале «Весы» (1909. № 4) и вошедшей в кн. «Луг зеленый» (ЛЗ. С. 428).
- ¹¹ Из статьи «О пьянстве словесном», включенной в книгу статей Белого «Арабески» (М.: Мусажет, 1911). См.: *Белый А.*

Собрание сочинений: Арабески. Книга статей; Луг зеленый. Книга статей. М., 2012. С. 274. Далее — Ар.

- ¹² Стихотворение «Отчаяние» (1908); вошло в сб. «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909).
- ¹³ Письмо из Мюнхена // Золотое Руно. 1906. № 11/12. Вошло в кн. «Арабески» под заглавием «Мюнхен» (Ар. С. 279).
- ¹⁴ Андрей Белый учился на физико-математическом факультете Московского университета с 1899 г. по 1903 г. На начало 1900-х приходится его увлечение философией Канта и выход первой книги в московском издательстве «Скорпион» — «Симфония (2-я, драматическая)» (1902). Обзор критических отзывов см. в комментариях А. В. Лаврова в кн.: *Белый А. Симфонии*. Л.: Худ. лит., 1991. С. 334—335.
- ¹⁵ К обыгрыванию этого каламбура Белый впоследствии возвращался неоднократно. Ср. в его поэме «Первое свидание» (1921): «И я — не гимназист: студент... / Сюртук — зеленый, с белым кантом; / Перчатка белая в руке; / Я — меланхолик, я — в тоске, / Но выгляжу немного франтом <...>. А также в мемуарах «Начало века»: «Я появлялся в обществе, где музицировали и пели; меня выбирали распорядителем на концертах <...> были слабости: к хорошо сшитой одежде; но стиль „белоподкладочника“ был ненавистен; раз кто-то сказал:
- „Белый ходит с Кантом“.
- Разумелся философ: Иммануил Кант; было понято: — „белый кант“ студенческого сюртука, которым шиковали дурного тона студенческие франты; каламбур характерен для мозгов мещан: в этих мозгах превращалось хождение Белого с Кантом (книгою Канта) в „белый кант“ сюртука <...>» (*Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова*. М.: Худ. лит., 1990. С. 25—26. Далее — НВ). О Канте и канте у Белого и др. — как о «каламбуре на правах

- вещественного доказательства» — см. в кн. М. В. Безродного «Пиши пропало» (М., 2003. С. 61—64).
- ¹⁶ В университетской лаборатории по органической химии Андрей Белый работал в ноябре—декабре 1902 г.
- ¹⁷ Ср. отголосок этой жалобы в мемуарах «Начало века»: «<...> однажды меня пустили без одежд, но в маске по собственной вилле, которой не было, — кончики языков модернистических дамочек и роговые очки кавалеров: от желтой прессы» (НВ. С. 26).
- ¹⁸ Интерес к книге Е. П. Блаватской «Тайная доктрина» возник у Белого в конце 1900-х, когда писатель был увлечен теософией и посещал теософские кружки. В «Касаниях к теософии» знакомство с этим сочинением он относит к 1909 г.: «Начинаю читать „Doctrine Secrète“ (Белый А. Автобиографические своды. С. 752); в «Ракурсе к дневнику» — к сентябрю 1908 г. (РД. С. 380).
- ¹⁹ Знакомство Андрея Белого с сестрами Тургеневыми произошло в ноябре 1905 г., сближение с Асей — весной 1909 г. См. описание в мемуарах «Между двух революций» (Подгот. текст и коммент. А. В. Лаврова. М.: Худ. лит., 1990. С. 323—328).
- ²⁰ «Бескорыстно-взволнованный, благородно-восторженный» (НВ. С. 109) студент юридического факультета Московского университета А. М. Поццо встретился Белому в доме Г. А. Рачинского в 1902 г. Сближение будущих «братьев по духовному устремлению», то есть по антропософии, произошло первоначально на почве восхищения искусством М. А. Олениной-д'Альгейм. Вскоре «поклонники таланта» певицы стали поклонниками ее двоюродных племянниц, сестер Тургеневых, а потом и их мужьями (НВ. С. 428).
- ²¹ Из статьи «Луг зеленый» (Весы. 1905. № 8), вошла в кн. «Луг зеленый» (ЛЗ. С. 379, 382).

- ²² Настроение (нем.).
- ²³ Речь идет о работе над романом «Котик Летаев»; произведение задумывалось как первая часть многотомной эпопеи «Моя жизнь».
- ²⁴ Имеется в виду книга «Die Philosophie der Freiheit» (Berlin, 1894). На русском языке см.: Штейнер Р. Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественнонаучному методу / Пер. Б. П. Григорова, сверка и редакция К. А. Свасьяна. Ереван, 1993. Здесь и далее цитируем по этому изданию: «Следовательно, то, в чем нуждается свободный дух, чтобы осуществить свои идеи, чтобы проявить себя, — это моральная фантазия. Она — источник деятельности свободного духа» (С. 165).
- ²⁵ «Этики, как нормативной науки, наряду с этим не может существовать» (Там же. С. 166).
- ²⁶ «Заблуждение возникает оттого, что моральные законы не творятся по своему содержанию в каждый момент заново...» (Там же. С. 167).
- ²⁷ О роли Анны Рудольфовны Минцловой в истории русского штейнерианства и приобщении к учению Штейнера Андрея Белого см.: Богомолов Н. А. Anna-Rudolph. С. 23—110; Обатнин Г. В. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907—1919). М.: НЛО, 2000; Глухова Е. В. Письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4. Ч. 2. М.: РГГУ, 2007. С. 215—270. Примечательно, что к авторитету Минцловой Белый апеллировал, добываясь аудиенции у Штейнера, в первом письме к нему в мае 1912 г. (см.: Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 41—57).

- ²⁸ Об обстоятельствах (в том числе мистических) этой судьбоносной поездки Белого и А. А. Тургеневой из Брюсселя в Кельн 6 мая 1912 г. писатель подробно рассказывал в мемуарах (см.: <...>) (Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А. В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. С. 779—787); также — в письме к А. А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисловие и коммент. А. В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С. 477—461).
- ²⁹ Белый уехал из России 31 июля / 13 августа 1913 г., чтобы примкнуть к группе последователей Штейнера, ездившей вслед за ним по Европе, чтобы слушать лекции и заниматься эзотерической практикой.
- ³⁰ См. об этом в письме Белого к Н. А. Тургеневой № 6. Обращение к Канту в данном случае, возможно, было обусловлено и тем, что Андрей Белый в декабре 1915 — феврале 1916 г. читал в Дорнахе для группы русских курс лекций «Кант и Штейнер в свете современных теоретико-познавательных проблем».
- ³¹ Цитируется не Иоанн Богослов, а апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1Кор. 13: 4—7).
- ³² См.: Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч. на немецком и русском языках в 4 т. / Под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М., 1993—2001. Т. 3. М., 1997. С. 143, 145, 169. В трактате «История становления самосознающей души» Белый, имея в виду эти формулировки (формулы), писал, что «память о нем одно время исчерпывалась в передаче трех норм поведения, при посредстве которых

приказывалось понимать добродетель, как волю свободную» (Белый А. История становления самосознающей души. Т. 2 // Литературное наследство. Т. 112. Кн. 2 / Сост. М. П. Одесский, М. Л. Спивак, Х. Шталь. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 87).

- ³³ Неприятный остаток (нем.).
- ³⁴ Ср. рассуждения Белого в «берлинской редакции» мемуаров «Начало века» о пути «раскрытия символов всякой любви»: «<...> здесь я опираюсь на слово Владимира Соловьева, что „женщину человек видит не так, как она является внешнему наблюдению, а прозревает в ее идею... Она утверждает себя как... существо, способное к обожанию“. И с другой стороны: женщина обоживает мужчину; путь двух есть «обожение»: в личных я отражения тайны вселенной: вскрывается здесь любовь Логоса к Душе мира; путь двух есть мистерия, где мужчина становится в чин службы Логоса; женщина — в чин души мировой; в переплетении двух лейт-мотивов в один — достигается целое; эгоистическая любовь, расширяясь, становится мировой любовью: „Организация любви религиозна“. Вершина „обожения“ расширяет любовь двух субъектов друг к другу в любовь к человечеству; и появляется новый, доселе еще не раскрытый звук тайны любви: появление третьего „Я“ в чин пути; что есть третье? Объективация любви двух в устремление к божественному (логосическому) в каждом; любовь — в человечестве.
- Здесь проблема любви переходит в проблему чуть снящейся, социальной мистерии, или в коммуну из любящих; это есть церковь Иоаннова, эзотерическая, не открытая, не совпадающая с церквями истории, противоположная государству; в ней же в третий раз, сызнова, преломляются вежи пути: по чину один, по чину два (любящих) в путь чина трех; „три“ — понятие символическое; „три“ — не два, не один; „три“ — четыре, пять, шесть, миллионы <...>» (Изд.

- подгот. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 10—11). Здесь Белый цитирует и переосмысляет в том же ключе, что и в письме М. Я. Сиверс, работу В. С. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» (М., 1899. С. 112 — Ч. 3. Гл. 19. Раздел III).
- ³⁵ Соловьев В. С. Смысл любви // Вопросы философии и психологии. 1892. № 14, 15; 1893. № 16. 17; 1894. № 21. Ср. у Белого в «Воспоминаниях об Александре Александровиче Блоке»: «Из всех сочинений Влад. Соловьева статья его „О смысле любви“, напечатанная в „Вопросах психологии и философии“, являлась наиболее объясняющей нам нас в нашем юном искании осветить не одним только мужским логическим началом жизнь, но и женственным началом человечества. Она, или Душа человечества, отображалась нам образно женщиной, религиозно осмысливающей любовь» (Александр Блок в воспоминаниях современников / Вступит. ст., подгот. текста, сост. и примеч. Вл. Орлова: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 209).
- ³⁶ Плерома (*греч.*) — полнота.
- ³⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра (1883—1884). Ч. 3 («О великом томлении»).
- ³⁸ Там же. Ч. 4 («Выздоровливающий»).
- ³⁹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы (1879—1880). Ч. 3. Кн. 7. Гл. 4.
- ⁴⁰ Там же. Ч. 2. Кн. 6. Гл. 3 (Раздел «О молитве, о любви и соприкосновении мирам иным»).
- ⁴¹ Слова Марии Лебядкиной из романа Достоевского «Бесы» (1871—1872). Ч. 1. Гл. 4 («Хромоножка»).
- ⁴² Имеется в виду опера Р. Вагнера «Парсифаль» (1882).
- ⁴³ Весы. 1906. № 7; вошла в кн. «Арабески» (Ар. С. 122—123).
- ⁴⁴ Из стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840).
- ⁴⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Ч. 3 («Семь печатей»).

- ⁴⁶ «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе» (Откр. 22: 20).
- ⁴⁷ Мир искусства. 1904. № 5; вошла в кн. «Арабески» (Ар. С. 99—100).
- ⁴⁸ Там же. С. 100.
- ⁴⁹ Там же. С. 101.
- ⁵⁰ *Grund Stimmung* (*нем.*) — основное настроение.
- ⁵¹ Северная симфония (1-ая, героическая). М.: Скорпион, 1904; Симфония (2-ая, драматическая). М.: Скорпион, 1902; Кубок метелей. Четвертая симфония. М.: Скорпион, 1908.
- ⁵² Публичная лекция Штейнера, прослушанная Белым и Асей Тургеневой 8 мая 1912 г. в Кельне при первом посещении Штейнера (точное название «Vorverkündigung und Heroldtum des Christus-Impulses der Christus-Geist und Seine Hülsen: Eine Pfingstbotschaft» — «Предвозвестие и герольдство импульса Христа»; GA 143). О ее значении для себя Белый писал в мемуарах: «<...> мы купили билеты теперь на публичную лекцию, озаглавленную: „Христос и двадцатый век“. Думал я: не случайно, что он читает на тему, которая для меня кардинальна для отношения к „штейнерианству“; доселе казалось: в христологии Штейнер мне чужд; может быть, он — оккультный учитель; мне этого мало; мне нужен учитель, стоящий под знаком Христа. Мне последняя лекция показала, что я ошибался; об импульсе безымянном, зигждительном жизни сказал он; в XX столетии импульс этот — импульс Христов; было все, что сказал он, весьма далеко от обычного церковного оформления; понял одно: Штейнер ведает импульс Христа; к концу лекции — пали сомнения; знал я, что Штейнер есть именно то, что мы ищем <...>» (Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 751).
- ⁵³ Имеется в виду живший с 1898 г. на покое в Донском монастыре епископ Антоний (в миру Михаил Флоренсов;

1847—1918), охарактеризованный Белым как «епископ-субъективист» (НВ. С. 29).

⁵⁴ «В конце 1892 года или в начале 1893 годов произошло обстоятельство, изменившее будущее» (НР. С. 339), — так оценил Андрей Белый переезд Михаила Сергеевича Соловьева (1862—1903), его жены Ольги Михайловны и сына Сергея в дом на углу Арбата и Денежного переуллка. Они поселились этажом ниже Бугаевых, и сосед-гимназист Боря Бугаев в их квартире «был принят как родной» (Белый А. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Ар. С. 295). В семье Соловьевых обсуждались первые произведения молодого автора, был придуман псевдоним Андрей Белый: «Центр, куда я нес впечатленья, — квартира Михаила Сергеевича Соловьева <...>, он первый пригрел мои эстетические стремления, выпустил литератором <...>» (НВ. С. 133; подробнее о нем: Белый А. На рубеже двух столетий. М.: Худ. лит., 1989. С. 339—368).

⁵⁵ «<...> приходя к Соловьевым, порою, встречал я Владимира Соловьева <...>» (ЗЧ. С. 320). Последняя встреча с Владимиром Соловьевым (1853—1900), произошедшая в мае 1899 г., незадолго до смерти философа, имела «роковой глубокий смысл» как для Белого-писателя, так и для Белого-антрополога: «путь вел меня: от Соловьева к... Иоаннову Зданию» (ЗЧ. С. 322). Об этом см. гл. «Владимир Соловьев» в «Записках чудака» (ЗЧ. С. 320—326) и очерк «Владимир Соловьев. Из воспоминаний» (Ар. С. 292—297).

⁵⁶ Результат, вывод (нем.).

«Между нами есть самая настоящая СВЯЗЬ»

ПИСЬМА Э. К. МЕТНЕРА
К Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

С Наташей Тургеневой Эмилий Карлович Метнер (1872—1936) начал общаться в 1909—1910 гг. В конце декабря 1910 г., когда Белый с Асей уже отбыли в свадебное путешествие и отдыхали в Палермо, Метнер им писал: «Провел один вечер с Наташей и впервые соприкоснулся с ее душевной глубиной; кажется, мы станем хорошими товарищами» (*Белый — Метнер*. Т. 2. С. 55. Письмо от 19 декабря 1910 г.). Так оно и произошло. «Я еще два раза подолгу беседовал с Наташей и очень подружился с ней», — информировал Метнер Белого 11 (24) января 1911 г. (Там же. С. 72). В том же письме Метнер сообщал, что она «недавно уехала с Поццо в Италию». Это было такое же свадебное путешествие, какое предприняли Белый с ее сестрой: «<...> вслед за нами Наташа уехала с Поццо в Италию, как Ася, с отказом от брака; после рассказывали, что Москва разделилась во мнениях; одни утверждали: декаденты бежали, похитив двух девочек (бедные девочки!); другие же твердили: „дрянные“ девчонки-де загубили нам жизни <...>»¹. Однако накануне отъезда Метнеру было отослано нежное, полное «символистских» намеков письмо:

.....
¹ *Белый А. Между двух революций / Подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 408.*

Милый Эмилий Карлович,

завтра мы уезжаем из России и хотелось мне еще Вам отсюда привет послать, я Вас вспоминаю постоянно и живу наполовину в Москве от этого, и захотелось написать до границы. В Италии как-то иначе будет. Но Вы помните, что я Вас люблю, что всегда хочу о Вас знать, что между нами есть самая настоящая связь.

Милый, мне хочется Вам много хороших слов сказать о том, какую силу я чувствую в этом и пожелать каждому из нас, да не умею.

До свиданья. Хочется сказать еще Вам, что Вы хороший, что я в Вас верю и люблю.

Н. Тургенева².

1 февраля 1911 г. он рапортовал Белому: «От Наташи получил письмо с границы» (*Белый — Метнер*. Т. 2. С. 92)³.

Общий абрис дальнейших отношений Метнера с Наташей, достигших своего пика в середине 1910-х, как раз тогда, когда страстью к Наташе воспылал и Белый, дан М. Юнггреном⁴. Для нас же здесь важно прежде всего

² ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 52. Л. 3 — 3 об.

³ Прочитированные письма Метнера дают основание для датировки этого письма Наташи к нему: после 11 января (сообщение о том, что она уже уехала в Италию) и до 1 февраля 1911 г. (получение письма).

⁴ См.: Юнггрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. См. также в его статье «Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой»: «Наталия Поццо относилась к Метнеру иначе, чем к Белому. С самого начала она видела в нем авторитетного учителя в духе Штейнера. Она утверждала, что не нуждается в сексуальных отношениях, а стремится к страсти „вне пола“. В самом разгаре своей неприязни к Штейнеру Метнер, вероятно, следуя ее рекомендациям, соглашался пить антропософские травяные чаи и сидел на вегетарианской диете.

то, что Наташа практически с самого начала отношений с Метнером выступала в роли посредника между ним и Белым и, по мере сил, в роли примирителя.

Так, уже в июле 1911 г., во время одного из первых мускетских эпистолярных скандалов⁵, она пытается одновременно и успокоить Метнера, соглашаясь с его претензиями к Белому, и пробудить в нем сочувствие к Белому, рассказывая о том, как тяжело тот переживает ссору, и объяснить высокое значение их дружбы с Белым, и организовать их встречу в Боголюбах:

Милый Эмилий Карлович,

исполняю Вашу просьбу, расскажу, как принял Борис Николаевич Ваше письмо⁶, оно очень его взволнова-

.....
Иногда она, по его же словам, устраивала оккультные сеансы. Она рассказывала ему содержание своих снов, которые затем подвергались анализу в «лаборатории» Юнга. Метнер видит в ней черты Натали из „Годов учения Вильгельма Мейстера“ Гете и задается вопросом, не следовало ли ему еще в 1909 г. соединить свою судьбу с ней» (С. 348—349). Там же Юнггрен пишет о романе Н. А. Тургеневой с А. С. Петровским, закончившемся в 1911 г., и приводит (в пересказе Метнера) ее кредо: «<...> можно любить по ту сторону sexes'а и все-таки со всею страстью» (С. 351; цитата из письма Метнера к А. М. Метнер от 16 мая 1915 г.).

⁵ Конфликты начались ранее, в марте 1911 г., еще во время путешествия Белого с Асей по Африке — из-за финансовых проблем.

⁶ Имеется в виду письмо Метнера Белому от 26—29 июня 1911 г., являющееся резким ответом на письмо Белого Метнеру от 17 июня 1911 г., в котором выражалось недовольство его долгим и обидным молчанием и в эмоциональной форме перечислялись претензии к Метнеру как редактору издательства «Мускет» (*Белый — Метнер*. Т. 2. С. 147—173; 139—147). В этих письмах — картина ссоры. Примечательно, что, объясняя свое молчание тяжелым психическим состоянием, Метнер апеллирует к Наташе как к чуткому, понимающему его другу: «Знающий меня друг так и только так должен был истолковать мое молчание. Если бы Вы спросили Наташу,

ло и огорчило, по ночам он не спал, а днем ходил бледный, грустный, с головной болью. Он не ожидал, что Вы так поймете и примете его письмо⁷.

Конечно, приезжайте, жаль, что так поздно, но если не можете раньше, то у Вас все-таки несколько дней будет для разговоров, и на Брест, и на Киев поезда вечерние⁸.

Так что здесь Вы можете быть третьего днем, а Б. Н. может уехать 6—7. Он Вас ждет, и ему хочется договориться, он и пишет Вам, перечеркивая письмо, что оно только материал для необходимых разговоров⁹. И я ве-

.....
почему я не отвечаю, она, которой я не написал еще ни единого письма отсюда, наверно ответила бы Вам: вероятно, ему нехорошо» (Там же. С. 147).

⁷ Фраза подчеркнута Метнером синим карандашом, так как вызвала его особенное возмущение. См. пересказ М. К. Морозовой этого письма Наташи: «Последняя вместо того, чтобы сообщить мне (как я просил ее), что предшествовало написанию ужасного бугаевского письма, жалуется, плачется, говорит, что Бугаев в отчаянии, что я не так понял (!) его письмо. Одним словом, видно, там в Боголюбях сошли все с ума и полагают, что Боренька может говорить какие угодно наглости, а понимать его следует всегда не прямо, не буквально, а символически, истерически и тактически» («Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. 1901—1928 / Предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 175—176. Письмо от 20 июля 1911 г.).

⁸ Метнер жил в то время в имении К. В. Осипова, в деревне Свистуха недалеко от станции Хлебниково Савеловской железной дороги. Его приезд в Боголюбьи не состоялся.

⁹ Имеется в виду письмо Белого Метнеру от 6—8 июля 1911 г. с попыткой выяснить отношения, примириться и договориться о встрече в Боголюбях (Белый — Метнер. Т. 2. С. 178—206). Его первая часть завершается словами: «Это письмо не считайте ответом, а лишь материалом к будущему разговору не только о Мусагете перед осенью» (Там же. С. 191). Из близкой к тексту цитаты следует, что Белый показывал ей или зачитывал свои письма к Метнеру.

рю, что при встрече все будет несравненно чище и серьезнее, чем это возможно в письмах.

У него нет в жизни и серьезных разговоров, нет — той истерики, которая часто охватывает его в письмах. Вы могли убедиться в этом в Москве, когда так хорошо и радостно с ним встретились. Помните, как вы ко мне тогда вместе пришли?¹⁰

На многом слишком важном должны строиться ваши отношения, и я уверена, что Вы не порвете их случайно из-за резких выражений истерики или бессонницы. Голубчик, я верю, что Б. Н. был неправ, но не верю, чтобы это могло быть причиной вашего разрыва¹¹. Вы не бросите его от нетерпенья перед истрепанными нервами, а говоря каждый не со случайной плоскости, данной мигу, а с действительной своей высоты, вы встретитесь над всякой мутностью жизни в чистом воздухе и вам будет обоим от этого радость и укрепление, даже если не согласны вы будете.

.....
Примечательно, что он указывает Наташу как возможного посредника в дальнейшем общении с Метнером: «[Если думаете еще со мной поддерживать сношения, то сообщите свой адрес] (Адрес получу от Наташи)» (Там же. С. 182).

¹⁰ Вероятно, речь идет о встрече, состоявшейся между 8 и 18 мая 1911 г. после возвращения Белого из заграничной поездки, когда Белый из имени Боголюбьи приезжал по делам в Москву. Намек на это можно увидеть в письме Белого Метнеру от 24 мая 1911 г.: «Милый, Вы и Наташа, только Вы двое улыбнулись мне в Москве. И я понял, что мы трое о чем-то» (Там же. С. 137).

¹¹ Метнер цитирует эту фразу в письме к М. К. Морозовой от 20 июля 1911 г. как единственно оправдывающую Наташу: «Впрочем, в конце письма Наташа прибавляет: „Голубчик, я верю, что Борис Николаевич не прав, но не верю, чтобы это могло быть причиной Вашего разрыва“» («Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. С. 176).

Не сердитесь на меня, но мне грустно, не только оттого, что каждый из вас потеряет, может быть, лучшего друга, но и оттого, что то, что за вами, больше вас и заслуживает большей бережливости.

До свиданья, милый, рада буду Вас видеть и рада буду концу этой ссоры, которая так меня огорчает. Жду его с нетерпеливостью, грустно вспоминаю письмо, которое получила прошлой осенью, <в> нем говорилось: „этот год тишины и молчанья он необходим“, а что выходит? Неужели бегство единственно возможно для людей. Для Пьер¹², Вы, Борис Николаевич.

Я вас так люблю всех, что же мне делать
До свиданья.

Наташа¹³.

В разрешении последующих конфликтов, все участвовавших и усиливающихся, Наташа также играла не последнюю роль: ездила к Метнеру из Дорнаха в Цюрих и продолжала переписку; по приглашению Наташи Метнер начал в 1914—1915 гг. появляться в Дорнахе, где встречался и общался с Белым. «Она стала между мною и ним, как примирительница <...>», — вспоминал он в «Материале к биографии» (МБ. С. 188). «Благодаря посредничеству Наташи», отмечал Метнер, состоялась и последняя, неудавшаяся попытка его «примирения с Андреем Бе-

¹² Пьер д'Альгейм (1862—1922) — музыковед, муж певицы М. А. Олениной-д'Альгейм, тетки сестер Тургеневых.

¹³ ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 52. Л. 1—2об. Письмо не датировано. Основание для примерной датировки — упоминание о «перечеркнутом» письме Белого Метнеру от 6—8 июля: к моменту написания письма Наташи письмо Белого начато, но еще не дописано (см. примеч. 9 на с. 288—289).

лым»¹⁴, которая привела в апреле 1915 г. к окончательному разрыву отношений.

Однако связь Метнера с Наташей на этом не оборвалась: продолжились и встречи, и обмен письмами, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве Гетеанума две краткие записки и два письма.

Записки отражают стиль и характер отношений Метнера с Наташей. Одна датирована 9 апреля 1917 г.:

Дорогая Наташа!

Зайцем объелся. Спасибо.

Шлю две фотографии. С воротником снимок 1916 г. для паспорта. Без воротника снимок, сделанный моим скульптором в нынешнем году¹⁵. О прогулке думаю, но еще не додумался, тем более, что приезжает Никиш¹⁶.

Ваш Милия.

¹⁴ Письмо Метнера А. С. Петровскому от 22 апреля 1917 г. Цит. по: Соболев А. Л. Андрей Белый и Н. П. Киселев // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 24.

¹⁵ Имеется в виду швейцарский скульптор Эдуард Бик (Eduard Bick; 1883—1947), сделавший в 1916 г. Цюрихе бюст Э. К. Метнера, которым тот, видимо, очень гордился (рассылал фотографии с него друзьям — см., напр., серию таких фотографий в музее С. Н. Дурьлина). Сам бюст был выполнен в двух вариантах — в бронзе и в дереве. Первый сохранился в собрании швейцарских родственников Метнера (семья Бюллеров; обнаружен М. Юнгренем), второй — в собрании московских (Е. Н. Понсова). Сейчас оба бюста — в Мемориальной квартире Андрея Белого (см. его воспроизведение на вклейке 3).

¹⁶ Дирижер Артур Никиш (1855—1922) вызывал восхищение Метнера с юношеских лет; в 1897 г. он «был представлен своему кумиру» и записал в дневнике, что «просто-таки влюбился в Никиша» (Юнгрен М. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 10). Восхищение гениальностью Никиша Метнер сохранил до конца жизни; в 1921 г. к 65-летию дирижера

Вторая — без даты, но тоже, вероятно, относящаяся к 1916—1917 гг.

Дорогая Наташа!

Посылаю Вам приступ письма к Stükelberg'y¹⁷.

Смешная Вы, смешная! И милая!

И все мы смешны! И вдобавок испорчены: не можем быть как Моцарт.

Ваш [подпись].

Обе записки несколько кокетливы, а первая еще и хвастлива, ведь Метнер посылает Наташе на память свои очень удачные фотоснимки. Письма, которые публикуются далее, не столь благостны, а, напротив, конфликтны. Их главным героем оказывается Андрей Белый, уже ненавидимый Метнером, но по-прежнему защищаемый Наташей.

Первое письмо (от 8 июня 1916 г.) связано со скандальным разводом спутницы жизни Эллиса Иоганны Польман с мужем и привлечением Белого к судебному процессу в качестве свидетеля. Тематически оно тесно связано с письмом Белого к Н. А. Тургеневой (№ 11) в настоящем издании.

Второе письмо (от 16 апреля 1917 г.) отражает болезненную и бурную реакцию Метнера на выход осенью 1916 г. направленной против него книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., на обложке указана дата — 1917). Оно знаменует разрыв отношений уже не только с Белым, но и с теми, кто ему

.....
выпустил в Цюрихе восхваляющую его брошюру «Meister Nikisch» (Там же. С. 163, 222).

¹⁷ Не ясно, о ком идет речь.

симпатизировал и его поддерживал, в том числе и с Наташей.

Документальное подтверждение того, что общение Метнера с Наташей возобновилось, относится только к 1929 г. При встрече во Франции, где Н. А. Поццо занималась антропософской деятельностью, душевного контакта не возникло, от былой очарованности не осталось и следа. Он отзывается о Наташе насмешливо, презрительно и раздраженно: «<...> Наташа была здесь и потешала меня; она, во-первых, изобразила дурнущую девицу в очках, „ходящую в народ“ (старого типа нигилистку); нельзя до такой степени исказить свою внешность; а потом она изображала Саломею с головой Иоханаана; роль последнего, конечно, играл мой бюст». Сравнивая Наташу с Асей (общение с которой тоже возобновилось в 1930 г.), Метнер теперь отдает предпочтение младшей сестре. По сравнению с Наташей ранее ненавистная Ася кажется ему «гораздо умнее и сноснее»: «Она все-таки артистка и это спасает ее от крайностей антропософии»; «Она переросла Наташу и совсем лишена специфического и сектантского штейнерианства»¹⁸.

.....
¹⁸ Информация про общение Метнера с сестрами Тургеневыми сообщена М. Юнггренем. Им же предоставлены подтверждающие это фрагменты из хранящихся в Библиотеке Конгресса США писем Э. К. Метнера родным (к А. М. и Н. К. Метнерам от 9 октября 1929 г. и 7 марта 1930 г.; к Н. К. Метнеру от 27 октября 1930 г.). Приношу ему глубокую благодарность.

Цюрих. 8/VI—16

Дорогая!

Как Вы могли думать, что я уж так отчаянно несправедлив и глуп! Все дело в том, что я не называю фразу Иоганну — фразу Пульман, а Вы в своем письме написали очень неясно (каллиграфически), и я понял, что Борис Николаевич не отправил письма адвокату господина Пульмана¹.

Конечно, хорошо, если бы он отправил письмо и адвокату фразе Иоганны, т. к. она обязалась честным словом не тревожить Бориса Н<иколаевич>а в суд, но раз адвокат господина Пульмана сам отказался от намерения вызвать Бориса Н<иколаевич>а в суд, то не-отправление другого письма потеряло значение.

Я стою одиноко и не нахожусь ни под чьим влиянием и ни под каким коллективным давлением. Если я теряю логику, это менее простительно, нежели если это происходит с Вами, кот<орая> потонула в системе Доктора и в коллективном эфире общества. Я прошу у Вас прощения, что огорчил Вас. Но (вследствие каллиграфического недоразумения) отказ Бугаева послать письмо адвокату Пульмана я поставил невольно в связь с тем, что мы узнали «положение дела с другой стороны»² и с за-

мечанием, что процесс между Пульманами не касается непосредственно Эллиса и его чести³.

Но даже оставив эту долю недоразумения, которая связана с фатальной ошибкой моей в дешифровании Вашего письма (кот<орое> я читал вдобавок в электричке, забыв дома пенснэ), должно сказать, что Вы (и это особенно больно, так как я считаю Вас как личность более независимой, чем огромное большинство других антропософов) все-таки слишком поддаетесь «партийной дисциплине». Ну разве не ясно, что в этом деле права фрау Иоганна?⁴ Наконец, содержание контр-иска Пульмана таково, что не оставляет никаких сомнений в поддержке, которую Пульман в своих нелепых обвинениях имеет в наиболее видных членах антропософического общества. Начать с того, что Пульман ссылается как на свидетелей на графиню Калькрейт, на Frau von Brandis, на Frau Vacano, на Frau Kinkel, на г<оспо>жу Бергенгрюн⁵; за всем этим чувствуется рука, которая ведет интригу против фразе Иоганны и для которой все, как друзья, так и враги, просто средство⁶. Если это не так, тогда Пульман позволил себе самовластно распорядиться личностями означенных высоких «теток»⁷ и тогда пусть его за это немедленно исключат из общества⁸, чтобы показать, что не имеют никакого отношения ни к его неджентельменскому поступку, ни к самому процессу.

Что Frau Dr. Steiner⁹ покровительствует Пульману и его возлюбленной, которая называет себя фразе Пульман¹⁰, в этом сомневаться нечего¹¹.

Далее, что касается Вашего утверждения о том, будто честь Эллиса не связана с процессом¹², имею

сообщить следующее. Кроме музейской истории¹³ Бугаев очевидно имел слабость рассказать Пульману и о зубатовской истории¹⁴, которая теперь тоже всплывает в качестве доказательства эллисовского негодяйства; никто во всей Швейцарии не мог этого передать Пульману, кроме Бугаева.

После разговора с Бугаевым друг Пульмана навел справки в прежнем месте жительства Эллиса и фрау Иоганны об их поведении. Этот «друг» — Фарнаро. Затем они отправляли какую-то бумагу в Московскую тайную полицию. Пульман приходил и сам рассказывал фрау Иоганне, что друзья Эллиса знают о темном революционном прошлом¹⁵, о какой-то политической игре, о связи с Азефом¹⁶ и т. д.¹⁷

Затем Пульман сказал, что антропософы решили этим воспользоваться, донести швейцарской полиции и устроить так, чтобы выпроводить Эллиса из Швейцарии за границу (как была выслана по интригам антропософов некая госпожа Вакано из Германии).

Сообщаю это Вам конфиденциально; не вмешайтесь в эти дела, но знайте, что общество по своей морали не выше других, если не ниже. Те же интриги, те же подкапывания, то же умывание рук со стороны главы общества. Если это не так, если я ошибаюсь, то сообщите мне в следующем письме о том, что господина Пульмана исключили из общества за то, что он втравил его в свои нечистоплотные дела. До свидания, дорогая. Еще раз прошу Вас простить мне то, что произошло по моему недосмотру.

Ваш М.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. письмо Белого Н. А. Тургеневой (№ 11), в котором он пишет об отказе участвовать в бракоразводном суде между Иоганной Польшман и Джоном Польшманом в качестве свидетеля со стороны Дж. Польшмана и просит уведомить об этом Эллиса. Очевидно, Н. А. Тургенева пересказала письмо Белого Э. К. Метнеру (который был посвящен в детали процесса), чтобы тот уже передал его содержание Эллису.

² Возможно, обыгрывание латинской судебной формулы «*Audiat et altera pars*» (или «*Audi alteram partem*»), означающей необходимость «слушать другую сторону».

³ Ср. заявление Белого в письме Н. А. Тургеневой (№ 11) о том, что «до явного нападения на г. Эллиса, порочащего его честь», он не считает «возможным вмешиваться в судебные разбирательства столь интимного свойства».

⁴ См. примеч. 2 на с. 226—228.

⁵ Ср. в письме Эллиса к Н. П. Киселеву от 29 октября 1917 г.: «Одним из свидетелей была поставлена г-жа Брандис<, > американка, уехавшая в Аргентину за ½ г. до процесса. Последнее вызвало у судей хохот. Имена антропософов таковы:

Gräfin Calkreith — центр<альное> лицо в Дорнахе.

Frau Vacano — пред<седатель> группы „Парсфаль“ (Ха, ха, ха!)

<...> г-жа Бергенгрюн — тетка М. В. Сабашниковой» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 9 — 9 об.).

Паулина фон Калькрейт (Pauline von Kalkcreuth; 1856—1929), графиня, была членом Теософского общества еще до того, как немецкую секцию возглавил Штейнер; одна из руководителей антропософской ветви в Мюнхене; участница строительства Гетеанума (в числе резчиков по дереву).

Альма фон Брандис (Alma von Brandis; 1859—1950) — член немецкого отделения Теософского общества с 1906 г.; эзотерическая ученица Штейнера; жила в США (одна из первых американских антропософов), периодически приезжала в Дорнах.

Харриет фон Вакано (Freiin Harriet von Vacano; 1862—1949) — член немецкого отделения Теософского общества с 1904 г.; переводчица (под псевдонимом Harry Köhler; в ее переводе на немецкий вышло собрание сочинений Вл. Соловьева: *Solov'ev Vladimir S. Ausgewählte Werke / Aus dem Russischen von Harry Kohler. Bd. 1—4. Stuttgart: Der kommende Tag, 1921—1922*); работала в Мюнхене (содержала вегетарианскую столовую). См. ее характеристику М. В. Сабашниковой: «Я столовалась у фрау фон Вакано, которая содержала вегетарианский ресторан под названием „Фруктовая корзинка“ и при нем небольшой пансион. Позднее получили широкую известность ее превосходные переводы сочинений Владимира Соловьева, вышедшие под псевдонимом Гарри Келлер. Она воспитывалась в России и была сильной индивидуальностью, способной к большим взлетам и воодушевлению. Но эти свойства у нее соединялись со склонностью к фантастике, и в ее „Фруктовой корзинке“ созревали иногда плоды псевдомистического сорта» (Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея: История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; примеч. С. В. Казачкова, Т. Л. Стрижак. М.: Энигма, 1993. С. 198).

Алиса Кинкель (Alice Kinkel; 1866—1943) — член немецкой секции Теософского общества с 1903 г.; одна из ближайших соратниц Штейнера, его эзотерическая ученица; работала в Штутгарте.

⁶ Ср. в письме Эллиса Н. П. Киселеву от 5 июля 1917 г.: «Метнер обладает судебным протоколом процесса уголовного суда

в Базеле, в котором меня и Frau Johann'у антропософы обвинили в противозаконном сексуальном сожитии (меня — в сутенерстве) и выставили свидетелями 7 человек, самых видных представителей „ложки“ с согласия и ведома Steiner'a. Frau Johann'a начала процесс против Джона Пульман'a, сбежавшего с проституткой, выдававшей себя за его жену и перехватывавшей письма и деньги на имя Frau Johann'ы. Steiner разрешил этой проститутке <нрзб.: посещение?> эзотерических лекций. На суд явились по его желанию видные антропософы и доказывали под присягой, что он невинен, а Эллис живет на содержании у Johann'ы. Процесс выиграла Johann'a, Джон раскаялся слезно и на суде заявил, что отказывается от обвинения, а Steiner не раскаялся и продолжает учить о двух Иисусах» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 10. Л. 12 об.). По убеждению Эллиса, все это — «организованная травля за книгу Intermediarius'a» (то есть за выпущенную И. Польшман под псевдонимом «Intermediarius» книгу «Christliche Theologie und Kosmosophie nach dem Zeichen des heiligen Graal» — Leipzig, 1914) (Там же); к тому же «они» (то есть антропософы. — Сост.) хотели через Джона иметь руку над свободой, работой и деньгами Johann'ы» (Ед. хр. 13. Л. 10).

⁷ Так пренебрежительно Белый, Эллис и др. называли страстных и преданных последовательниц Штейнера. См. их характеристику в «Воспоминаниях о Штейнере»; «„Тетка“ — определение антропософки, догматически шаржирующей антропософию; с „теткой“ — боролся доктор всю жизнь; а „тетка“ — перла и перла в общество на протяжении 20 лет, преодолевая все искусственные преграды, ставимые ей на пути; <...>; „тетками“ делались: и художницы, и бывшие кухарки, и дамы с высшим образованием, и дамы-благотворительницы; фрейлины, купчихи,

чиновницы, полукухарки, артистки, социал-демократки <...>; кричащие знаки своего отличия, бросавшиеся в глаза в эпоху 1908—1914 годов: <...> стриженные волосы, яркая стола, туники, очки, длинный нос, огромный подбородок; и — крест с розами на груди; в таком виде она сидела в первых рядах под доктором, умильно улыбаясь на все калямбуры о тетках. Термин „тетка“ придуман доктором» (ВШ. С. 309—310).

- ⁸ У нас нет сведений о том, что Джон Польман был членом Антропософского Общества.
- ⁹ М. Я. Сиверс. Штейнер сочетался с ней гражданским браком в декабре 1914 г. «<...> этот брак, конечно, был чисто духовный; М. Я., многолетний секретарь доктора, обитала в квартире доктора; в Берлине это не вызывало нареканий; но совместная жизнь доктора с М. Я. на вилле „Hansi“ в Дорнахе вызвала нарекания со стороны швейцарских мещан. Чтобы заткнуть глотку этим мещанам, доктор и М. Я. обвенчались; тем не менее, этот „брак“, мотивы которого ясны для всех мало-мальски сознательных антропософов, вызвал негодование в целой части Общества, по преимуществу в среде того карикатурного и „quasi“-окультного элемента, который мы называли „тетками“ <...>» (МБ. С. 196).
- ¹⁰ Ее поведение вызывало яростное возмущение Эллиса: «<...> г-жа Грундер стала получать письма и телеграммы от имени Frau Pulman, ходить по сомнительным ресторанам под той же фамилией, получилось в Базеле сразу 2 „Frau Pulman“, из которых одна оказалась проституткой. Полиция могла легко смешать и что же могло получиться?» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 10 об.).
- ¹¹ Покровительство выражалось в допуске г-жи Грундер на лекции Штейнера.
- ¹² См. примеч. 3 на с. 297.

- ¹³ См. примеч. 9 на с. 230. Ср. в письме Эллиса к Н. П. Киселеву: «Не припомнит ли он (Белый. — *Сост.*), что сообщал он об Эллисе и музейской истории (и о другом еще худшем) во время посещения Белого Джоном [Польманом — *сост.*] при отсутствии Аси + Наташа за чайком с папироской?» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 10. Л. 14).
- ¹⁴ Сергей Васильевич Зубатов (1864—1917) — создатель системы политического сыска в России; начальник Московского охранного отделения (1896—1902) и Особого отдела Департамента полиции (1902—1903); в 1903 г. отправлен в отставку.
- ¹⁵ Имеется в виду увлечение Эллиса марксизмом (еще до знакомства с Белым) и его связи с представителями нелегальных организаций (см.: Лавров А. В. Несколько штрихов к «долитературной» биографии Эллиса // *Stanford Slavic Studies*. Vol. 49: Скрещения судеб: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und Dem Westen: A Festschrift for Fedor B. Poljakov / Ed. by L. Fleishman, S. Newerkla and M. Wachtel. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2019. С. 167—178). Белый в мемуарах подробно и вместе с тем невнятно пишет о том, что Эллис «водился» с «экспроприаторами-максималистами», имел отношение к распространению нелегальной литературы, оружия и пр. См., напр.: «С 1905 года вопреки аполитичности в лысом бодлерианце вспыхнул максимализм; появились старые знакомые эпохи увлечения марксизмом <...>; Эллис открыл дверь нелегальным; знакомые приводили знакомых <...>; комната Эллиса стала почтовой конторой для передачи: сообщение вкладывали в книгу на столе; приходили: прочитывали, отвечали, вкладывали; с Эллисом не считались; о „почте“ он сам не знал; наткнулся случайно. Он устраивал вечера в пользу нелегальных и боевых

организаций; сидел в Бутырьках <...>» (Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 56).

Эллис был арестован в ночь с 5 на 6 января 1908 г.; отпущен «без дальнейших последствий». См. его письмо В. Я. Брюсову от 10 января 1908 г., в день освобождения: «При обыске ничего предосудительного найдено не было. Из тюрьмы мне удалось порвать все нити, могущие меня скомпрометировать, так что невозможны неприятности ни для Бугаева, ни для вас лично, ни для „Весов“» (Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 315 — публ. и коммент. А. В. Лаврова). Несмотря на столь кратковременное пребывание «в тюрьме, в охранном отделении», в «Сущевск<ой> части» (Там же. С. 315), Эллису, как свидетельствовал Белый, «докучали потом: и слежкой, и обысками; раз чуть не сцапали ящик с нелегальной литературой, которую поставили к нему на хранение; Эллису пришлось в голову сесть на ящик; про ящик забыли» (Белый А. Начало века. С. 57).

¹⁶ Евно Фишелевич Азеф (1869—1918) — глава Боевой организации эсеров и одновременно провокатор, сотрудник Департамента полиции, некоторое время работал под началом Зубатова.

¹⁷ Ср. в письме Эллиса к Н. П. Киселеву: «У меня с Белым общих друзей и знакомых быть не может, особенно ввиду след<ующего> факта: Белый в Базеле распространял среди антропософов слухи <...> даже об оклеветании меня как политич<еского> провокатора в эпоху студенчества моего в таком свете, что я даже при желании перескочить подобные факты не в силах. Я пишу это, имея фактич<еские> и документальн<ые> доказат<ельства>, каковые готов представить при требовании» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 10. Л. 10 об.).

2

Э. К. МЕТНЕР — Н. А. ТУРГЕНЕВОЙ

ZÜRICH. 16/IV — 17¹

Дорогая Наташа!

Шлю вам письмо Ильина (открытое!)² Андрею Белому (в копии), с приложением (копии) пояснительного отрывка из его же препроводительного письма мне³. Хотя Вы и Ася, которой Вы (о чем очень прошу Вас) покажете оба документа⁴, по самой природе вещей не можете «занять недвусмысленной*» позиции по отношению к бугаевскому паквилю⁵, ибо слишком связаны и со Штейнером и с Андреем Белым, но я все же считаю совершенно необходимым, чтобы Вы обе знали о походе Ильина против А. Белого. И думаю, что Ильин сам ничего не имел бы против того, что я выслал Вам копию.

Как я, кажется, Вам сообщал, мой демон запрещает мне писать письма; ничего не могу сообразить, а так хотелось бы многое сказать. Но и сказать устно тоже не считаю более возможным, ибо думаю, что нам лучше пока что не видаться!

Слишком трудно и... тяжело! Делал я страшные усилия, чтобы в утро Вашего отъезда в Базель⁶ не съездить на вокзал — проводить Вас.

.....
* В смысле, желательном Ильину! (примеч. Э. К. Метнера).

Надо, надо нам прервать сношения. Если есть (если осталось!) нечто, тесно связующее наши души, оно даст о себе знать в лучшие времена, в будущем.

Цитаты, приводимые Ильиным⁷, показывают, что Андрей Белый перешел ту грань, которая давала бы мне возможность потушить пожар. Я просто не вправе удерживать своих друзей. Ведь я не думаю, что Андрей Белый, настаивая в 1915 г. на напечатании своей книги против меня в Мусагете⁸, пустил в ход весь лексикон своих ругательств; это было бы чересчур наивно даже для его «безответственной простоты»⁹; следовательно, передо мною еще и снова другая книга; третья; первая — та, о которой мы говорили в Дрездене¹⁰; вторая — та, которую Андрей Белый писал после скандального выхода из Мусагета¹¹, но до окончательного разрыва 1915 г.¹²; третья, дописанная, — о носороге и фертике¹³.

Странно, почти жутко думать, что Вы, Петровский, столь, каждый по-своему, близко подошедшие ко мне, знали и допустили это. Но — тут антропософия, а о вкусах не спорят.

Вы конечно скажете, что и моя книга — памфлет и пасквиль!

Я подрывал только умственный авторитет Штейнера и продолжаю думать, что он один из бездарнейших людей, если не считать оккультизма и чисто внешних способностей (памяти, некоторого красноречия и т. п.). Андрей же Белый сделал попытку морально пристукнуть меня. Если сообразить, что он «в славе», что я — немчура, что я лишен возможности ответить ему теперь, т. к. книги

его не получу¹⁴, то положение хуже губернаторского¹⁵ после революции, а не только до.

Необходимо дать войне разразиться; сдерживать ее, значит допустить самоотравление организма. М. б. после войны наступит мир и тогда увидим.

Одно знаю: по-христиански я могу м. б. Андрею Белому простить, но в этой жизни никогда¹⁶, сколько бы он не искал меня, не обменяюсь с ним ни единым словом¹⁷.

Полагаю, что даже неблагородно было бы ждать от меня такого «благородства», чтобы я не дал возможности (если таковая будет) моим немногим друзьям разрядить все свои орудия и исстрелять все свои заряды по вражеской линии не только андребеловской, но и вообще вавилонской, как называет антропософию Эллис¹⁸.

VIII тетрадь Тр<удов> и Дн<ей>¹⁹ (статья Бердяева, идущая против меня²⁰, статья Боброва, защищающая Андрея Белого²¹) достаточно свидетельствуют о моем беспристрастии. Но мое терпение лопнуло! Окончательно.

Я бы хотел, чтобы Вы дали понять Петровскому, что я и с ним порываю окончательно после 23-летнего знакомства и дружбы, если он считает книгу Андрея Белого справедливым ответом на мою. Самому мне было бы тяжело ему об этом сказать²².

Появление в свет книги Андрея Белого против меня замыкает целый период моей жизни, который открылся появлением в свет его II симфонии²³; этот период, длившийся ровно 15 лет (1902—1917), отошел окончательно в историю. Военные действия, которые откроются, не есть продолжение этой «ис-

тории», а только выявившийся результат, т. к. под историей (и ее невозможным продолжением) я разумею лишь свое отношение к Андрею Белому и все связанные с ним душевно-духовные процессы, которые ныне сразу навсегда стали невозможными.

Спасибо за милое письмо (и за франц<узское> деловое)! Пусть за это грядущее время Ваша душа беседует иногда с Вельзунгом Фридрихом²⁴. Там на том плане мы вне того, что нас сейчас не может не разделять здесь²⁵.

Ваш Миля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо является реакцией на выход книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилю Метнеру на его первый том „Размышлений о Гете“» (М.: Духовное знание, 1917), которая стала причиной громкого и уже последнего скандала в отношениях Метнера с Белым. Этот яркий и резонансный эпизод в истории отечественного символизма не раз становился объектом внимания исследователей, комментировавших его литературные, психологические и политические контексты, реконструировавших хронологию событий и опубликовавших (целиком или во фрагментах) ряд важнейших документов по этой теме (см.: *Гаврюшин Н. К.* В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 98—105; *Глуховская Е. А.* Последний год «Мусагета»: Эллис между Эмилием Метнером и Андреем Белым // *Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика.* Белград; М., 2017. С. 287—293; *Лагутина И. Н.* В поисках утраченной истины // *Белый А.* Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении

современности. Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С. 686—697; *Соболев А. Л.* Андрей Белый и Н. П. Киселев // *Арабески Андрея Белого...* С. 13—35; *Переписка Андрея Белого и Н. П. Киселева / Подгот. текста и примеч. А. Л. Соболева* // Там же. С. 36—102; *Юнгрен М.* Иван Ильин и Андрей Белый в 1917 г. // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты / Сост. А. И. Резниченко. М., 2014. С. 34—42; *Юнгрен М.* Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001; и др.). Поэтому кратко обозначим лишь те повороты сюжета, без которых понимание письма будет затруднено.

В августе 1914 г. Метнер выпускает в издательстве «Мусагет» книгу «Размышления о Гете. Кн. 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (М., 1914). Белый узнал об этом в ноябре: «<...> из Москвы нам прислали книгу Метнера и я принялся старательно ее изучать; меня потряс тон книги: желчный, злой, нападательный; я видел, что первая книга в России о докторе Штейнере рисует доктора в ужасном, искаженном виде; и я понял, что оставлять такую книгу без ответа нельзя <...>» (МБ. С. 189). На книгу «против Штейнера» он решил ответить книгой «против Метнера» и принялся за ее написание. Книга Метнера с пометами и замечаниями Белого сохранилась в Архиве Гетеанума (см. илл. на вклейке 3). Во время приездов Метнера, также живущего в Швейцарии, в Дорнах Белый рассказывал ему о ходе своей работы над книгой и даже зачитывал фрагменты. См. запись в «Материале к биографии за февраль 1915 г.: «<...> я ему читал отрывки из вводительной главы, написанной против него; он хохотал над моими юмористическими выпадами и сказал: „Да, да, — написано весьма талантливо и хлестко; но — посмотрим, что вы напишете против меня по

существо". Я подумал: „Ладно, ладно, — написанное только цветочки; как-то ты будешь смеяться, когда дело дойдет до ягодок“. А этих „ягодок“ в виде неопровержимых аргументов, свидетельствующих о его легкомыслии, было у меня в рабочем портфеле сколько угодно; они лишь еще не поступили в окончательную обработку» (МБ. С. 202).

Метнер поначалу реагировал на «ответ» Белого с юмором, а потом со все более нарастающим раздражением. Его терпение закончилось в первой декаде апреля 1915 г. Искрой, поднесенной к пороховой бочке, стало озвученное Белым и поддержанное его антропософским окружением (А. С. Петровским, Асей) требование напечатать книгу в издательстве «Мусажет». После вспыхнувшего скандала личные отношения Белого и Метнера были прерваны (более они не встречались), но история не закончилась.

Выход книги Белого (в ноябре 1916 г.; на обложке 1917 г.) перевел конфликт на новый уровень: скандал стал публичным, так как философ Иван Александрович Ильин (1883—1954) решил вступить за честь Метнера и написал открытое письмо Белому (датировано 6 февраля, отправлено 9 февраля 1917 г.), в котором объявил его книгу пасквилем. Далее в центре общественной дискуссии оказались уже не взгляды Метнера и Белого на Гете и Штейнера, а само письмо Ильина, вынуждающее лиц, знавших обоих авторов, даже если они не читали книг, определить, в чьей партии они находятся. Однозначно на сторону Метнера и Ильина стал Эллис, подливший масла в огонь открытым письмом сотрудникам «Мусажета» и журнала «Труды и дни», а на сторону Белого — убежденные антропософы. Примечательно, что на момент разразившегося скандала Метнер книги Белого не читал (он получит ее в октябре 1917 г.), а судил о ней только по пересказу Ильина. Но и этого хватило для того,

чтобы порвать отношения с многими из тех, с кем связывали многолетние дружба и работа.

Поддержку Ильина Метнер оценил очень высоко: «Дорогой Иван Александрович! <...> Следует ли говорить о том, как я Вам благодарен за Ваше мужественное вступничество! <...> С текстом Вашего письма я вполне согласен и во все не нахожу его чересчур резким» (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 9). Далее он сообщил о предпринятых им шагах: «Я сделал две копии Вашего письма и отправил одну в Дорнах, чтобы дать понять антропософам невозможность моих дальнейших сношений с ними, другую Эллису, который реагировал на Ваше письмо очень сердечно» (Там же).

Роль Эллиса в этом конфликте освещена весьма подробно. Дорнахская же линия сюжета оставалась в тени. Публикуемое письмо является необходимым элементом в общей картине происходящего, так как оно и есть то самое письмо в Дорнах, о котором Метнер сообщал Ильину на следующий день после его отправки — 17 апреля. Пересекаясь во многом по фактам и даже выражениям с письмами другим корреспондентам и сотрудникам «Мусажета» (А. С. Петровскому, Н. П. Киселеву, И. А. Ильину), письмо Наташе вместе с тем и существенно от них отличается — прежде всего эмоциональным, душевным посылом (более мягким, скорбным и нежным).

² Открытое письмо И. А. Ильина от 6 февраля 1917 г. не было обнаружено в фонде Н. А. Тургеневой. Возможно, Наташа передала его Асе или другим русским антропософам. Воспроизводим его по публикации Н. К. Гаврюшина «В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого»: Милостивый Государь Борис Николаевич!

С чувством острого стыда и тяжелого отвращения прочел я книгу, выпущенную Вами против Эмилия Карловича

Метнера. Я прочел ее всю, и читая, чувствовал себя так, как если бы я, уже одним чтением, становился участником низкой выходки, направленной против благороднейшего из людей. Отсюда у меня непреодолимая нравственная потребность заявить открыто, что книга Ваша есть явление постыдное, и что все непристойное, напечатанное в ней, возвращается на голову того, кто ее писал.

Есть злые поступки, которые унижают не того, против кого они направлены, а того, кто их совершает; и чем дольше этот поступок созревал в душе, чем сознательнее и планомернее он подготовлялся, тем более он приносит духовного позора тому, кто его обдумал, подготовил и совершил. Когда кто-нибудь поносит человека, горящего о духовной чистоте и предметном знании, то хула его изобличает его самого и оттеняет своею низменностью — высоту истинной духовной жизни. Так, духовный облик Эмилия Карловича раскрывается всем, знающим его, с особенною глубиною и чистотою, он становится для всех нас особенно близким и дорогим после Вашей недостойной попытки соединить с его именем целый ряд инсинуаций.

Новое произведение Ваше, столь недвусмысленно освещающее Вас и всю Вашу литературную деятельность, — не дает и не может дать никаких оснований для того, чтобы подойти к вопросу о понимании Гете по существу. Скорбно видеть, что духовное величие не ограждено от прикосновения пошлости; но эта скорбь не может побудить к обсуждению великого предмета в связи с неприличным памфлетом.

А Ваша книга есть именно памфлет, приближающийся к пасквилю. Она имеет не объективный, а вызывающий характер; она все время силится скомпрометировать противника и не останавливается даже перед грубою бранью («скотодворное животное», стр. 71; «бык», стр. 78;

«носорог», стр. 79; «фертик», стр. 79 и т. под.); она вся написана тоном вульгарной демагогии, — и потому она есть памфлет.

Но, когда Вы осмеливаетесь утверждать, что Эмилий Карлович проявлял «неуважение к душевным святыням» и «тащил святыни в базар словопрений» (стр. V и 20); когда Вы пытаетесь уверить читателя, что он распространяет «прескверную сплетню» (стр. 166); когда Вы приписываете ему «максимум безответственной простоты» (стр. 140); или «спекуляцию на неведении читающей публики» (стр. 138); когда Вы осмеливаетесь обвинить его в «наветах» и «изветах» (стр. 64, 65, 173), объявляете его критику — «травлей» (стр. 4, 138) и призываете к избиению (стр. 336); когда Вы уверяете, что он «нападает на безоружного врасплох» (стр. 8), подобно «разбойнику» (стр. 17), но «целомудренно прикрываясь мотивами» (стр. 78) и т. под., — то памфлет Ваш становится пасквилом, ибо распространяет в печати сведения ложные и оскорбительные.

Вам угодно было обогатить русскую литературу пасквилом, — и мы примем его как зрелый итог Вашей жизни. Он свидетельствует о себе как порождение личной злобы и бессильного отчаяния.

И эта личная злоба, которой хватило для того, чтобы написать отвратительный памфлет в триста сорок одну страницу, прочитав его в корректуре и верстке и выбросить на рынок, — обнаруживает с очевидностью, что это такое за «катарсис» (стр. 38) души, который осуществляется под руководством Рудольфа Штейнера, курсов коего, по Вашему признанию, «нельзя безнаказанно слушать» (стр. 39). По истине: «по плодам их узнаете их».

Будьте уверены, что я не узнаю Вас в лицо и не подам Вам руки при встрече. Я не желаю знать Вас до тех пор, пока

не услышу от Эмилия Карловича, что Вы покаянно испросили у него прощение.

Иван Александрович Ильин, приват-доцент Моск. Университета

(Вопросы философии. 1995. № 7. С. 99—100).

Ильин дает страницы по изданию: *Белый А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности*. М.: Духовное знание, 1917. См. также издание с комментариями И. Н. Лагутиной: *Белый А. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере*. М., 2000.

³ Имеется в виду письмо Ильина Метнеру от 10 февраля 1917 г. Оно также не было обнаружено в фонде Н. А. Тургеневой и также воспроизводится по публикации Н. К. Гаврюшина: Милый друг!

Вчера, 9 февр<аля>, я отправил Борису Бугаеву заказным по его адресу (Арбат, Никольский пер. д. 21, кв. 5) открытое письмо, полную копию с которого при сем прилагаю.

Это письмо было мною предварительно обсуждено с адвокатом, в предвидении дальнейших правовых последствий. В наступлении их сомневаюсь: слишком велика была бы бламаже для него. От третейского же суда и суда чести я намерен открыто уклониться, ибо свой акт рассматриваю не как частно-правовой, а как публично-правовой, т. е. как акт уголовной морали.

До отправки письма это было обсуждено и в интимнейше-замкнутом кругу.

Сегодня мною разосланы первые копии с него, с полномочием показывать письмо всем, кому адресаты найдут нужным. Первые копии получили: К. П. Метнер, А. М. Метнер и кн. Евгений Трубецкой. На днях будут разосланы дальнейшие.

Пасквиль Бугаева выслать Вам нельзя: объявлено о непропуске книг через границу. Отвечать на него печатно — значит валяться в грязи. Вам надлежит совсем промолчать на него. Копии будут посланы мною всем, в ком я нахожу сочувствие своей духовной работе. И, конечно, тем из Ваших знакомых, которые окажутся на высоте, т. е. сумеют занять недвусмысленную позицию по отношению к бугаевскому пасквилю.

О прочих делах напишу отдельно. Письмо Ваше от 14/I.1917 получил.

Ваш И. Ильин (Там же. С. 99).

⁴ Это было для Метнера важно, так как Асю (выведшую его из себя во время последней встречи в апреле 1915 г.) он винил в разрыве своих отношений с Белым едва ли не в больше, чем самого Белого: «Во время нашего чрезвычайно трудного разговора [в апреле 1915 г. — *Сост.*] Ася давала одну реплику за другой, и каждая следующая была обиднее (ибо неосновательнее) предшествующей. Если она этого не понимала <...> то возникает вопрос, могу ли я с Вами говорить по существу в присутствии самого близкого Вам человека, который совершенно не подозревает, какие удары он наносит моей душе именно в те моменты, когда я силюсь, как можно отчетливее, выяснить Вам мою мысль и обсуждаемое дело; если же Ася чувствовала обидность <...>, то возникает вопрос, могу ли я говорить по существу с Вами в присутствии того же человека, кот<орый> сознательно мешает говорить по существу, внося излишние эмоциональные моменты» (*Белый — Метнер*. Т. 2. С. 675—676. Письмо от 10 апреля 1915 г.). Далее следуют детали, приведшие к взрыву. Ася является главной фигурой этого скандала и в версии Белого. По его мнению, в ответ на реплику Аси о том, что «Мусaget» был неправ в конфликте с Белым, «со стороны

Метнера последовал взрыв дикого крика; он выскочил из нашего дома, не простившись <...>. Несколько дней я ждал, что он пришлет извинительное письмо Асе; он его не прислал; тогда я послал ему короткую, но спокойную записку, в которой просил его не бывать у нас и не адресоваться ко мне письмами, пока он находится в состоянии, не могущем нас гарантировать от подобных вспышек. Так оборвались навсегда мои отношения с Метнером, бывшие некогда столь близкими <...>» (МБ. С. 206).

- ⁵ Цитата из письма Ильина Метнеру от 10 февраля 1917 г. См. примеч. 3 на с. 312—313.
- ⁶ Очевидно, имеется в виду какой-то приезд Наташи в Цюрих и ее возвращение через Базель в Дорнах.
- ⁷ См. примеч. 2 на с. 309—312.
- ⁸ «Справедливость требует, чтобы в *Musagete*, где раздался голос против Антропософии, раздались бы и возражение <...>», — признавал сам Метнер. Однако в ситуации разразившегося скандала выполнение этого требования было, по мнению Метнера, равносильно тому, как если бы «во имя справедливости <...> офицерская вдова сама себя высекла» (Белый — Метнер. Т. 2. С. 678. Письмо от 10 апреля 1915 г.). Далее у Метнера следует подробная аргументация отказа.
- ⁹ Ср. у Белого: «Свой ответ на „разбор“ мог бы я проработать в доступную форму, аппарат спрятать в стол и сражаться с автором в еще более резвой форме игры афоризмов, им неудачно затеянной; но при этом я получу укор в „безответственности“; быть „безответственным“ по отношению к мысли д-ра Штейнера не улыбается мне <...>» (Белый А. Рудольф Штейнер и Гете... М., 1917. С. 19). Процитированные Метнером слова характеризуют у Белого метод самого Метнера: «Но чернила нашлись (не простые, а — наиболее черные): д-р Штейнер, знаток Гете и... вместе с тем...

„окультист“... Карикатурить тут очень просто: карикатура „окультурное“, в глазах публики опрокинешь ведь и „знатока гетеанства“; опрокинувши знатока, рикошетом коснешься и... Гете; словом: максимум безответственной простоты» (Там же. С. 140).

- ¹⁰ Знаменательная примирительная встреча Белого с Метнером в Дрездене (или, как называл ее Метнер, «дрезденское соглашение», «дрезденское свидание») произошла в первой декаде сентября 1913 г. и была связана с разрешением (кратковременным) другого конфликта (вокруг публикации брошюры Эллиса «Vigilemus!»). Тогда Белый действительно выражал желание написать о Метнере: «<...> жду все благоприятной, свободной от обязательств полосы, чтобы основательно приняться за разбор Ваших произведений <...>. Мысль написать большую статью или небольшую монографию давно не дает мне покоя — не как долг, а как движение сердца, как заглазный разговор с другом <...> И именно оттого, что хочу давно писать на затронутые Вами темы, не писал ничего о Вашей книге; <...> хочется статьей *справить пир*, а не... „строчить разбор“; оттого и не пишу; Ваша книга будет предлогом к этому моему пиру» (Белый — Метнер. Т. 2. С. 575. Письмо от 22 сентября 1913 г.). К моменту «дрезденской встречи» 1913 г. Метнер был автором книги «Модернизм и музыка» (М.: Мусaget, 1912; под псевдонимом Вольфинг), но книга «против Штейнера» тогда, очевидно, уже задумывалась и обсуждалась (еще в доброжелательном ключе): «<...> я невольно задумался над тоном Вашего противления Доктору и его идеям. Верьте: тонус этого противления, хотя я его, конечно, не могу разделить, я понимаю, принимаю и уважаю; он звучит благородно и из внутреннего источника. <...> Стало быть, Ваш язык нападений мне радостно-близок; и до каких бы

Вы резкостей не доходили по адресу Вам несимпатичных штрихов штейнерианства, я теперь понял: они будут варьяциями, преувеличениями того основного тонуса <...>» (Там же. С. 571. Письмо от 13 сентября 1913 г.).

Метнер почему-то, как следует из этого письма и из его письма Белому от 10 апреля 1915 г., полагал, что его «личное (как редактора) обещание устроить напечатание в *Мусагете*» нового сочинения Белого касалось дрезденского плана и разговора: «Это обещание мною дано Вам до конфликта. Но, во-первых, речь шла не о книге в 200 страниц, а о статьях в *Тр<удах>* и *Дн<ях>*, где мне хотелось с Вами начать диалог по поводу этого» (Там же. С. 678). Ср. интерпретацию в письме Метнера А. С. Петровскому от 22 апреля 1917 г.: «Ведь брошюра или большая статья, которую предлагал мне напечатать в *Мусагете* Андрей Белый, летом 1913 г., в Дрездене, куда он приезжал с целью пойти со мною на мировую, была бы все еще произведением *сотрудника Мусажета*; эта брошюра или статья, тогда еще написанная (ибо и моя книга не была еще закончена), не могла бы носить характера *памфлета*, а лишь более или менее острой внеличной полемики» (Соболев А. Л. Андрей Белый и Н. П. Киселев // *Арабески Андрея Белого...* С. 24).

¹¹ Заявление о выходе из состава редакции было отправлено Белым 27 октября / 9 ноября 1913 г. См. последовательное изложение событий: Лавров А. В. Книга Эллиса «*Vigilemus!*» и раскол в «*Мусажете*» // Книгоиздательство «*Мусажет*». История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы / Сост. А. И. Резниченко. М., 2014. С. 13—33.

¹² См. примеч. 1 на с. 306—309.

¹³ Уменьшительное от «ферт» (буква Ф), щеголь, франт. Ср. у Белого: «Критику, <...> стоящему в плоскости логики, ухищренно вырыта... яма в виде презрительных пожиманий

плечами: можно ли уличать ветерком подбитую наготу элегантного и круто-винтящего фёрта? Это не мысль: это — танец нюансов! И логический критик — попадаетея в яму, если он не заявит, что тут афоризм — не целомудренно нагая невинность, а натянутая фривольность, тут же рядом давящая и тяжко-бронной цитатой, и носорожьей броней будто бы логических доказательств; раздражение — тут; раздражение — там: тут бьет севрский фарфор толстокожей стопой носорога; над гранитной стеной перелетает там фертиком; и, не будучи в состоянии возразить на четыреста с лишним страниц методических и логических рассуждений, конкретно рисующих Гете, фертиком переносится через них и теперь уже просто подглядывает у кассы вокзалов поведение почитателей д-ра Штейнера, не подозревающих, что за ними следят по пятам» (Белый А. Рудольф Штейнер и Гете... С. 78—79).

Об отличии между текстом, который в 1915 г. Белый зачитывал (см. примеч. 1 на с. 306—309), и итоговым вариантом книги Метнер с возмущением писал А. С. Петровскому 22 апреля 1917 г.: «Андрей Белый читал мне *отдельные части* своей книги, которая превратилась уже в памфлет, хотя все еще не бросала тени на мою моральную личность. Я принял прочитанное спокойно и с юмором, но отказался напечатать книгу в *Мусажете* (даже если бы были на то средства) и был доведен до гнева и решения вновь порвать с Андреем Белым лишь поведением его и его супруги. Бранных слов, цитируемых И. А. Ильиным, Андрей Белый мне не прочел. Опустил ли их Андр. Белый при чтении или вставил потом после разрыва, это важно только для психологии Андрея Белого. Словом, появившаяся в *Духовном Знании* книга его не есть тот *памфлет*, который он наивно предлагал мне напечатать, а есть тот *пасквиль*, который вызвал

- справедливый протест И. А. Ильина» (Соболев А. Л. Андрей Белый и Н. П. Киселев // *Арабески Андрея Белого...* С. 24).
- ¹⁴ Причина объяснена в письме Ильина к Метнеру от 10 февраля 1917 г. См. примеч. 2 на с. 309—312.
- ¹⁵ Губернатором в коневодстве называли коня, которого использовали для возбуждения кобылы (а потом отгоняли) перед ее случкой с породистым скакуном.
- ¹⁶ О попытке примирения Белого с Метнером в 1930 г. и о том, что Метнер просил передать Белому «сердечный привет, но не прощение», см.: Шишкин А. Эмилий Метнер и Вяч. Иванов о смерти Андрея Белого (материалы из Римского архива Вяч. Иванова) // *Смерть Андрея Белого (1880—1934): Документы, некрологи, письма, дневники, посвящения* / Сост. М. Спивак, Е. Наседкина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 717—721; Наседкина Е., Спивак М. «Примирение состоялось?»: о том, как Андрей Белый «ждал», но «не просил» прощения Эмилия Метнера // *Russian Literature LXXVII (2015) IV. Special issue «Эмилий Метнер: жизнь, творчество, роль в культуре.* С. 533—557.
- ¹⁷ У Метнера описка: «ни единого слова». Ср. в письме Метнера Ильину от 17 апреля 1917 г.: «Внутренно я могу простить его, но никогда больше не вступлю с ним ни в какие отношения, не перемолвлюсь с ним ни единым словом» (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 9).
- ¹⁸ См. об этом статью Эллиса «Теософия перед судом культуры» (1915), написанную как отклик на книгу Метнера и предназначенную для журнала «Труды и дни»: Эллис (*Кобылинский Л. Л.*). *Неизданное и несобранное.* Томск: Водолей, 2000. С. 324—346, 467—474. В письме к Н. П. Киселеву от 20 октября 1917 г. Эллис настаивал на том, что в основе учения Штейнера лежит «идея Вавилона, впитанная евреями в годы „пленения“ через связь с магией»: «Фарисеи

были связаны с этой магией эзотерической. Отсюда их злоба на Иисуса—Назарея. „Вавилонский Талмуд“ есть почва Талмуда антропософского» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 13).

- ¹⁹ «Труды и дни» (1912—1916) — журнал издательства «Мусагет».
- ²⁰ См.: Бердяев Н. А. Гносеологическое размышление об оккультизме // *Труды и дни.* 1916. Тетрадь 8. С. 49—69. В этой статье Бердяев признает, что работы Штейнера о Гете, несмотря на недостатки, в целом имеют «большую ценность» и один раз, в примечании сдержанно-негативно отзываясь о книге Э. К. Метнера: «Статья моя была уже давно написана, когда появилась книга Э. Метнера „Размышления о Гете. Книга I: Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма“ (Москва, „Мусагет“, 1914), имеющая прямое отношение к моей теме. В книге этой есть отдельные интересные мысли, с которыми я вполне могу согласиться, но в общем Э. Метнер не переубедил меня в моих взглядах на соотношение Штейнера, Гете и Канта» (С. 64—65).
- ²¹ Имеется в виду статья С. П. Боброва «Вестибюль российской благонамеренности», защищающая роман Белого «Петербург» от критических нападок в журнале «Северные записки» (1914. Июнь. С. 134—142; статья за подписью «Андрей Полянин» — псевдоним Софии Парнок). См.: Там же. С. 158—162.
- ²² Метнер, поразмыслив несколько дней, решил все же не доверять такое важное поручение Н. А. Тургеневой и 22 апреля написал Петровскому сам, обвинив старого друга (Метнер подружился с Петровским задолго до Белого и содействовал их сближению) в «антропософском иезуитизме»: «Совсем напрасно распространяете Вы ложные известия

о моем снисходительном отношении к пасквилю Андрея Белого. Я вполне подписываюсь под открытым письмом И. А. Ильина и изумляюсь на тех своих друзей, которые находят это письмо резким. Свой антропософический иезуитизм Вы отчасти изволили уже проявить в Дорнахе, весной 1915 г., когда зывали „к высшей справедливости“, будто требующей от меня самобичевания, ибо как иначе назвать можно было бы напечатание книги Андрея Белого, даже в тогдашней ее редакции, в *Musagete*, из которого он вышел со скандалом, отрясая прах с ног своих» (*Соболев А. Л. Андрей Белый и Н. П. Киселев // Арабески Андрея Белого...* С. 24). Изложив свое видение событий, Метнер объявил: «Теперь настал черед и с Вами проститься навсегда после 23-летнего общения. Это горько, но неизбежно» (Там же. С. 25).

²³ *Белый А. Симфония (2-ая, драматическая). М.: Скорпион, 1902.*

²⁴ Героический род Вельзунгов (потомки бога Вотана) действует в оперной тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга». Белый неоднократно подчеркивал в мемуарах, что Метнер воспринимал «лейтмотив „вельзунгов“» лейтмотивом собственной жизни, «введя в жизненный быт символы „Кольца нибелунгов“ Рихарда Вагнера и чувствуя себя в им созданном мифе убиваемым Вельзунгом» (*Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 90*). Здесь Метнер отсылает к опере «Валькирия» (премьеры — 1870 г.), в которой главный герой Зигмунд, происходивший из рода «Вельзунгов диких», поведав найденной сестре Зиглинде историю своих злоключений, констатирует: «Friedmund darf ich nicht heissen; / Frohwalt möcht' ich wohl sein: / doch Wehwalt musst ich mich nennen» («„Мирным“ зваться нельзя мне; „Радостным“ думал я быть, но

„Скорбный“ — вот мое имя» — см.: *Вагнер Р. Валькирия. Первый день трилогии «Кольцо Нибелунга» / Пер. В. П. Коломийцова. М.: П. Юргенсона, 1911; цит. по: Вагнер Р. Кольцо Нибелунга. М., 2001. С. 111*). Таким образом Метнер, вероятно, хотел подчеркнуть, что если по отношению к Белому и его единомышленникам он выступает как Вельзунг-воин, то по отношению к Наташе — как Вельзунг Фридмунд, то есть обращенный к ней мирной стороной своей души. См.: *Andrej Belyj. Dornacher Briefe Natascha Pozzo. 1913 bis 1917 / Hrsg. J. Nilo. Verlag am Goetheanum, 2019. S. 138—139.*

²⁵ Как кажется, через несколько дней позиция Метнера по отношению к Наташе стала более жесткой. Ср. в письме А. С. Петровскому от 22 апреля 1917 г.: «Теперь, когда я узнал всю беззастенчивость Андрея Белого, когда я узнал, что книга его давно дошла до Дорнаха (о чем умалчивала Наташа, общаясь со мною), что, следовательно, вся ругань была обоим сестрам известна, я отказался от (впрочем, за последнее время крайне редкого) общения и с тою и с другою» (*Соболев А. Л. Андрей Белый и Н. П. Киселев // Арабески Андрея Белого...* С. 25).

**«Ася —
больна
и лечится
в Локарно»»**

ПИСЬМА АСИ ТУРГЕНЕВОЙ
НАТАШЕ ТУРГЕНЕВОЙ
(МАЙ/ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1917 Г.)

Письма А. А. Тургеневой сестре были отправлены во время весьма продолжительной болезни, видимо легочной. Стараясь поправить здоровье, пошатнувшееся из-за работы с деревом и стеклом на строительстве Гетеанума, она на несколько месяцев уехала из Дорнаха и жила в Локарно.

Почерк Аси неразборчив, в тексте большое количество орфографических ошибок, нет знаков препинания; иногда в словах опущено окончание, иногда в одном слове (в фамилиях) используются буквы и русского, и латинского алфавита. Все это затрудняет прочтение и понимание писем. В публикации мы приводим орфографию и пунктуацию к современным нормам, оставляя авторское написание лишь в ряде характерных, показательных случаев.

Проблемой является датировка и последовательность писем (ни одно письмо не датировано, не пронумеровано; а в архивной папке они оказались сложены в совершенно произвольном порядке). Приблизительно датировать письма можно по упоминанию событий (и их отголосков), о которых А. А. Тургенева могла узнать из газет или из корреспонденций Белого. Однако здесь надо учитывать, что почта из России шла из-за войны долго, иногда месяцами, да и газеты приходили с опозданием. Факты, отразившиеся на страницах писем, относят-

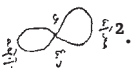
ся по большей части к маю-июлю 1917 г. (сами письма, как кажется, написаны в июне-июле). К 1 августа Ася планировала вернуться в Дорнах, значит, письма были написаны до последнего летнего месяца. «Политическая» датировка не противоречит биографической, личной. Отражение Асиной болезни в письмах Белого также относится к лету 1917 г. Шестнадцатого июня Белый сообщает Иванову-Разумнику, что «Ася — больна и лечится в Локарно» (Белый — Иванов-Разумник. С. 118). Если в письме к Наташе от 10 мая (№ 12) он выражает озабоченность еще только Асиной слабостью, то в письме от 30 июня (№ 13) бьет тревогу по поводу болезни, известие о которой было получено еще 10 июня.

Порядок писем можно реконструировать лишь предположительно, по сквозным бытовым сюжетам и лейтмотивам (болезнь и потом выздоровление, пробуждающее желание вернуться к работе, переезд в новый пансион, уплата налога, отправка посылки...).

Возможно, в будущем сведения о жизни Аси в Швейцарии пополнятся новыми фактами, которые позволят точнее датировать письма и выстроить их последовательность.

1

Вчера было 37¹.

Наташа 2.

Как будто дело идет на лад, чувствую, как тело оживает. Слабость и боли меньше. Жар постепенно спадает — 37,3—2. Но как только слишком задвигаюсь, подымается опять. Туманно, но тепло. С открытым окном и без топки 15 градус<ов>.

Посылаю картинки Пино. Он подарил их мне даром, т.к. я «их уважаю», но за ½ литра молока берет 70 цент<имов>³.

В 8 часов приходит женщина меня растирать. Лежу в постели до 12, потом на постели или на балконе<;> от 2 до 4 приходит v.d. Пальс⁴ и варит мне чай. Сегодня придут Поляки⁵. Боюсь, насуетят.

Читаю Буша⁶<,> Вильг<ейма> Мейстера⁷ и леченье Кнейпа⁸.

Что совсем необычайно, это Evolution vom Gesichtspunkte des Wahrheit<n>⁹. Прочти непременно. Такой красоты картин¹⁰ Д-р нигде не дает. Так что почти читать нельзя. И эти картины строятся из самого внутреннего человека. Это Дюссельдорф<ский> цикл¹¹ совсем по-иному.

Право, откажи [sic!] мне газету и присылай каждые два-три дня, присылай и иногда русские.

От Бори самые что ни на есть патриотические письма. В Петербурге попал в перестрелку¹².

Прощай.

Ася

Гражданский брак установлен — или будет¹³. Он этому радуется¹⁴. А Ты?

По письму Бауера¹⁵ сужу, что надо послать рукопись. Можешь это сделать? И лучше скорей. Она (ремингтонная) в шкапу наверху, где я показывала. Кажется, в желтом конверте. Не запечатывая, хорошенько свяжи веревкой и пошли заказным. Если на почте не примут¹⁶ в Германию, напиши мне тотчас же. Бауеру подробности сама напишу. На конверте напиши [зач.: мне] Geschäftspapier¹⁷. „Kotik Letajeff“. Roman von Andrei Biely¹⁸.

Адрес Бауера: Breitbrunn am Ammersee. Bayern¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Предложение вставлено после написания письма, в верхнем поле листа.
- ² На схеме, отмечающей связь человека с космосом, указаны: «аст. т.» — астральное тело, «Я», Атма, «Е. [нрзб.]» — скорее всего Etherleib (Ätherleib) — эфирное тело. Схема базируется на антропософском представлении о составе человека. Согласно Штейнеру, у человека есть Атма, Буддхи, Манас, «Я», астральное тело, эфирное тело и физическое тело.
- ³ Centime (фр.) — одна сотая швейцарского франка.

- ⁴ Очевидно, имеется в виду антропософ, музыкант, композитор Леопольд Ван дер Пальс (van der Pals; 1884—1966). Не исключено, что Асю с Ван дер Пальсом связывали более тесные отношения, чем просто рабочие и дружеские. Намек на это можно увидеть в горестном и полном упреков письме Белого к Асе от (1919 г.): «Теперь, когда еще неизвестно, увидимся ли в этой жизни, — не время заниматься критикой друг друга; я ждал от Тебя 6 месяцев писем, и — получил 1) воспоминания Твои об „ужасах“ нашей совместной жизни 2) уведомление, что Ты не стесняешь моей свободы <...> 3) уведомление о Твоих отношениях с В. Д. П.» («Люблю тебя нежно...». С. 259). Белый и Ася познакомились с ним еще до приезда в Дорнах, а в Дорнахе тесно сблизились. Ср. запись в «Ракурсе к дневнику» за январь 1915 г.: «<...> приезд Ван-дер-Пальса; начало дружбы с ним» (РД. 417; Белый называет его «Паальс»). Ср. также запись за тот же период в «Материале к биографии»: «<...> появляется в Дорнахе семейство Ван-дер-Паальса из Берлина; с Ван-дер-Паальсом мы уже встречались в Берлине; теперь это знакомство возобновляется; и переходит скоро в дружбу; Ван-дер-Паальс начинает часто бывать у нас <...>» (МБ. С. 198). Его сближению с А. А. Тургеневой способствовало то, что он также занимался эвритмией (ВШ. С. 482) и был резчиком в ее бригаде на архитравах: «К обеду возвращалась Ася, иногда с Ван-дер-Паальсом, который стал работать под малым куполом, над архитравом Юпитера, под руководством Аси <...>» (МБ. С. 222; запись за май 1915 г.).
- ⁵ Видимо, подразумевается чета художников, работавших в Дорнахе над росписью большого купола Гетеанума: Рихард Поллак-Карлин (Richard Pollak-Karlin; 1867—1943; в написании Белого и др. русских антропософов — Полляк), занимавшийся изображением древнегреческой культурной

эпохи, и его жена Хильда Котани-Поллак (Hilda Pollak-Karlin, урожд. Kotányi, 1874—1943), рисовавшая существ, населявших Атлантиду и Лемурию. Белый в «Материале к биографии» в записи за май 1914 г. отмечал, что «появляются художники Поллак (муж и жена) из Праги» (МБ. С. 162), а в записи за март 1915 г., что они с Асей с семейством «Поллак» сблизилась и что «Поллак был интересен между прочим тем, что еще до антропософии годы шел мистическим путем; и имел „стигматы“» (МБ. С. 207). Хильда Поллак занималась оригинальным типом вышивки, повторяющей стежками штриховку, которой учил художников Штейнер. И Рихард, и Хильда погибли в Треблинке.

- ⁶ Вильгельм Буш (1832—1908), немецкий писатель и художник, автор юмористических иллюстрированных книг для детей.
- ⁷ Герой романов Гете «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» (1785), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1721).
- ⁸ Себастьян Кнейпп (1821—1897) — немецкий католический священник, заболевший туберкулезом и вылечивший себя с помощью разработанной им методики гидротерапии. Прославился книгой «Мое водолечение: средства для излечения болезней и сохранения здоровья» (1886); многократно переиздавалась, в том числе на русском (пер. Б. И. Зифферман. Киев, 1893, 1898, 1908 и др.).
- ⁹ Курс Штейнера «Эволюция с точки зрения истины» («Die Evolution vom Gesichtspunkte des Wahrhaftigen»), 5 лекций, прочитанных в Берлине в 1911 г. (31 октября — 5 декабря. GA 132).
- ¹⁰ Окончание слова написано неразборчиво.
- ¹¹ «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире. Зодиак, планеты, космос» («Geistige Hierarchien und ihre

Widerspiegelung in der physischen Welt. Tierkreis, Planeten, Kosmos». GA 110), Дюссельдорф, 1909 (12—18 апреля). Белый упоминает в «Ракурсе к дневнику», что в июле 1912 г. читал «курс об ангельских иерархиях Штейнера (дюссельдорфский)» и что в сентябре 1913 г. его перечитывал (РД. С. 397, 405).

- ¹² Это произошло 28 февраля 1917 г., во время Февральской революции, которую Белый встретил в Петрограде: «Революция на улицах. Пять раз был под пулеметами» (Андрей Белый. Жизнь без Аси // Андрей Белый. Автобиографические своды... С. 668). См. об этом в «Ракурсе к дневнику»: «<...> пытаюсь пробраться к Мережковским, но попадаю под пулеметы у Думы; отсиживаюсь и под стенкой перебегаю к дому Мережковских; здесь, у Мережковских, живу дней пять, имея картину революции рядом (их дом — угол Сергиевской и Таврической, рядом с Гос<ударственной> Думой)» (РД. С. 433). Также — в примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада к письму от 28 февраля (Белый — Иванов-Разумник. С. 94) и в дневниковой записи З. Н. Гиппиус за тот же день: «Мы сидели все в столовой, когда вдруг совсем близко застрекотали пулеметы. Это началось в 5. Оказывается, пулемет и на нашей крыше, и на доме напротив, да и все ближайшие к нам (к Думе) дома в пулеметах. <...> Но кто стреляет? Хотя бы с нашего дома? Очевидно, переодетые — „верные“, — городовые. Мы перешли на другую половину квартиры, — что на улице. Но не тут-то было. Началось с противоположного дома, прямо в окна. <...>. Тут же явился Боря Бугаев из Царского, огорошенный всей этой картиной уже на вокзале <...>. С вокзала к нам Боря полз 5 часов. Пулеметы со всех крыш. Раза три он прятался, ложился в снег, за какие-то заборы (даже на Кирочной), путаясь в шубе» (Гиппиус З. Дневники / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1999. Т. 1. С. 461).

- ¹³ Декрет о гражданском браке, предполагающий впредь непризнание государством церковного брака, был принят 18 декабря 1917 г.
- ¹⁴ Причина радости — в том, что его гражданский, а не церковный брак с А. А. Тургеневой, зарегистрированный в Берне 23 марта 1914 г., будет узаконен в России. См. в «Материале к биографии»: «Ася решилась вступить со мной в гражданский брак ввиду того, что нам предстояло долго жить в швейцарской деревне; если бы у нас не оказалось бумаг, доказывающих, что мы муж и жена, то крестьяне стали бы на нас коситься <...>» (МБ. С. 152). Также в письме к матери от 25 февраля 1914 г.: «Швейцарцы очень косятся на тех, кто не женаты, но живут в одном помещении; так как нам придется жить в Дорнахе долго (в будущем), то у нас потребуют документы и узнав, что мы не венчаны, нас вышлют из пределов Швейцарии (по ихним законам); ввиду этого мы венчаемся гражданским браком (которого нет в России и который единственно законен вполне здесь) <...>» («Люблю тебя нежно...». С. 194).
- ¹⁵ О М. Бауэре см. примеч. 13 на с. 179—180. Абзац вписан карандашом.
- ¹⁶ Текст, идущий далее, вписан вверх ногами на другом поле листа.
- ¹⁷ Geschäftspapiere (нем.) — деловые бумаги, деловая документация.
- ¹⁸ Уезжая в Россию, Белый оставил в Дорнахе автограф «Котика Летаева» и машинопись (гл. I—V, гл. VI и эпилог он дописывал в после возвращения). Судя по контексту, речь в письме Бауэра шла о возможном переводе романа на немецкий. Однако этот проект не осуществился. Видимо, машинопись не смогли отправить: машинопись «Котика Летаева» с авторской правкой из архива А. А. Тургеневой

была подарена ее подругой В. И. Рыковой «Мемориальной квартире Андрея Белого» (отдел Государственного музея А. С. Пушкина) (автограф от нее же поступил в Рукописный отдел Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН). См.: Лавров А. В. Автограф романа Андрея Белого «Котик Летаев» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб.: Академический проект, 1998. С. 351—352). Впрочем, мог существовать и еще один экземпляр машинописи, который был отправлен, но не дошел. Как бы то ни было, но в письме Белого к Бауэру от 24—26 декабря 1921 г. писатель называет «Котика Летаева» в числе произведений, пригодных к переводу, и «с нуля» знакомит своего друга с его объемом, жанром и кратким содержанием (см.: Андрей Белый. Письмо Михаилу Бауэру / Подгот. текста и примеч. М. Л. Спивак; пер. с немецкого Х. Шталь // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; М., 2017. С. 225—261).

- ¹⁹ См. примеч. 13 на с. 179—180.

Наташа, адрес Бауера уже дала в приписке. Лучше пошли на имя Morgenstern¹ заказным с надписью на конверте „Kotik Letajeff“. Roman von Andrei Biely. И над этим Geschäftspapire.

Адрес:

Breitbrunn am Ammersee

Bayern

Газеты получила. Эти дни было 37,6. Теперь опять опускается.

Сидим в облаках. Это очень красиво и не слишком неприятно. Теперь опять жарко. Если можешь, узнай поподробней и точней насчет работы на груше². v.d. Ральс³ просит, но не надо, чтобы от его имени, т. к. он не хочет связываться обещаньем работать с определенными <ми> срок <ами>.

Поляки перетаскивают меня к Раткиной⁴. На днях пойду посмотреть. Утверждают, что Рай.

Прощай.

А.

Жар опять поехал вверх, но чувствую себя хорошо. Сахару, если не сложно, пришли, по необходимости нет.

Пришли, пожалуйста, Фому Аквинского⁵ — толстая трепанная книга в серой бумаге, без первых

страниц, лежит в мебели, где все книги, кажется, на второй полке.

Начинает хотеться в Dornach и стучать⁶, но не беспокойся — не собираюсь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так передана фамилия «Morgenstern». Имеется в виду Маргарета Моргенштерн, в доме которой (в маленьком баварском городке на озере Аммерзее) жил М. Бауэр. См. примеч. 19 на с. 180—181.

² Речь о работе резчика. При строительстве Гетеанума для архитравов и капителей использовались разные породы деревьев, в том числе и грушевое дерево. Ср.: «Капители большого и малого купола были установлены в бетонированных помещениях на востоке под будущим пространством кулис. Отполированные столярами поверхности ограничивали среднюю, еще не обработанную плоскость семиугольной капители. Каждая часть имела цвет соответствующего ей дерева: светло-зеленый бук, золотистый ясень, красновато-коричневое вишневое дерево. Дуб и вяз были еще темнее, затем шли более светлые клен и груша. Каждое дерево обладало собственным запахом, все породы отличались на ошупь <...>» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М.: Новалис, 2002. С. 62—63).

³ Ван дер Пальс (Pals). Смешение латиницы и кириллицы. См. о нем в предыдущем письме.

⁴ Хозяйка пансиона.

⁵ Фома Аквинский (1225—1274) — средневековый богослов и философ, основатель томизма, один из учителей церкви, канонизирован. Не ясно, о какой книге идет речь.

- ⁶ Речь идет о возобновлении работы на архитравах и капителях Гетеанума. Ср. описание труда резчика Белым: «<...> с утра до вечера мы стучали пятифунтовым молотком по стамеске и скалывали с твердейшего дуба или бука деревянные слои <...>» (МБ. С. 159); «<...> у меня все ладони превратились в незаживающие раны; стамеска ломалась; сколько раз мне казалось, что это не дерево, а кость (дуб казался просто воском по сравнению с белым буком); <...> по утрам я не мог разогнуть себе пальцы от боли <...>» (МБ. С. 162). Или — в мемуарах А. А. Тургеневой: «Мы были вынуждены каждые полчаса делать паузы, пальцы у нас были изранены, все шло так, как будто в дерево вгрызалась мышь» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере... С. 63); «Пока я научилась использовать отдачу стамески, правая рука болезненно опухла, суставы воспалились. Особенно твердым было отливающее зеленюю дерево бука; но было приятно обрабатывать большие податливые своды архитрава и наблюдать, как рядом с нами работает доктор Штейнер» (Там же. С. 65).

3

Наташа,

Перееду к Раткиной; кажется, лучше и дешевле. Тут не позволяют курить. Адрес: Villa Lotos Locarno-Monti.

Посылают ли мне газеты из Дорнаха или прямо? Можешь им сообщить?

Жарко. Чувствую себя опять лучше.

На Дорнахскую почту напишу.

Можешь по телефону узнать в Базел<ьском> Красн<ом> Кресте, идут ли книги в счет еды (ее можно посылать 1 раз в месяц 5 кило)¹ или самостоятельно. Я купила для пленных Достоевского и Тургенева — и напиши.

Ася.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Rotes Kreuz Basel — отделение Швейцарского Красного Креста, активно работавшего в Первую мировую войну над поддержкой пленных солдат из разных стран и организовавшего их репатриацию.

Наташа,

Спасибо за посылки. Получила русские газеты. Переслать тебе или нет?

Боря тебя целует¹. Все революционной.

Рачинский переделывает экатенью² [sic!]. Карташов, друг Мережковского, — в Синоде³. У Сережи на квартире служат обедни униаты и католики⁴. Собирается вселенский собор из попов и мирян⁵. Воображаю, что будет.

Из Германии были сведенья, что в случае мира с Россией Япония по договору с Англией пойдет против нее. На правду не похоже.

Чувствую себя много лучше и крепче. Жар опять спадает 37,4,3.

В трех минутах от дома сосновый лесок. Думаю ходить туда, когда высохнет. 3-тий день сидим в облаках, и постоянный дождь. Но тут все же не сыро. Как только дождь перестает, все высыхает очень быстро. Рада, что переехала к Раткиной. Дом очень приятный, чистый. Совсем не отельно и вместе с тем удобно. Комната у меня очень милая. Выходит на большую террасу [sic!] с каменными перилами. Бывают ящерицы. Лежу часами под огромным зонтиком. Сад полон цветов с пальмами и чем-то вроде кипарисов. В конце в маленьком до-

мике живут Поляки. Они успокоились и очень милы. Кроме них обедают бельгийские сестры с Ханхен Абельс и [нрзб.: Kherr?], белокурая шведка. Еще одна чужая дама спасает от медсестринских разговоров. Вода не слишком великолепна. Пью молока сколько влезет.

Что в Дорнахе? Хочется вернуться думаю что через месяц смогу попробовать работать. Может быть 1-ч<ас> в день. Кланяйся Frau Thomann⁶.

Всего хорошего.

А.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Идущая далее информация про живущих в России знакомых, видимо, является пересказом неизвестного нам письма Белого. Со всеми упомянутыми лицами Белый общался в конце 1916 — первой половине 1917 г. См.: (Андрей Белый. Жизнь без Аси // Андрей Белый. Автобиографические своды... С. 664—672; также: РД за 1916—1917 гг.)

² Ектеня — молитвенное прошение, часть богослужения. После Февральской революции в богослужебные тексты был внесен ряд серьезных изменений. Так, например, после свержения монархии возникла необходимость заменить моление за Государя и царскую семью молением за существующую власть. Так, в определении Синода от 7—8 марта 1917 г. указывалось, что «во всех случаях вместо поминовения царствовавшего дома» следует «возносить моление „о Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве ея“» (Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы

и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., предисл. и коммент. М. А. Бабкина. М.: Индрик, 2006. С. 29; современная формулировка: «О богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея Господу помолимся»).

Григорий Алексеевич Рачинский (1859—1939), близкий знакомый Белого с 1900-х гг., религиозный публицист, переводчик, председатель Московского религиозно-философского общества, мог обсуждать с Белым эту проблему или иметь отношение к редакции богослужебных текстов. Возможно, он был связан с Советом соединенных общин православных приходов России (учрежденным в мае 1917 г.) и точно входил в Исполнительный комитет Совета объединенных приходов Москвы, созданный несколько позже, в январе 1918 г. (его возглавлял бывший Обер-Прокурор Синода А. Д. Самарин; см.: Шарипов А. М. Всероссийский союз объединенных приходов Православной Церкви (1917—1919) // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 686—687). За участие в Совете и близость с А. Д. Самаринским Рачинский в 1919 г. арестовывался, но современники, в том числе Белый, отмечали его «левый», революционный настрой. См., напр.: Белый — Иванов-Разумник. С. 98—99 (Письмо от 4 апреля 1917 г. и примеч.).

³ Антон Владимирович Карташев (1875—1960) — историк Церкви, богослов, председатель Петербургского Религиозно-философского общества; первый министр вероисповеданий Временного правительства; с 25 марта 1917 г. Товарищ обер-прокурора Священного Синода, с 25 июля — Обер-прокурор; принимал активное участие в работе Поместного собора Православной российской церкви. Ср. в «Ракурсе к дневнику», в записи за январь 1905 г.: «Вступаю в интимную религиозную общину Мережковских, где

сближаюсь с Карташевым <...>» (РД. С. 357). После Февральской революции Белый с ним также тесно общался.

⁴ Сергей Михайлович Соловьев (1885—1942), внук и тезка историка С. М. Соловьева, племянник философа В. С. Соловьева; в юности поэт-символист, ближайший друг Белого; был увлечен А. А. Тургеневой (посвящал ей стихи), в 1912 г. женился на младшей сестре Аси и Наташи Татьяне Алексеевне Тургеневой (1896—1966; в 1921 г. брак распался). В 1916—1917 гг. Белый много общался с С. М. Соловьевым и Т. А. Тургеневой, часто гостил у них в Сергиевом Посаде и в Дедове. В 1916 г. Соловьев был рукоположен в священники, на протяжении всей своей духовной карьеры тяготел к идее объединения церквей и колебался между православием и католицизмом: в 1920 г. перешел в католицизм, в 1923 г. возглавил московскую общину католиков восточного обряда (греко-католиков, униатов). См. о нем, его религиозном пути и, в частности, о важном для его самоопределения общении в конце 1916 г. с четой католиков-миссионеров В. В. и А. И. Абрикосовыми и о встрече в марте 1917 г. с митрополитом Андреем Шептицким, предстоятелем Украинской греко-католической церкви: Смирнов М. Последний Соловьев. М., 2014. Ср. характеристику Соловьева в очерке М. И. Цветаевой «Пленный дух» (1934): «Мечтает о воссоединении церквей. Сначала был православным, потом перешел в католичество, а теперь — униат. — Сначала был поэт!» (Смерть Андрея Белого (1880—1934): Сб. статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. М., 2013. С. 567).

⁵ Имеется в виду готовившийся в то время Поместный собор Православной российской церкви (Всероссийский поместный собор, открывшийся 15 (28) августа 1917 г. (заседал

более года). Решением Собора было восстановлено патриаршество (28 октября 1917 г.). Из входивших в состав Собора 564 членов было 277 представителей от духовенства и 299 от мирян, то есть, большинство. В числе представлявших правительство участники Собора были А. Ф. Керенский и А. В. Карташев.

- ⁶ Хозяйка дома в Дорнахе, в котором Белый с Асей снимали квартиру. См. примеч. 3 на с. 222.

5

<июль?> 1917 г.

Наташа, что это за Steuer kontrolle<?>¹. Если военный налог, то плати — не помню, сколько он. Если gemeinde², то возмутительно<;> когда получаешь 350 в месяц, платить 70, а когда 150<, то> — 106. Объясни им, что квартира хоть и та же, но плачу за нее с вычетом тебя 60 вместо 100, а остальные расходы уменьшились больше чем вдвое. Что уехала для здоровья, а если они подсчитывали мои почтовые полочки, то что у меня старые долги Бори, кот<орые> я постепенно выплачивала³. Может, тебе от Вау кто поможет. Ведь присланный тобой счет не относится к последней полочке? Так что сейчас есть у тебя деньги или нет?

150 моих

130 фр. 30 с. твоих.

Алеша прислал 400 руб. мне, 100 тебе⁴, в общем 651 фр. 50 с.

О Шметау⁵ Поляки мне рассказали всякого. Легко доказать, что она с детства наследственно больная, но, конечно, пользы от этого не много.

Переслать ли тебе газеты, тобой не читанные? Я получаю иногда прямо с почты.

Понемногу крепчаю.

Жар 37—3—1.

Кланяйся, кому след<ует>.

А.

Пусть бы Костя подумал, прежде чем ехать⁶. Газеты страшно нападают на Ленина — оговариваясь, что не подозревают — за бестактность, что просил помощи у Вильгельма⁷. Особенно Плеханов и Чернов⁸.

Рукой Н. А. Тургеневой:

J. J. — 150 — 120 — 30

А. — 130 — 60⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Steuerkontrolle (нем.) — налоговый контроль.
- ² Gemeinde (нем.) — муниципалитет, местное самоуправление. Видимо, местный, муниципальный налог.
- ³ Непонятно, о каких долгах идет речь.
- ⁴ Речь идет о деньгах, отправленных из России Белым (400 р.) и А. М. Поццо (100 р.). См. об этом в письмах Белого Н. А. Тургеневой № 12 и № 13 (от 10 мая и 30 июня 1917 г.). Алеша — А. С. Петровский. На его адрес Белому, находившемуся в это время в постоянных разъездах, было удобно получать гонорары. См.: *Белый — Иванов-Разумник*. С. 132. Письмо от 28 августа 1917 г.
- ⁵ Речь идет о Рут Шметтау (Ruth Schmettau), сошедшей с ума антропософке, которая, попав в больницу, обвинила Штейнера и М. Я. Сиверс в том, что они якобы ставили над ней оккультные эксперименты. Противники антропософии

(прежде всего Эллис) утверждали, что с ума ее свели медитации, которыми своих последовательниц «пичкал» Штейнер, и распушенность, царящая в антропософском обществе (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед хр. 10. Л. 14. Письмо Н. П. Киселеву от 5 июля 1917 г.). Однако сторонники Штейнера, как и Поллаки («Поляки») из письма Аси, не без основания полагали, что она «с детства наследственно больная». История получила резонанс, так как просочилась в прессу. См. письмо М. В. Сабашниковой к Н. А. Тургеневой от 5/18 сентября 1917 г. в наст. изд.

- ⁶ Имеется в виду Константин Андреевич Лигский (1882—1931), революционер, переводчик, в будущем советский дипломат. О его приезде в Дорнах летом 1914 г. см. в «Материале к биографии»: «В эти дни из Италии приехал к Е. А. Ильиной ее хороший знакомый и друг, социалист-революционер, некогда сосланный на каторгу, оттуда бежавший и живший эти последние года в Италии <...> ему надоела успокоенная жизнь в Италии; он слышал о Дорнахе; и приехал посмотреть, как живут и работают антропософы; этот приезжий был Константин Андреевич Лигский; он всем нам очень понравился; понравился его приезд сюда, неизвестно зачем, на велосипеде, без гроша денег, без легальных документов <...> с той поры Лигский стал простым работником при „Ваи“» (МБ. С. 173). После работал в стекольной мастерской. Некоторое время жил с Белым и А. А. Тургеневой в одной квартире. В 1917 г. он вернулся в Россию, был в отряде ВЧК на Карельском фронте, с 1920 г. служил в Наркомате иностранных дел, потом — дипломатом и послом в разных странах (Польша, Греция, Япония и др.); до отъезда за границу очень помогал с устройством на работу Белому и М. В. Сабашниковой. Подробнее о нем см. в примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада в кн.: *Белый — Иванов-Разумник*. С. 211—212; *Оболенска Д.*

История из писем и воспоминаний. Константин Лигский — «дорнахский антропософ» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 184—195.

- ⁷ Вильгельм II (1859—1941), последний германский император и король Пруссии (1888—1918). Речь идет об обвинениях Ленина в том, что он немецкий агент, получавший помощь (в том числе финансовую) на русскую революцию у воюющей с Россией Германии. Слухи об этом пошли после возвращения Ленина из эмиграции в Петроград в немецком «пломбированном» вагоне. Ср. в дневнике З. Н. Гиппиус за 5 апреля 1917 г.: «Вот Ленин... Да, приехал таки этот „Тришка“ наконец! Встреча была помпезная, с прожекторами. Но... он приехал *через Германию*. Немцы набрали целую кучу таких „вредных“ тришек, дали целый поезд, запломбировали его (чтоб дух на немецкую землю не прошел) и отправили нам: получайте» (Гиппиус З. Дневники. Т. 1. С. 509). Однако газеты в массовом порядке стали писать об этом позже, после того как 3—5 (16—18) июля 1917 г. в Петрограде была осуществлена попытка государственного переворота, в организации которой основную роль играли большевики (о степени их участия споры до сих пор продолжаются). На этом фоне 5 июля в газете «Живое слово» были опубликованы материалы о финансировании партии В. И. Ленина германским Генеральным штабом, подготовленные правительством и преданные гласности социал-демократом Г. А. Алексинским и эсером В. С. Панкратовым. Информация скомпрометировала большевиков, Временное правительство подавило мятеж, опираясь на верные войска, Ленин бежал из Петрограда, а многие лидеры партии были арестованы. После этих событий противники большевиков и меньшевистские газеты постоянно обвиняли их в шпионаже в пользу Германии.

- ⁸ Виктор Михайлович Чернов (1873—1952) — основной теоретик партии эсеров, министр Временного правительства, во время июльских событий был избит мятежниками. Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) — основной теоретик социал-демократической партии, в 1917 г. — критик ленинского радикализма, руководитель социал-демократической группы «Единство», в которую входил Г. А. Алексинский.
- ⁹ Запись сделана Н. А. Тургеневой после текста Аси: подсчет денег, трат, возможно, долгов. А. — Ася Тургенева (60 фр. — видимо, налог); кто скрыт за инициалами «J. J.», нам непонятно.

Наташа, у нас споры о том, как понимать свободу от секрета в или вне общества. Морально все согласны — но формально? Ты не знаешь?

Постарайся, пожалуйста, освободить меня от этой ерундовой платы¹. Если надо, напишу письмо.

Пришли, если не трудно, белое шелковое платье.

Сдуру упрятала записки лекций, кот<орые> готовила для Бауера. Если найдешь, хорошо. Может и М. В.² пригодится — в верхнем отделении чемодана с циклами. На такой бумаге, как это письмо.

Буду жить тут, пока терпится, если поеду к Нейш<еллерам>³, заеду в Дорн<ах>, т. к. все равно в Люцерне ночевка.

Читаю Confessions Rousseau⁴.

Тут все были простужены и меня заразили. Я тотчас захватила простуду, и она прошла, но с тех пор дней 5 жар поднялся на 37,5.

Чувствую себя хорошо, прибавила 2 1/5 кило.

Прощай.

Надоело здорово.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь, видимо, об уплате налога; см. об этом в предыдущем письме и следующем.

² М. В. Сабашникова.

³ Видимо, имеется в виду семья участвовавших в строительстве Гетеанума антропософов Нейшеллеров (Neuscheller). С архитектором Лео Нейшеллером (1885—1976) и его женой Люси (урожд. Ван дер Пальс; 1886 или 1888 — 1962) Белый и А. А. Тургенева сблизились в 1914 г. (МБ. С. 155; РД. С. 411, 421, 428). «Мадам Нейшеллер, явившаяся из Петербурга», наряду с Асей с Наташей, упоминается Белым в мемуарах о Штейнере в числе русских членов группы «первоначальных исполнительниц эвритмии» (ВШ. С. 481). «Муж и жена Нойшеллер» отмечены в мемуарах А. А. Тургеневой как дорнахские друзья (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере... С. 67).

⁴ «Исповедь» (1765—1770), сочинение Ж.-Ж. Руссо.

Наташа,

Посылаю письмо Вари¹ и Ledebour'a². Мама очень извиняется, что Варя захотела написать, и она не решилась ее удержать. Очень была рада приезду Поццо³.

Боря призывается около 1-го августа⁴. Признает, что первые дни револ<юции> его слишком захватили, пишет, что Россия привела форму в движение — в народе новая мудрость, но интеллигенция не понимает и искажает ее, а благоразумные возвращают к старому⁵.

На днях возвращается Францони — (доктор), пойдут к нему. Надоедает тут все больше. Раз пол не будет пылить, то вздор, что в Дорнахе настолько хуже⁶.

Просила в. д. П.⁷ написать Eisenpreizu⁸. Скажи ему еще, что еще в августе по отъезде Бори я просила уменьшить налог. Они сказали, что сделать это тогда не могут, но уменьшат с нового года.

Думаю, что скоро хорошо будет по часу стучать⁹. Во всяком случае, это надо начать задолго до осени, чтобы войти в ритм. В прошлую болезнь окрепла только тогда, когда начала понемногу работать.

Прощай.

Ася

Уехали ли [нрзб.: там?] наши<?>.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Варвара (Барбара) Владимировна Кампиони-Мантейффель (Manteuffel; 1906—1988), сводная сестра Аси и Наташи, дочь С. Н. Кампиони от второго брака (с В. К. Кампиони). Подробно о ней см.: Юнгрен М. Наталия Поццо и Варвара Кампиони: две сестры Аси Тургеневой // Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград; М.: Изд-во филол. ф-та в Белграде, 2017. С. 347—352).
- ² Франсуа Ледебур (Ledeboer; 1884—1932), голландский художник, входивший, по определению Белого, «в рабочее дорнахское ядро» строителей Гетеанума (ВШ. С. 491); работал вместе с А. А. Тургеневой в стекольной мастерской над окнами (витражами) Иоаннова здания.
- ³ См. об этом в письме Белого к Н. А. Тургеневой №12 от 10 мая 1917 г.
- ⁴ Белый несколько раз после возвращения из Дорнаха получал отсрочки от воинского призыва. В письме к Иванову-Разумнику от 5 мая 1917 г. Белый сообщал: «17-го мая мой осмотр» и строил планы на лето в случае получения отсрочки (Белый — Иванов-Разумник. С. 112). В письме от 27 июля 1917 г. он сообщал уже об окончательном освобождении от воинской службы: «<...> на последнем осмотре (21-го июля) меня неожиданно отпустили на все четыре стороны с неприятнейшим „наследством“ после осмотра, от которого пришлось избавляться при помощи „дегтярного мыла“ и всяческих ванн» (Там же. С. 124).
- ⁵ Ср. сходные мысли в письме Белого к Иванову-Разумнику от 5 мая 1917 г.: «Что касается до событий, то... вот в чем сила: мы свергли самодержавный режим, а „царя в голове“ не свергли⁵. Этот „царь“ есть абстрактное мышление:

систематическая представляемость; Россия же, в материальном составе своем, — плавится: скоро потекут камни; и — станут жидкостью; мы привыкли действительность измерять в неподвижных линиях кристаллических форм: но кристаллы заплавились: стали струями; уразуметь же ритм *струй* невозможно „систематическим“ сознанием нашим; нужно апеллировать к иному сознанию: к *текучей представляемости*, к текучим формам правления, к текучей „жидкой“ жизни; если бы мы пришли к конкретно-образному (имагинативному мышлению), мы увидели бы под хаосом ритм Нового Космоса; но „царь в голове“ — абстракция — мешает: революция в голове не произошла; там — господствует старый режим. <...> будущее России — ряд федераций, ритмизируемых, а не извне (абстрактно) управляемых; словом: еуритмическое осуществление приказов с динамическим (а не статическим) законодательством, имеющим вид драматического диалога, прообраз которого ныне — диалогический бескровный спор между „*Временным Правительством*“ и „*Советом*“. Если будет градация Советов, диалог усложнится до драматического представления (мистерии): Учредительное Собрание могло бы быть постановкой всероссийской мистерии, если бы в сознании современного русского действительно произошла революция: и — „царь“ — был бы свергнут» (Белый — Иванов-Разумник. С. 111). Врагами революции Белый в то время считал «кадетствующую» интеллигенцию.

⁶ Речь, очевидно, о древесной пыли, возникающей при работе на строительстве Гетеанума. С 1914 г. Ася работала резчиком. См. обеспокоенность по поводу вреда «деревянной пыли» при «ослабленности легких» в письме Белого Н. А. Тургеневой № 13.

⁷ Леопольд ван дер Пальс.

⁸ Видимо, так Ася передает фамилию Aisenpreis. Эрнст Айзенпрайс, или Эйзенпрейс (1884—1949) — главный архитектор Гетеанума, друг А. А. Тургеневой. Ср. в ее мемуарах: «Эрнст Айзенпрайс, еще совсем молодой, — вот о ком я вспоминаю» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере... С. 60); также — о его участии в постановке Рождественских мистерий: «Навсегда в памяти остался Эрнст Айзенпрайс — звездочет и служитель Ирода» (Там же. С. 97).

⁹ См. примеч. 6 на с. 336.

Наташа, посылаю деньги для взноса Steuer¹ и <на> какие нужно расходы.

Очень надеюсь к 1 авг<уста> вернуться. Пока беру солнечные ванны и жду, чтобы жар еще спустился; недели три было сплошь около 37,2. Теперь 37,2 среди дня<,> утром и вечер<ом> меньше.

Четвертый день жара сумасшедшая. Боря восторженно пишет о Керенском².

В охране было дело рус<ских> теософ<ов> в Швейцарии<:> Ильиной, Дубах³, Бори, Кости⁴ и т. д.<:> узнали от Ильин<ой>.

Получила письмо от Трапезн<икова> из Христиании⁵. Очень рад вернуться. Напуган англичанами очень⁶.

Паспорт был нужен здесь прописаться — Очень строго из-за шпионства — но узнав, что я русская, дали разрешение жить без бумаг. Почему-то Gemeinde прислали только СН Schein⁷. Но теперь паспорт не нужен.

Поблагодари Eisenpreis'a⁸.

Прощай.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Steuer (нем.) — пошлина, налог. См. в предыдущих письмах Аси Наташе.
- ² Александр Федорович Керенский (1881—1970) — адвокат, эсер (с 1917 г.) эсер, в марте 1917 г. стал министром юстиции Временного правительства, в мае — военным и морским министром, 8 июня — министром-председателем, то есть главой Временного правительства. Пик его популярности пришелся на май. Белый присутствовал на митинге в Большом театре 26 мая 1917 г. и с восторгом воспринял речь Керенского (славившегося ораторским мастерством). См.: Белый — Иванов-Разумник. С. 119, 120 (письмо от 16 июня 1917 г. и подробно в примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада). Очарованность Белого Керенским прорывается на страницах эссе «Революция и культура» (написано в июне—июле; издано: М., 1917): «Революция до революции, до войны еще — издали внятно кивает без слов: ее взгляд без единого слова — романтика. И когда говорит министр Керенский „будем романтиками“, мы, поэты, художники, — мы ему отвечаем: „Мы — будем, мы — будем...“» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост., вступит. статья и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 303).
- ³ Имеются в виду Екатерина Александровна Ильина (урожд. Маликова; ?—1933), переводчица сочинений Штейнера, и Клавдия Александровна Дубах (урожд. Маликова; 1876—1961), жена скульптора Освальда Дубаха (1884—1950). Обе сестры — антропософки, участницы строительства Гетеанума, впоследствии создатели знаменитого «Русского дома» в Дорнахе. Белый и А. А. Тургенева познакомились с ними еще до приезда в Дорнах: «Мы в Мюнхене. <...> бываем у Ильиной, Екатерины Александровны, <...> знакомимся

с семейством Дубах <...>» (МБ. С. 137 — запись за август 1913 г.), и тесно общались в Дорнахе. Одно время Белый и Ася снимали у Ильиной комнаты в Арлесгейме (МБ. С. 156). Белый причислял Ильину и Дубах к «первичной семье антропософов» (МБ. С. 152). Ср. в мемуарах А. А. Тургеневой: «Если идти к северу от территории Здания через небольшой ручей <...>, то „дощатый путь“ вел вверх по луку к дому, где госпожа Дубах-Маликова за один франк готовила простой, но хороший обед. <...>. Вместе с госпожой Дубах-Маликовой приехала ее сестра госпожа Ильина, которая впоследствии занималась записью лекций <...>. Благодаря их теплой человечности дом этот стал центром притяжения для многих русских» (Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере... С. 61—62).

⁴ К. А. Лигский.

⁵ Христиания — с 1925 г. Осло, столица Норвегии. Письмо, очевидно, было отправлено с дороги. Т. Г. Трапезников также был призван на воинскую службу и вернулся из Дорнаха в Россию. Ср. запись в «Ракурсе к дневнику» за июль 1917 г.: «<...> помнится приезд из Дорнаха <...> Трапезникова, настроенного левее всех и являющегося сильной опорой нашему левому флангу; у него откровеннее всех крик: „Долой войну, правительство и да здравствует социальный переворот!“» (РД. С. 436).

⁶ Путь Трапезникова из Швейцарии в Россию лежал через Лондон. Ср. в письме М. В. Сабашниковой к М. А. Волошину: «Трифон приехал из Лондона через неделю после меня и в ужасе от Лондона. Там запрещено говорить и даже думать о мире. Готовы 6 лет воевать еще» (Волошин М. А. Собр. соч. Т. 11. Кн. 2: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906—1924 / Сост. К. М. Азадовского, Р. П. Хрулевой; подгот. текста Р. П. Хрулевой, коммент. К. М. Азадовского, общ.

ред. А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2015. С. 677. Письмо от первой половины июля 1917 г.). Негативное впечатление Белого, возвращавшегося той же дорогой, от Англии и отношения англичан к русским описано им в «Записках чудака».

⁷ СН — Confoederatio Helvetica (Швейцарская конфедерация), официальное (латинское) название Швейцарии (Гельветии — по названию находившейся на этой территории римской провинции); schein (нем.) — свидетельство, справка; здесь: официальный (швейцарский) документ, отчасти заменяющий паспорт. Gemeinde (нем.) — муниципалитет, орган местного самоуправления, выдававший, в частности, документы, удостоверяющие личность, подтверждающие место и право проживания. Видимо, он находился не в Дорнахе, а в соседнем городке Арлесгейме. В «Записках чудака» Белый описывал, как сам перед отъездом в Россию «добывал» такую справку и как пытался получить заверение в праве жены остаться в Швейцарии: «Целый день я пробегал меж Дорнахом и Арлесгеймом; водил меня Э<нгл>ерт; стояли в „Gemeinde“ мы: старый швейцарец, „Gemeinde-Rat“ <служащий муниципалитета — сост.>, кряжистый, жилистый, сипло свистел, открывая огромный свой рот, в желтозубие:

— „Будьте уверены, да...“

— „Жена ваша может спокойно здесь жить...“

— „Мы — вас знаем здесь все...“

— „Слава Богу: антропософы вы, — мирные люди!“

— „Чудаки англичане: таких бумаг нет...“

— „Придираются...“

— „Если им нужна во что бы то ни стало такая бумага — то вот я написал ее“.

— „Вот еще вам бумага!“

Хрипя, добродушный советник „Gemeinde“ прочел им составленное оповещение, что он, представитель „Gemeinde“,

рекомендует меня всем чиновникам всех посещаемых стран как человека достойного, добрых общественных правил <...>:

— „Добрый путь...“

— „Возвращайтесь назад!“

— „О жене не тревожьтесь...“» (ЗЧ. С. 329).

- ⁸ Правильно: Aisenpreis. Видимо, речь про реакцию Э. Айзенпрайса на просьбу об уменьшении налога.

9

Рада что ты попала в горы, но жаль, что не знала раньше. Раз я так богата, свободно могла бы тебе дать фр<анков> 50 и больше. Напиши или дай телеграмму.

Заплатила ли ты фр<ау> Thomann за 1 июля?¹ Оставались ли у тебя деньги, те 130 фр., или надо ей послать?

Сижу здесь, пока не увижу Францони<,> на днях приезжает, потом не знаю.

Плацкорт к Нейшел<лерам> одно<,> но распределение ж. д. другое.

Поезда меня очень утомляют, и горы, не знаю, полезны ли; в Давосе чувствовала себя плохо². Но может быть и поеду. Тоже в их отеле дорого.

Если соберешься сюда, с удовольствием поживу еще.

Все отсюда разъезжаются, вода плохая и надоело, но жить не плохо.

Пиши, высылать ли деньги.

Прощай,

Ася.

Рукой Н. А. Тургеневой:

осталось 3,50

варенье 1,30
[нрзб. такси?] 1,10
табак 2,90
[нрзб.: кекс?] 50
сухари 65

9,95³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Речь, очевидно, о плате за квартиру.
- ² Климат в высокогорном швейцарском городке Давосе с XIX в. считался полезным для больных легочными заболеваниями. Очевидно, Ася ездила в Давос по рекомендации докторов.
- ³ Запись сделана Н. А. Тургеневой после текста Аси: подсчет и распределение денег на текущие нужды.

10

Наташа, ты так мало поездила что, правда, хорошо бы еще на Фирвальштед<ское> озеро¹. Билеты туда и обратно около 6 фр<анков>. Поброди вокруг, ночуя в разных курортах по берегу. Это очень приятно. Право, 50 фр. мне ничего не стоит². Напиши, если надо на хозяйство, или, если хочешь, я пришлю 100 фр. и ты вернешь 130, когда получишь, так как, насколько поняла, ты 30 взяла.

Мне в горы не стоит — надо 2 недели приучиться к новому климату, а я думаю скоро в Дорнах. Нейшел<леры> пишут, что у них часто дождь. Приехали Энглерты³.

В газетах отметила тебе очень знаменательные речи Керенского⁴.

Спасибо за цветы. Кроме лилий дошли очень хорошо. М. Н.⁵ благодарит, хотя не получила. Когда ты написала, они уже осыпались.

Лунное затмение было все в тучах⁶.

О моем здоровье ты уже знаешь от Фридкиной. Забыла ей написать, что врач сказал, что если делать анализы, то наверное бацилл уже нет или совсем мало. Велел полоскать горло солью. Что лучше, соль или шалфей? — горло немного воспалено. Прописал *fer végétal*⁷. Надо ли принимать?

Цвету. Чувствую себя почти здоровой.

Прощай.

А.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Правильно: Фирвальдштетское озеро (Vierwaldstättersee), или Люцернское озеро. На его берегу в Фицнау Белый и А. А. Тургенева жили с 1 по 26 октября 1912 г., усиленно занимаясь данными Штейнером медитациями. См. описание этого места в письме к А. Д. Бугаевой Андрея Белого (от 1 октября 1912 г.): «Мы пока выбрали себе Фирвальдштетское озеро; наметили деревушку в горах (на берегу озера) около Люцерна. Мы одни в отеле. Туристов — никого. Кругом горы, снега. И нам это на руку; окна наши над озером. С балкончика видны неимоверные утесы» («Люблю тебя нежно...». С. 163), или в письме к ней же А. А. Тургеневой (после отъезда из Фицнау): «Под самыми окнами озеро с туманными очертаниями гор, а за ними скалы вперемешку с лужайками, на которых всех цветов и оттенков дерева. От бело-золотого до черно-красного» (Там же. С. 251).
- ² Белый посылал ей больше денег, чем А. М. Поццо Наташе. См. письмо Белого Н. А. Тургеневой № 12 от 10 мая 1917 г.
- ³ Семья Йозефа Энглерта (Englert; 1874—1957), главного инженера на строительстве Гетеанума. См. его характеристику в «Материале к биографии»: «М. В. Волошина стала сильно дружить с инженером Энглертом, познакомила меня с ним; и с той поры начинаются наши частые встречи и разговоры с Энглертом; он оказался замечательно умным, весьма начитанным человеком: прекрасный математик, талантливый инженер, астроном, астролог и глубокий знаток исторической мистики, он быстро выдвинулся в ряду строителей, оттеснил первоначального архитектора Шмидта и, в сущности говоря, один руководил всеми инженерными и строительными работами; он разрешил весьма остроумно проблему соединения куполов „Ваи“; доктор

ежедневно являлся в его комнату при „Ваи“ и просиживал с ним часами; беседы с Энглертом мне очень многое дали» (МБ. С. 162). Имеется в виду архитектор Карл Шмид-Куртиус (Schmid-Curtius; 1884—1931). В дорнахских спорах и конфликтах Белый себя и Асю причислял к партии Энглерта («более радикальные элементы, антропософская молодежь» — МБ. С. 165).

- ⁴ Пик популярности А. Ф. Керенского пришелся на май 1917 г.
- ⁵ Неясно, о ком речь.
- ⁶ Лунное затмение было 4—5 июля 1917 г.
- ⁷ Растительное железо (фр.).

**«Довольно
чертей
и толстых
и тонких»**

ПИСЬМО М. В. САБАШНИКОВОЙ
НАТАШЕ ТУРГЕНЕВОЙ (1917 Г.)

Маргарита Васильевна Сабашникова (в замужестве Волошина; 1882—1973)¹, художница, первая жена М. А. Волошина, стала слушательницей Штейнера и его последовательницей в 1905 г. В апреле 1914 г. она присоединилась к строителям Гетеанума, работала и резчиком по дереву на архитравах, и как художница (роспись купола); также занималась эвритмией. В Россию вернулась 27 июня 1917 г.

Жизнь в Дорнахе, а потом в революционной России описана в ее мемуарах: *Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея: История одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; примеч. С. В. Казачкова, Т. Л. Стрижак. М.: Энигма, 1993.* А также в письмах 1917 г. к М. А. Волошину: «Нашла маму и папу ужасно постаревшими, и дома все в том же духе тяжело и еще тяжелее. Но я рада, что вернулась в Россию. После революции совершенно не находила себе места за границей и попала случайно в партию жен и детей эмигрантов, кот<орые> ехали прямо через Германию (о чем не распространяйся, ибо тут это считают позором)»². Или: «Москва сей-

.....
¹ Приносим глубокую и искреннюю благодарность К. М. Азадовскому за предоставление фотографии М. В. Сабашниковой для настоящего издания.

² *Волошин М. А. Собр. соч. Т. 11. Кн. 2: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906—1924 / Сост. К. М. Азадовского, Р. П. Хрулевой;*

час ужасна. Нет воздуха. Атмосфера празднораспущенная. Какой-то восточный город. Все говорят: мы идем к гибели и, нарядившись, идут гулять в сквер. Разъезжают по 2, по 3 солдата в автомобилях-грузовиках, мчатся с победоносным видом, точно победили мир. Почему не заключают мира? Чего еще ждут? Во всем недомыслие и непростительное легкомыслие. Последние полгода мы слышали исключительно о внутренних пружинах современных фактов. Многое важно было бы тебе знать. Ася и Наташа остались работать над статуей в центре, и куда бы они здесь делись без средств»³.

МОСКВА.

1917. 5/18 СЕНТЯБРЯ

Дорогая Наташа, обещая Вам написать, я не думала, что это будет так трудно. В душе так живы наши разговоры в кухне, что мысленно я продолжаю их, умудренная опытом жизни, но язык не поворачивается сообщать этот опыт.

Часто перечитываю Фауста¹. Помните первый хор лемурув? Помните также освобожденных львов?² Все вместе ужасно. Удивляешься, что живы.

Пишу Вам наконец, потому что вчера вечером увидела в первый раз Александра Мих-ча. Только земляку можно было так обрадоваться³. Внешне он возмужал, этот вид придает ему коротко остриженные волосы, мундир и загар⁴ (все это очень к лицу ему). Но мне кажется и духом он бодр, а физически чувствует себя плохо. Я рада была, что смогла ему рассказать о Вас много, и мелочей жизни, и о Вашей работе и о наших разговорах, а особенно о Ваших мыслях. «Наташа думает»... начинаю я свое повествование.

Мы все очень хотели бы, чтобы он с нами остался. Так важно сейчас быть вместе; мы так все это чувствуем⁵ и сплочены⁶.

.....
подгот. текста Р. П. Хрулевой, коммент. К. М. Азадовского, общ. ред. А. В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2015. С. 675. Письмо от 30 июня 1917 г.

³ Там же. С. 677. Письмо датируется первой половиной июля 1917 г.

В августе я была в деревне⁷. Странный парадокс; никогда еще не было на земле у людей — так ужасно, так мерзко, грязно; и никогда еще в природе не было разлито такого прекрасного. Быть может это субъективное чувство, но у меня отношение к настоящему все больше делается как к прошедшему; свершившийся факт, логическое развитие, в этом уже ничего изменить нельзя, полная распутица.

Рационально — не на что надеяться. Иррационально в душе живет радость становления⁸, радость работы⁹. Эта жизнь очень интенсивна; это «вещей обличение невидимых»¹⁰; из него черпаешь бодрость.

А эмпирически пока вся земля и все заплывано семячками. Шелушение семячек превратилось в некую стихию¹¹.

С Александром Мих-чем буду видаться часто эти дни, пока он в Москве до 10 сент<ября>. Но мы надеемся еще, что он останется. Как он обо всех и обо всем расспрашивал! И... какой он хороший; Боже мой, какой он хороший!

Пишите, Наташа.

Пишите прямо Новинский бульвар д. 18 кв. 6¹².

Я до сих пор ни от кого из Швейцарии ни строчки не получала, только от Михаила¹³ было письмо.

Как двигается Ваша работа на груше¹⁴, как живопись? Продолжаете ли Вы ритмические упражнения. Сообщайте мне о Ваших мыслях; что Вы думаете о настоящем?

Привет всем. Кате¹⁵ скоро напишу. Моим товарищам по живописи¹⁶ привет особый. Думайте там о нас. Мы в этом нуждаемся.

Асе привет. Как ее здоровье?¹⁷

Ваша Маргарита.

P. S.

Эмилий и Лев¹⁸ прислали Н. П-чу¹⁹ статью Рут из психологического журнала для распространения²⁰. Как мило с их стороны!

Чертовщина Фауста была хорошей прививкой для души. Довольно чертей и толстых и тонких²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чтение происходило в атмосфере бушевавших боев и революционного разгула, когда Сабашникова и ее близкие опасались стрельбы, пожара и разбоя: «В эти дни я впервые прочитала всего „Фауста“ с начала до конца. Подобное случилось и позднее, во время восстания матросов в Кронштадте в 1921 году, когда я в Петербурге <...> прочитала все три части „Божественной Комедии“. В подобных ситуациях чувствуешь себя как бы поднятой над временем» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. С. 264). Позже, в 1919 г., во время болезни сыпным тифом, Сабашникова обнаружила, что могла «вспомнить без пропусков целые сцены из „Фауста“» (Там же. С. 276).

² Лемуры появляются во второй части «Фауста», в сценах «Большой двор перед дворцом» и «Положение во гроб» (Гете И. В. Фауст. Трагедия / Пер. Н. А. Холодковского. СПб.: Азбука, 2000. С. 496—500), львы — в последней сцене «Горные ущелья, лес, скалы, пустыня» (Там же. С. 509).

³ Сабашникова называет А. М. Поццо земляком из-за сроднившей их жизни в Дорнахе.

- ⁴ Мундир объясняется тем, что А. М. Поццо был призван на воинскую службу, а загар — тем, что он проходил ее на Кавказе. См. письма Белого к Н. А. Тургеневой № 12 от 10 мая и № 13 от 30 июня 1917 г.
- ⁵ «Мы» — т. е. московские антропософы. Ср. в мемуарах: «Я тогда отдавала все силы антропософской работе. <...> Когда собирался наш кружок, нас всякий раз охватывала какая-то удивительная радость. Так было во все тяжелые годы, проведенные мною с друзьями. Мы радовались друг другу, находили друг у друга помощь в повседневных делах, обогащали друг друга во внутренней работе, каждый чувствовал, что удача другого поднимает его собственные силы. Каждый вечер та или иная группа собиралась в помещении Общества. <...> Эта общая работа поддерживала нас во все самые тяжелые годы. Во времена полнейшей анархии, когда фонари на улицах не горели и в непроглядной темноте слышны были выстрелы и крики, мы все из вечера в вечер собирались в Обществе» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. С. 261).
- ⁶ Слово написано неразборчиво.
- ⁷ В письме к М. А. Волошину от 14 сентября 1917 г. Сабашникова сообщала, что они вместе с отцом «недели 2 жили в Звенигородском уезде» (Волошин М. А. Собр. соч. Т. 11. Кн. 2. С. 679).
- ⁸ Ср. аналогичные мысли в том же письме Волошину от 14 сентября 1917 г.: «Вообще я испытываю какую-то ни на чем внешнем не основанную радость. Эмпирично все — ужасно. А в воздухе, в небе России, что-то невероятно прекрасное; надежда, жизнь. Я спрашивала, есть ли такое чувство у других? И оно есть у многих. Весенняя распутица, грязь на земле, а чувство, что где-то близко другое» (Там же. С. 679).

- ⁹ В мемуарах М. Н. Жемчужниковой отмечено, что «совсем особое место в Обществе принадлежало Маргарите Васильевне Сабашниковой», которая «совершила огромной важности дело: принесла нам эвритмию» (Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917—23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С. 24). Сама Сабашникова не без гордости вспоминала: «С группой из четырнадцати человек я начала заниматься эвритмией, передавая им, насколько это было в моих силах, то, что делалось в то время в Дорнахе. Через год мы уже поставили сцену Пасхальной ночи из „Фауста“ так, как она давалась в Дорнахе и как она до сих пор идет на Дорнахской сцене» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. С. 261). Ср. также в письме Волошину от 18/31 мая 1918 г.: «Очень оживлена была жизнь в Антропософском обществе. Я вела группу эвритмии, и на Пасхе мы дали эвритмически „Фауста“ 1 сцену и др.<угие> вещи. Сейчас у меня вводный курс теософии. 30 человек» (Волошин М. А. Собр. соч. Т. 11. Кн. 2. С. 698).
- ¹⁰ «Есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых» (Евр. 11: 1).
- ¹¹ Это шокирующее впечатление нашло отражение и в мемуарах: «В подворотнях стояли кучки простого люда, щелкающего семечки. Русский мужик умеет виртуозно вышелушивать зернышко во рту. Прежде этим занимались больше для развлечения, но теперь — от голода. При этом нередко шелуха выплевывалась прямо в лицо прохожему — с ненавистью и отчаянием. Целые кучи шелухи лежали у всех ворот, улицы не подметались: ведь была провозглашена свобода! Порывы ветра поднимали пыль, шелуху и пестрые обрывки плакатов и трепали их в воздухе» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. С. 260).

- ¹² Ср. в письме к М. А. Волошину от 14 сентября 1917 г.: «Живу на Новинском бульваре 18, кв. Княжевич. Живу у тети Саши там; комната темная, т<ак> ч<то> работать довольно трудно» (Волошин М. А. Собр. соч. Т. 11. Кн. 2. С. 679). Имеется в виду дом на углу Новинского бульвара и Дурновского переулка (с 1952 г. Композиторская улица), квартира Александра Антониновича Княжевича (1869 — после 1919) и его жены Лидии Павловны Княжевич (ум. 1945); тетька Саши — Александра Алексеевна Андреева (1853—1926), тетка М. В. Сабашниковой по материнской линии.
- ¹³ Имеется в виду Михаил Бауэр, с которым Сабашникова познакомилась еще в 1908 г. и очень сблизилась в Дорнахе (Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. С. 170—171; ср.: «Я живу Villa Brandis Dornach; одна; и вообще очень одна; кроме Бауэра и жены покойного поэта мало с кем общаюсь, а они живут далеко» — Волошин М. А. Собр. соч. Т. 11. Кн. 2. С. 660. Письмо от 23 ноября / 6 декабря 1915 г.). В 1917 г. Бауэр вместе с Маргаретой Моргенштерн, вдовой поэта Христиана Моргенштерна, жили уже не в Швейцарии, а в Германии. Зимой 1919—1920 г. Бауэр, как считала Сабашникова, мистическим образом спас ее от смерти, явившись к ней в критический момент болезни сыпным тифом (Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. С. 276), после пытался оказывать ей материальную помощь. Подробнее об отношениях Бауэра с русскими антропософами (Андреем Белым, Сабашниковой, М. А. Чеховым) см.: Спивак М. Л. «И издали тайно помогает»: Андрей Белый и Михаил Бауэр // Арабески Андрея Белого / Ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград, 2017. С. 209—224). В 1926 г. Сабашникова написала портрет Бауэра, фотографии которого хранились у многих антропософов (см. ил. на вкладке).

- ¹⁴ Слово написано не очень разборчиво, возможно «на группе». О работе «на груше», то есть на капители из грушевого дерева, спрашивала Наташу также Ася Тургенева — см. ее письмо № 2 и примеч. 2 на с. 335.
- ¹⁵ Возможно, имеется в виду Екатерина Александровна Ильина. См. о ней в письме А. А. Тургеневой к Н. А. Поццо № 3 и примеч.
- ¹⁶ Очевидно, имеются в виду художники, расписывающие большой и малый купола Гетанума. Сабашникова была в группе, работавшей над малым куполом. См.: «В росписи малого купола располагались по кругу Представители культурных эпох. Мне было поручено написать Представителя египетской культуры. Рудольф Штейнер принес мне в мастерскую два листочка. На одном цветными карандашами была намечена композиция, на другом простым карандашом она была дана детальнее. <...> Одновременно и другие художники, работавшие в малом куполе, получили эскизы. <...> Второй фигурой, порученной мне в кругу Представителей культур, была фигура „Славянина“. В светло-розовых тонах вставал образ Русского; взор его поднят к видению креста, увитого розами. От него отщепляется его темный двойник. Сине-голубой ангел, одной рукой благословляя Русского, другой указывает ему на странное существо, приближающееся к нему из небесных далей, — красного крылатого коня с лицом человека и восемью ногами. <...> Мы в малом куполе работали мирно. Так же мирно, бодро, неподвижно, не мешая друг другу и не общаясь, выстраивались по кругу написанные нами фигуры — до тех пор пока <...> Рудольф Штейнер своей собственной живописью, как ураганом, все не перевернул» (Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. С. 241—242).

- ¹⁷ Летом 1917 г. А. А. Тургенева лечилась в Локарно. См. письма А. А. Тургеневой к Н. А. Тургеневой в наст. изд.
- ¹⁸ Э. К. Метнер и Эллис (Лев Львович Кобылинский). Об отношениях Метнера с М. В. Сабашниковой см.: Азадковский К. М. Маргарита Сабашникова и Эмилий Метнер — «за» и «против» Рудольфа Штейнера // Литература как миропонимание. Festschrift in Honour of Magnus Ljunggren / Ed. I. Karlsohn, M. Nilsson, N. Zorikhina-Nilsson. Gothenburg, 2009. С. 19—36; «Пока вы не решитесь родиться вновь духовно...»: Переписка Э. К. Метнера и М. В. Сабашниковой / Публ. Е. В. Глуховой // Russian Literature. LXXVII (2015). IV. P. 559—567.
- ¹⁹ Николай Петрович Киселев (1884—1965), библиограф, секретарь редакции издательства «Мусaget».
- ²⁰ Имеется в виду антропософка Рут Шметтау, помешавшаяся на сексуальной почве и обвинившая (необоснованно) Штейнера и Марию Сиверс в оккультном воздействии на нее. См. письмо А. А. Тургеневой к Н. А. Тургеневой №5 и примеч. Здесь речь идет о перепечатанной Эллисом на пишущей машинке и присланной Н. П. Киселеву в письме от 7/20 июля 1917 г. публикации из журнала «Psychische Studien» (Leipzig. XLIV. Jahrg. 6 Heft (June 1917). S. 273) — «Die anthroposophie „sexuelle Magie“?: von Ruth v. — u». Эллис пытался использовать этот случай как оружие в своей войне со Штейнером и грозил устроить антропософам скандал «a la Шметтау» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 10. Л. 14. Письмо Н. П. Киселеву от 5 июля 1917 г.). Пытаясь изо всех сил скомпрометировать антропософов и привлечь на свою сторону Н. П. Киселева, Эллис регулярно писал ему «о сексуальных подвигах Steiner'a с его ученицами, из которых одна — Ruth Schmettau сидит в сумасшедшем доме <...>»: «<...> бывшая ученица его г-жа Зонкляр <...>

заявляет, что знала Руфь Ш. отлично, имея оную по совету Штейнера учительницей своей 16-л<етней> дочери. Она пишет, что Шметтау была абсолютно психически здорова, сдержана и не истерична, что Steiner сам аттестовал ее как таковую и что вся ее болезнь развивается<ся> на почве влияния Steiner'a. <...> Но кроме Шметтау я лично знаю ряд лиц <...>, доведенных Steiner'ом до психического расстройства» (ОР РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 10. Л. 14; Ед. хр. 13. Л. 6 — 6 об. Письма Н. П. Киселеву от 5 июля и от 20 октября 1917 г.).

²¹ «Толстые бесы с короткими кривыми рогами» и «худощавые бесы с длинными кривыми рогами» появляются в сцене «Положение во гроб» появляются (*Гете И. В. Фауст. Трагедия.* 2000. С. 502).

Условные сокращения

- Белый* — *Иванов-Разумник* — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подготовка текста и коммент. Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998.
- Белый* — *Метнер* — Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902—1915: В 2 т. / Подгот. текста, коммент. А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада и Т. В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- ВШ* — *Белый А.* Воспоминания о Штейнере // *Белый А.* Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Под общ. ред. В. М. Пискунова; сост., коммент. и послесл. И. Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. С. 256–535.
- ЗЧ* — Записки чудака // *Белый А.* Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Под ред. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1997. С. 280–496.
- КЛ* — *Белый А.* Котик Летаев // *Белый А.* Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Под ред. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1997. С. 24–157.
- «Люблю тебя нежно...» — «Люблю Тебя нежно...»: Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Сост. С. Д. Воронин. М.: Река времен, 2013.
- МБ* — *Белый А.* Материал к биографии / Подгот. текста А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада и Т. В. Павловой, коммент. А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада // *Белый А.* Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Мальмстад (Литературное наследство. Т. 105). М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 29–328.
- РД* — *Белый А.* Ракурс к дневнику / Подгот. текста А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада и Т. В. Павловой, коммент. А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада // *Белый А.* Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Мальмстад (Литературное наследство. Т. 105). М., 2016. С. 329–653.
- Goetheanum-Archiv (Dornach)* — Archiv-Bibliothek-Kunstsammlung, Goetheanum Dokumentation (Dornach). Archiv Goetheanum

Указатель имен

- Абельс Х., соседка А. А. Тургеневой по пансиону 339
Абрикосовы В. В. и А. И. 341
Азадовский К. М. 6, 122, 356, 367, 368, 376
Азеф Е. Ф. 296, 302
Айзенпрайс (Эйзенпрейс; Aisenpreis) Э. 350, 353, 354, 358
Алексинский Г. А. 346, 347
Ангелус Силезиус (Ангел Силезский) 19
Андерсен, копенгагенец 128
Андерсен Х. К. (Andersen H. Ch.) 23
Андреева А. А. 374
Андрей (Шептицкий Р. М. А.), митрополит 341
Антоний (Флоренсов М. С.), епископ 281—282
Арефьева Е. И. 6
Ариша, няня 13
Ася см. Тургенева А. А.
Бабкин М. А. 340
Байер Т. 89
Бакунин М. А. 13, 14
Бакунин Н. А. 13
Бакунин П. А. 13
Бальмонт К. Д. 229
Бауман Э. 122
Бауэр М. (Baueг M.) 167, 168, 179—181, 201, 206, 328, 332—335, 348, 370, 374
Безродный М. В. 276
Белоцветов Н. Н. 104, 207
Бенцингер М. (Benzinger M.) 134
Бергенгрюн (Бергенгрин) Т. А. 100, 127, 219, 220, 222, 295
Бердяев Н. А. 133, 305, 319
Бёрн-Джонс Э. (Burne-Jones E.) 20, 23
Бик Э. (Bick E.) 291
Блаватская Е. П. 240, 257, 276
Блок А. А. 17, 32—33, 35, 152, 278, 280
Блок Л. Д. 17, 35
Боборькины П. Д. и С. А. 222
Бобров С. П. 305, 319
Богомолов Н. А. 37, 41, 42, 129, 130, 277
Бомарше П.-О. (Beaumarchais P.-A.) 183
Бородаевская М. А. 100, 127
Бородаевский В. В. 127
Боттичелли С. (Botticelli S.) 18
Боянус Н. К. 96, 111
Брандис А. фон (Brandis A. von) 295, 297, 298
Брюсов В. Я. 19, 35, 229, 302
Бугаев Н. В. 153
Бугаева А. Д. 45, 48, 103, 106, 123, 125, 153, 220, 237, 362
Бугаева К. Н. 8, 86
Бугаевы, семья 153, 282
Булгаков С. Н. 204—205
Буш В. (Busch W.) 327, 330
Бьернсон Б. (Bjørnson B.) 128
Бюллеры, семья 291
Вагнер Р. (Wagner R.) 280, 320—321
Вакано Х. фон (Vacano H. von) 295, 296, 297, 298
Валер М. (Waller M.) 168, 180
Ван дер Пальс Л. (Van der Pals L.) 82, 327, 329, 334, 335, 350, 352
Васильева К. Н. см. Бугаева К. Н.
Вилламов А. А. 184
Вильгельм II 344, 346
Вилькина Л. Н. 209
Вильмонт Н. Н. 188
Витковский В. Е. 110
Волошин М. А. 122, 123, 356, 367, 372—374
Волошина М. В. см. Сабашникова М. В.
Воронин С. Д. 45, 103, 129
Гаврюшин Н. К. 306, 309, 312
Гамалея А. Н. 153
Гамалея С. А. 144, 153
Гельмгойден, новрежская антропософка 129
Гейне Г. (Heine H.) 158
Гете И. В. фон (Goethe J. W. von) 50, 105, 114, 121, 122, 156—157, 173, 177, 184, 188—189, 193, 227, 240, 287, 292, 306—308, 310, 312, 314, 315, 317, 319, 330, 371, 377
Гиппиус З. Н. 331, 340—341, 346
Глухова Е. В. 37, 41, 129, 229, 277, 376
Глуховская Е. А. 227—228, 306
Гоголь Н. В. 254, 255, 274
Горький М. 107
Григорьев Е. П. 95, 96, 99, 100, 108, 111, 127, 128, 186, 210, 236, 277
Григорова Н. А. 100, 127, 235, 236
Грундер, г-жа 227, 300
Гут Т. (Gut T.) 273
Д'Альгейм П. И. 15, 16, 19, 21, 27, 185, 290
Д'Альгеймы, семья 17—19, 21, 24, 25, 28, 34, 185
Далькрос Э. (Jaques-Dalcroze E.; Жак-Далькрос) 98, 119
Данс М. О. (Danse M. A.) 19, 20, 22
Делекторская И. Б. 8
Демидов А. А. 104, 207
Дёнкан см. Дунакан А.
Долинин А. А. 205
Достоевский Ф. М. 248, 254, 266, 274, 280, 337
Дубах К. А. 354—356
Дубах О. 355—356
Дункан А. (Duncan I.; Дёнкан) 98, 119
Дурьлин С. Н. 291
Дюльфер М. (Dülfer M.) 124
Евбулид 150
Едошина И. А. 212
Жемчужникова М. Н. 298, 367, 373
Зеллинг В. (Selling W.) 201—203, 212—214
Зифферман Б. И. 330
Зойферт Г. 135
Зонкляр, госпожа 376—377
Зубатов С. В. 301, 302
Ибсен Г. (Ibsen H.) 128, 204
Иванов Вяч. И. 37—39, 41, 130, 277, 318
Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) 8, 47, 59, 60, 83, 230, 231, 236, 326, 340, 344, 345, 351, 352, 355
Ильин И. А. 303, 304, 306—308, 309—314, 317—318, 320
Ильина Е. А. 345, 354—356, 370, 375
Иоанн Богослов 265, 278
Иоанн Златоуст 205
Ичин К. 27, 206, 228, 351, 374
Казачков С. В. 110, 122, 157, 189, 206, 298, 367
Калькрейт П. фон (Kalckreuth P.) 295, 297
Кампиони В. К. 13, 31, 232, 233, 351
Кампиони С. Н. (в дев. Бакунина, в первом браке Тургенева) 13, 14, 18, 31, 87, 164, 232, 233, 351
Кампиони-Мантейффель В. В. (Manteuffel) 27, 33, 286, 350, 351
Кант И. (Kant I.) 150, 176, 191, 198, 210, 250, 257, 265, 275, 278, 319
Карташев А. В. 338, 340—341, 342
Керенский А. Ф. 342, 354, 355, 361, 363
Кинкель А. (Kinkel A.) 295, 298
Киселев Н. П. 38, 291, 297, 298, 301, 302, 307, 309, 316, 318, 320, 321, 345, 371, 376, 377
Киселева Т. В. 99, 114—115, 117—120, 122, 123—127, 187
Киттель Э. (Kittel) 206
Клюкина А. И. 6
Кнейпп С. (Kneipp S.) 327, 330
Княжевич А. А. 374
Княжевич Л. П. 374
Коломойцов В. П. 321
Котани-Поллак Х. (Kotányi-Pollak H.) 327, 330, 339, 343, 345
Крейд В. П. 35
Куглер В. (Kugler W.) 273
Кудрявцева Е. Л. 227
Кузмин М. А. 213
Курзаева А. Н. 6
Кусииков А. Б. 83
Лавров А. В. 8, 12, 15, 16, 20, 27, 35, 54, 56, 57, 103, 122, 123, 126, 152, 156, 183, 228, 229, 275, 276, 278, 280, 285, 288, 301, 302, 316, 320, 331, 333, 345, 355, 357, 368
Лагутина И. Н. 105, 156, 240, 306, 312
Ледебур Ф. (Ledeboer) 350, 351
Ленин В. И. 344, 346
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 20
Лермонтов М. Ю. 171, 182, 248, 267
Лигский К. А. 344—346, 354, 356
Линденберг К. (Lindenberg C.) 241
Липпи Ф. (Lippi F.) 18

- Логунова Л. Ю. 227
 Лурье С. В. 19
 Майдель Р. 125—126
 Мالمстад Дж. (Мальмстад; Malmstad J.) 8, 15, 20, 56, 82, 103, 123, 156, 183, 231, 236, 288, 331, 345, 355, 373
 Маханьков И. И. 133
 Мережковские см. Мережковский Д. С. и Гишпиус З. Н.
 Мережковский Д. С. 331, 338, 340—341
 Метерлинк М. (Maeterlinck M.) 196, 197, 209
 Метнер А. М. 287, 293, 312
 Метнер К. П. 312
 Метнер Н. К. 293
 Метнер Э. К. 20, 33, 37—40, 51, 70, 144, 156, 173, 186, 226, 228, 285—297, 303—321, 371, 376
 Метнеры, семья 23, 27, 33
 Минский Н. М. 209
 Минцлова А. Р. 37—43, 51, 102, 129—131, 264, 277
 Моргенштерн М. (Morgenstern M.) 168, 180, 181, 334, 335, 374
 Моргенштерн Х. (Morgenstern Ch.) 180, 181, 374
 Морозова М. К. 288, 289
 Мотрошилова Н. В. 278
 Моцарт В. А. (Mozart W. A.) 292
 Мочульский К. В. 35
 Муравьев-Амурский Н. Н. 13
 Муравьев-Апостол С. И. 13
 Муравьев-Виленский М. Н. (Вешатель) 13, 14
 Муравьевы, дворянский род 14
 Мюкке И. (Mücke) 206
 Мюллер, адвокат 223
 Наседкина Е. В. 6, 9, 11, 318, 341
 Наташа см. Тургенева Н. А.
 Нейшеллеры Лео и Люси (Neuscheller) 348, 349, 359, 361
 Нефедьев Г. В. 227
 Никиш А. (Nikisch A.) 291—292
 Николокин А. Н. 212, 331
 Нилендер В. О. 35
 Нило И. (Nilo J.) 6, 321
 Нильсен, фрау, хозяйка пансиона 128
 Ницше Ф. (Nietzsche F.) 20, 47, 133, 152, 266, 280
 Обатнин Г. В. 277
 Оболенска Д. 345—346
 Одесский М. П. 279
 Оленина-д'Альгейм М. А. 14—16, 18, 27, 28, 185, 276, 290
 Орлов В. Н. 280
 Осипов К. В. 288
 Павлова Т. В. 8, 15, 20, 156
 Пайперс Ф. (Peipers F.) 98, 119—120
 Панкратов В. С. 346
 Парнок С. Я. 319
 Паули А. (Pauli A.) 6
 Петр Великий 13
 Петровские А. С. и Б. С., братья 19
 Петровский А. С. 16, 17, 21—23, 25, 27, 30, 31, 33, 34, 37, 38, 43, 45, 96, 97, 100—101, 111, 230, 287, 291, 304, 305, 308, 309, 316, 317, 319—321, 343, 344
 Пино, знакомый А. А. Тургеневой 327
 Писарева Е. Ф. 240
 Пискунов В. М. 36, 68, 103, 105, 130, 153
 Плеханов Г. В. 344, 347
 Погибин О. 111
 Полонский В. В. 229
 Поллак-Карлин Р. (Pollak-Karlin R.) 327, 329—330, 339, 343, 345
 Польшман-Мой Дж. (Polman-Mooy J.; Пульман) 126, 223, 224, 226—228, 294—297, 299—301
 Польшман-Мой И. (Polman-Mooy J.; Пульман) 224, 226—228, 292, 294—297, 299, 300
 Понсова Е. Н. 291
 Попова Н. И. 6
 Поццо А. М. 7, 17, 19, 27—33, 43, 46—49, 51, 64, 70, 86—89, 97, 111, 127, 128, 143, 146, 148, 149, 152, 155, 157, 159, 163—165, 169, 170, 172, 178, 181, 201, 213, 219, 220—222, 232, 233, 235, 237, 244, 246, 252, 258, 259, 262, 276, 285, 344, 350, 362, 369—372
 Поццо М. А. 44, 45, 87—88, 163, 164, 169
 Поццо Н. А. см. Тургенева Н. А.
 Пушкин А. С. 78, 123, 160, 171, 204, 211, 212, 215
 Раткина, хозяйка пансиона 334, 338
 Рачинские Г. А. и Т. А. 19
 Рачинский Г. А. 28, 276, 338, 340
 Резвых П. В. 205
 Резниченко А. И. 228, 307, 316
 Рейсбрук И. ван (Ruysbroek J. van; Удивительный) 95, 109
 Риггенбах Г. 227
 Рихтер Т. (Rychter T.) 187, 254, 274
 Рицци Д. (Rizzi D.) 43—45
 Розанов В. В. 201, 212
 Ростопчина Е. П. 184
 Рублев Андрей 214
 Рукавишников В. С. 12, 19
 Румер О. Б. 157
 Руссо Ж.-Ж. 348, 349
 Рыкова В. И. 333
 Сабашникова М. А. 220
 Сабашникова М. В. (в замуж. Волошина) 99, 100, 115—116, 119, 121—124, 127, 219, 220, 235, 237—240, 297, 298, 345, 348, 349, 356, 362, 367—376
 Савченко Е. 6
 Самарин А. Д. 340
 Саша см. Поццо А. М.
 Свасьян К. А. 186, 210, 277
 Сведенборг Э. (Swedenborg E.) 95, 109
 Сиверс М. Я. (в замуж. Штейнер) 47, 52, 65, 78, 88, 89, 115, 127, 128, 173—175, 180, 189, 193, 204, 227, 241—253, 258, 260—262, 264, 271—273, 280, 295, 300, 344, 376
 Сизов В. И. 38, 153
 Сизов Леда, сын В. И. Сизова 153
 Сизов М. И. 107—108, 189, 190, 249
 Синдинг С. (Sinding S.) 128
 Слоним М. Л. 22
 Смирнов М. М. 341
 Смитс К. (Smits K.) 115, 116
 Смитс Л. (Smits L.; Смит) 98—100, 115—116, 119, 121—125
 Соболев А. Л. 291, 307, 318, 320, 321
 Соловьев В. С. 11, 16, 28, 89, 108, 123, 231, 248, 265—266, 269, 279, 280, 282, 298, 341
 Соловьев М. С. 269, 282
 Соловьев С. М., историк 282, 341
 Соловьев С. М., поэт 11, 16—18, 34, 35—36, 70, 75, 338, 341
 Соловьева О. М. 282
 Сологуб Ф. А. 71
 Спивак М. Л. 8, 9, 11, 27, 86, 88, 89, 108, 111, 113, 180, 190, 206, 210, 228, 242, 273, 277, 279, 318, 333, 341, 351, 374
 Стелун Ф. А. 80
 Стороженко М. Н. (Маруся) 144, 153
 Стороженко Н. И. 153
 Стрижак Т. Л. 298, 367
 Сугай Л. А. 206, 274, 355
 Танеевы В. И. и С. И. 41
 Тарасевичи Л. А. и А. В. 19
 Тереза, св. 19, 34
 Толстой Л. Н. 205, 254, 274
 Толстой С. Л. 19
 Торшилов Д. О. 228
 Трапезников Т. Г. 47, 95, 96, 100, 108, 111, 200, 212, 219, 220, 354, 356
 Трубецкой Е. Н. 312
 Тургенев А. Н., отец сестер Тургеневых 12—14
 Тургенев А. Н., прадед сестер Тургеневых 12
 Тургенев И. С. 11, 12, 337
 Тургенев М. А. 13
 Тургенев С. Н. 12
 Тургенева А. А. 7—33, 35—37, 40, 42—52, 56—58, 60—64, 67, 70—73, 76—81, 83—89, 96, 97, 99, 101, 103, 106, 111, 113, 121, 123, 125, 127—131, 133, 138, 142, 143, 145—148, 152, 155, 157, 158, 166, 168, 169, 171—175, 180, 181, 184—186, 189, 190, 206, 211—213, 217, 219—222, 225, 232—238, 241—242, 244—248, 251—253, 258—259, 262—263, 271—274, 276, 278, 281, 285—287, 293, 301, 303, 308, 309, 313—314, 325—332, 334—339, 341—345, 347—356, 359—363, 368, 371, 375, 376
 Тургенева Н. А. (в замуж. Поццо) 7—19, 22—23, 27—39, 41—51, 56, 60—70, 74—82, 84—89, 93, 97, 103, 111, 127—130, 132, 136—150, 152, 155, 157, 161—180, 184—187, 189, 190, 194, 201—204, 211, 212, 216—

- 219, 221, 223, 226, 228, 232—235,
237—239, 242, 244—248, 251—253,
258, 260, 262—263, 271—273, 276,
278, 285—297, 301, 303—306, 309,
312, 314, 319, 321, 326, 327, 332—
335, 337, 338, 341—345, 347—355,
359—362, 368—370, 372, 375, 376
- Тургенева С. Н. см. Кампиони С. Н.
Тургенева Т. А. 11—13, 15, 16, 341
Тушлинг Б. (Tuschling B.) 278
Ушакова Т. 114, 124
- Фарнаро** 296
Фет А. А. 158
Флоренский П. А. 196—199, 208, 209,
211
Фома Аквинский 334, 335
Фома Кентерберийский 196, 208
Францони, врач 350, 359
Фридкина Г. Г. (Fritkin H. G.) 200,
211—212, 361
Хауген М. (Haugen) 249
Холодковский Н. П. 184, 371
Христофорова К. П. 38
Хрулева Р. П. 122, 356, 367, 368
- Цветаева** М. И. 11, 22, 35, 341
Цепов С. Н. 209
Чернов В. М. 344, 347
Чернова Е. И. 153
Чернышевы, дворянский род 13, 14
Чехов А. П. 182, 205
Чехов М. А. 374
- Шарипов** А. М. 340
Шекспир У. (Shakespeare W.) 150
Шишкин А. Б. 318
Шметтау Р. (Schmettau R.) 343—345,
371, 376—377
Шмид-Куртиус К. (Schmid-Curtius C.)
362, 363
Шнитцер С. П. 110
Шоль М. (Scholl M.) 99, 120—121
Шпет (Шпетт) Г. Г. 19
Шрекенбах Б. (Schreckenbach B.) 124
Шталь Х. (Stahl H.) 88, 206, 279, 333
Штейнер М. Я. см. Сиверс М. Я.
Штейнер Р. (Steiner R.; Штайнер;
доктор) 7, 9, 16, 24, 37, 43—53,
57, 59, 64—65, 73, 75, 76, 78—80,
84, 85, 87—89, 93—101, 104—
135, 138, 145—148, 150, 151, 155—
160, 162—165, 167, 168, 173—182,
184—187, 189—194, 198, 205—208,
210, 212—214, 227, 240—242, 246,
248—252, 258, 261, 264, 269, 270,
273—274, 277, 278, 281, 286, 292,
294, 297—300, 303, 304, 306—
308, 311, 312, 314—319, 327, 328,
330, 331, 335, 336, 344—345, 349,
353, 355, 356, 362—363, 367, 375,
376, 377
- Шуберт** Ф. (Schubert F.) 188
Эдельштейн М. Ю. 205
Экземплярский В. И. 205
Эккартштейн И. фон (Eckhardtstein I.
von) 187
Экхарт И. (Eckhart J.; Мейстер Эк-
харт) 95, 109
Эллис (Кобылинский Л. Л.) 22, 37,
43, 100, 125—127, 223—230, 292,
295—302, 305, 306, 308, 309, 315,
316, 318—319, 371, 376
- Эмпедокл** 249
Энглерт Й. (Englert J.) 357, 361—363
Эпименид 150
Юнг К. Г. (Jung C. G.) 287
Юнгрен М. (Junggren M.) 6, 27, 33,
69, 186, 286—287, 291, 293, 307, 351
Янцен В. 227
- Fleishman** L. 301
Hellmundt Chr. 9
Gut Т. см. Гут Т.
Karlsohn I. 376
Malmstad J. E. см. Малмстад Дж.
Newerkla S. 301
Nilo J. см. Нило Й.
Nilsson M. 376
Pauli A. см. Паули А.
Poljakov F. B. 301
Rizzi D. см. Рицци Д.
Siegloch M. 116, 123
Steiner Р. см. Штейнер Р.
Stückelberg 292
Thomann, frau, хозяйка дома в Дорна-
хе 221, 222, 339, 359
Unger C. 206
Wachtel M. 301
Zorikhina-Nilsson N. 376